

Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ

УЧЕБНИК • 4 класс • Часть 2

В ОКЕАНЕ СВЕТА

Федеральный государственный образовательный стандарт
Образовательная система «Школа 2100»

Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ

УЧЕБНИК • 4 класс • Часть 2

В ОКЕАНЕ СВЕТА

Рекомендовано Министерством образования
и науки Российской Федерации

Москва

БАХАСС

2012

Раздел 4

Век XX. Новые встречи со старыми друзьями

ON/OFF

4

v

t

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМОЕ (В... БИБЛИОТЕКУ)

Письмо бабушки.

Актриса Лидия Алексеевна Чурилова, или
Загадка Лидии Чарской

Как-то раз наши близнецы возвращались домой из школы и встретили на первом этаже у лифта Николая Александровича. Он только что вынул из почтового ящика газету и два журнала — «Мурзилку» и «Вопросы литературы». Поднимаясь в лифте на свой пятый этаж, Игорь перелистывал «Мурзилку» и вдруг с удивлением прочитал: «Ежемесячный журнал... издаётся с мая 1924 года».

— Ничего себе! Сколько же лет «Мурзилке»?

— Возраст весьма солидный, — отозвался Николай Александрович. — В детстве я тоже читал этот журнал, а ещё и «Чижа». Это был замечательный журнал для маленьких, он выходил с 1930-го по 1941-й год. А название «Чиж» редакция расшифровывала так: «Чрезвычайно интересный журнал». Кстати, в редакции «Чижа» работали Маршак, Житков, Хармс, Михалков, Бианки. В журнале печатались сказки, рассказы, очерки, стихи, загадки. Вообще история детских журналов — это очень интересно. Вот, например, вы уже знаете о журнале Николая Ивановича Новикова «Детское чтение для сердца и разума», о журналах для девочек «Звёздочка» и «Лучи», которые издавала Александра Осиповна Ишимова. В начале XX века выходил журнал «Задушевное слово», а в 20-е годы появилось сразу несколько журналов для детей. Самый первый назывался «Северное сияние», потом стал выходить журнал «Воробей», в 1924 году его переименовали и назвали «Новый Робинзон». С 1924 года выходят журналы «Пионер» и «Мурзилка», а с 1930 года — «Чиж».

После разговора с Николаем Александровичем Игорь и Оля решили сходить в читальный зал.

Библиотека была рядом, на Остоженке, в доме напротив. В читальном зале ребятам дали пачки

журналов. Близнецы долго сидели молча. Вдруг Оля сказала:

— Слушай, Игорёк, какое я письмо интересное нашла, — и шёпотом стала пересказывать брату содержание.

— Представляешь, одна бабушка написала, что случайно прочла в «Пионерской правде» отрывки из книги Лидии Чарской «Смелая жизнь», и она благодарит газету за то, что узнала наконец, кто же написал её любимую книгу. Эта книга у неё в детстве была, старая, без обложки, и вот теперь бабушка так рада, что своим внукам может сказать: автор — Лидия Чарская. Интересно, почему эта бабушка столько лет помнит какую-то детскую книжку?

— А давай спросим, может быть, в этой библиотеке есть «Смелая жизнь»? — предложил Игорь.

«Смелая жизнь», к сожалению, была у кого-то на руках, и библиотекарь предложила близнецам другую книгу Лидии Чарской — «Записки маленькой гимназистки». Когда дети, вернувшись домой, показали её Николаю Александровичу, профессор был приятно удивлён:

— Значит, Чарскую снова читают дети? Замечательно, друзья мои.

— Почему снова? А когда не читали?

— Долго, судари мои. Лет шестьдесят, пожалуй, не читали. Удивительная судьба у этой писательницы. Лидия Чарская — это псевдоним актрисы Лидии Алексеевны Чуриловой. Её первая книга для детей вышла в 1902 году, и больше двадцати лет Лидия Чарская была самой популярной и любимой детской писательницей в России. Потом её книги стали критиковать, даже ругать, перестали печатать.

— Почему? — удивилась Оля.

— Давайте поговорим об этом потом, когда вы прочитаете, хорошо?

Лидия Чарская
(Л.А. Чурилова)

Лидия Чарская (1878—1937)

из книги

«ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ»

Глава I

В ЧУЖОЙ ГОРОД, К ЧУЖИМ ЛЮДЯМ

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! — стучат колёса, и поезд быстро мчится всё вперёд и вперёд.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колёса выстукивают одно и то же, без счёта, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колёса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как всё странно делается на свете! Могла ли я думать несколько недель тому назад, что мне придётся покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать одной-одинёшеньке за тысячи вёрст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне всё ещё кажется, что это только сон, но — увы! — это не сон!..

— Петербург! — раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Серёжей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул — «на всякий случай», если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрочкой.

— Очень уж я вас жалею, барышня, — говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, — потому сиротка вы, а Бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень невмоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я всё больше, а жена с Нюркой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

— Петербург! — ещё раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил:

— Вот и приехали, барышня. Дозвольте, я вещички ваши соберу, а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелек с деньгами и кричала, что её обокрали. Чей-то ребёнок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своём разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидела! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошёл медленнее. Колёса уже не выкрикивали своё неугомонное «вот так-так!». Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, весёлый ход.

И вот поезд остановился.

— Пожалуйте, приехали, — произнёс Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой тёплый платок, подушку и чемоданчик, а другою крепко сжав мою

руку, повёл меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

Глава IV

СЕМЕЙСТВО ИКОНИНЫХ. — ПЕРВЫЕ НЕВЗГОДЫ

- Мати́льда, Фра́нцевна привезла девочку!
- Твою кузину, а не просто девочку...
- И твою тоже!
- Врёшь! Я не хочу никакой кузины! Она ни-
щая.
- И я не хочу!
- И я! И я!
- Звоня́т! Ты оглох, Фёдор?
- Привезла! Привезла! Ура!

Всё это я слышала, стоя перед обитой тёмно-зелёной клеёнкой дверью. На прибитой к двери медной дощечке было выведено крупными, красивыми буквами

**Действительный ста́тский советник
Михаил Васильевич Иконин.**

За дверью слышались торопливые шаги, и лакей в чёрном фраке и белом галстуке, такой, какого я видела только на картинках, широко распахнул дверь.

Едва только я перешагнула порог её, как кто-то быстро схватил меня за руку, кто-то тронул за плечи, кто-то закрыл мне рукою глаза, в то время как уши мои наполнились шумом, звоном и хохотом, от которого у меня разом закружилась голова.

Когда я очнулась немного и глаза мои снова могли смотреть, я увидела, что стою посреди роскошно убранной гостиной с пушистыми коврами на полу, с нарядной позолоченной мебелью, с огромными зеркалами от потолка до пола. Такой роскоши мне никогда ещё не доводилось видеть, и потому немудрено, если всё это показалось мне сном.

Вокруг меня толпились трое детей: одна девочка и два мальчика. Девочка была ровесница мне. Белокурая, нежная, с длинными вьющимися локонами, перевязанными розовыми бантиками у висков, с капризно вздёрнутой верхней губой, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было надето очень нарядное белое платье с кружевным воланом и розовым же кушаком. Один из мальчиков, тот, который был значительно старше, одетый в форменный гимназический мундирчик, очень походил на сестру; другой, маленький, кудрявый, казался не старше шести лет. Худенькое, живое, но бледное его личико казалось болезненным на вид, но пара карих и быстрых глазёнок так и впилась в меня с самым живым любопытством.

Это были дети моего дяди — Жоржик, Нина и Толя, о которых мне не раз рассказывала покойная мамочка.

Дети молча смотрели на меня. Я — на детей. Минут пять длилось молчание.

И вдруг младший мальчуган, которому наскучило, должно быть, стоять так, неожиданно поднял руку и, ткнув в меня указательным пальцем, произнёс:

— Вот так фигура!

— Фигура! Фигура! — вторила ему белокурая девочка. — И правда: фигура! Только верно сказал!

И она запрыгала на одном месте, хлопая в ладоши.

— Очень остроумно, — произнёс в нос гимназист, — есть чему смеяться. Просто она мокрица какая-то!

— Как мокрица? Отчего мокрица? — так и всколыхнулись младшие дети.

— Да вон, разве не видите, как она пол намочила. В калошах ввалилась в гостиную. Остроумно! Нечего сказать!

Вон наследила как! Лужа. Мокрица и есть.

— А что это такое — мокрица? — полюбопытствовал Толя, с явным почтением глядя на старшего брата.

— Мм... мм... мм... — смешался гимназист, — мм... это цветок такой: когда к нему прикоснёшься пальцем, он сейчас и закроется... Вот...

— Нет, вы ошибаетесь, — вырвалось у меня против воли (мне покойная мама читала и про растения, и про животных, и я очень много знала для своих лет). — Цветок, который закрывает свои лепестки при прикосновении, — это мимоза, а мокрица — это водяное животное вроде улитки.

— Ммм... — мычал гимназист, — не всё ли равно, цветок или животное. У нас ещё этого не проходили в классе. А вы чего с носом суётесь, когда вас не спрашивают? Ишь какая умница выискалась!.. — внезапно накинулся он на меня.

— Ужасная выскочка! — вторила ему девочка и прищурила свои голубые глазки. — Вы лучше бы за собой следили, чем Жоржа поправлять, — капризно протянула она, — Жорж умнее вас, а вы вот в калошах в гостиную влезли. Очень красиво!

— Остроумно! — снова процедил гимназист.

— А ты всё-таки мокрица! — пропищал его братишка и захихикал. — Мокрица и нищая!

Я вспыхнула. Никто ещё не называл меня так. Прозвище нищей обидело меня больше всего остального. Я видела нищих у паперти¹ церковей и не раз сама подавала им деньги по приказанию мамочки. Они просили «ради Христа» и протягивали за милостыней руку. Я руки за милостыней не протягивала и ничего ни у кого не про-

¹ Паперть — крыльцо перед входом в церковь.

сила. Значит, он не смеет называть меня так. Гнев, горечь, озлобление — всё это разом закипело во мне, и не помня себя я схватила моего обидчика за плечи и стала трясти его изо всей силы, задыхаясь от волнения и гнева.

— Не смей говорить так. Я не нищая! Не смей называть меня нищей! Не смей! Не смей!

— Нет, нищая! Нет, нищая! Ты у нас из милости жить будешь. Твоя мама умерла и денег тебе не оставила. И обе вы нищие, да! — как заученный урок повторял мальчик. И, не зная, ещё чем досадить мне, он высунул язык и стал делать перед моим лицом самые невозможные гримасы. Его брат и сестра хохотали от души, потешаясь этой сценой.

Никогда не была я злючкой, но когда Толя обидел мою мамочку, я вынести этого не могла. Страшный порыв злобы охватил меня, и с громким криком, не задумываясь и сама не помня, что делаю, я изо всей силы толкнула моего двоюродного братца.

Он сильно пошатнулся сначала в одну сторону, потом в другую и, чтобы удержать равновесие, схватился за стол, на котором стояла ваза. Она была очень красивая, вся расписанная цветами, аистами и какими-то смешными черноволосыми девочками в цветных длинных халатах, в высоких причёсках и с раскрытыми веерами у груди.

Стол закачался не меньше Толи. С ним закачалась и ваза с цветами и чёрненькими девочками. Потом ваза скользнула на пол... Раздался оглушительный треск.

Трах!

И чёрненькие девочки, и цветы, и аисты — всё смешалось и исчезло в одной общей груде черепков и осколков.

Глава VIII
В ГИМНАЗИИ. — НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА. —
Я — ГИМНАЗИСТКА

— Вот вам новая ученица, Анна Владимировна. Предупреждаю, девочка из рук вон плоха. Возни вам будет достаточно с нею. Лжива, груба, драчлива и непослушна. Наказывайте её почаще. Frau Generalin (генеральша) ничего не будет иметь против.

И, закончив длинную речь, Матильда Францевна окинула меня торжествующим взглядом.

Но я не смотрела на неё. Всё моё внимание привлекала к себе высокая, стройная дама в синем платье, с орденом на груди, с белыми как лунь волосами и молодым, свежим, без единой морщинки лицом. Её большие, ясные, как у ребёнка, глаза смотрели на меня с нескрываемой грустью.

— Ай-ай-ай, как нехорошо, девочка! — произнесла она, покачивая своей седой головою.

И лицо её в эту минуту было такое же кроткое и ласковое, как у моей мамочки. Только моя мамочка была совсем чёрненькая, как мушка, а синяя дама вся седая. Но лицом она казалась не старше мамочки и странно напоминала мне мою дорогую.

— Ай-ай-ай! — повторила она без всякого гнева. — И не стыдно тебе, девочка?

Ах, как мне было стыдно! Мне хотелось заплакать, так мне было стыдно. Но не от сознания своей виновности — я не чувствовала никакой вины за собою, — а потому только, что меня оклеветали перед этой милой ласковой начальницею гимназии, так живо напомнившей мне мою мамочку.

<...>

Мы все трое, Матильда Францевна, Жюли и я, пришли в гимназию вместе. Маленькая горбунья побежала в классы, а меня задержала на-

чальница гимназии Анна Владимировна Чирикова. Ей-то и рекомендовала меня злая Бавария с такой нелестной стороны.

— Верите ли, — продолжала Матильда Францевна рассказывать начальнице, — всего только сутки как водворили у нас в доме эту девочку, — тут она мотнула головой в мою сторону, — а уже столько она набедокурила, что сказать нельзя!

И начался долгий пересчёт всех моих проделок. Тут уж я не выдержала больше. Слёзы разом навернулись мне на глаза, я закрыла лицо руками и громко зарыдала.

— Дитя! Дитя! Что с тобою? — послышался над мной милый голос синей дамы. — Слёзы тут не помогут, девочка, надо стараться исправиться... Не плачь же, не плачь! — и она нежно гладила меня по головке своей мягкой белой рукою.

Не знаю, что случилось со мною в эту минуту, но я быстро схватила её руку и поднесла к губам. Начальница смешалась от неожиданности, потом быстро обернулась в сторону Матильды Францевны и сказала:

— Не беспокойтесь, мы поладим с девочкой. Передайте генералу Иконину, что я принимаю её.

— Но помните, уважаемая Анна Владимировна, — скривив многозначительно губы, произнесла Бавария. — Елена заслуживает строгого воспитания. Как можно чаще наказывайте её.

— Я не нуждаюсь ни в чьих советах, — холодно проговорила начальница, — у меня своя собственная метода воспитывать детей.

И чуть заметным кивком головы она дала понять немке, что она может оставить нас одних.

Когда мы остались вдвоём, моя новая покровительница подняла мою голову и, держа моё лицо своими нежными руками, проговорила тихим, в душу вливающимся голосом:

— Я не могу верить, девочка, чтобы ты была такою.

И снова глаза мои наполнились слезами.

— Нет, нет! Я не такая, нет! — вырвалось со стоном и криком из моей груди, и я, рыдая, бросилась на грудь начальницы.

Она дала мне время выплакаться хорошенько, потом, поглаживая меня по голове, заговорила:

— Ты поступишь в младший класс. Экзаменовывать тебя теперь не будем; дадим тебе оправиться немного. Сейчас ты пойдёшь в класс знакомиться с твоими новыми подругами. Я не стану провожать тебя, ступай одна. Дети сближаются лучше без помощи старших. Постарайся быть умницей, и я буду любить тебя. Хочешь, чтобы я тебя любила, девочка?

— О-о! — могла только выговорить я, глядя с восхищением в её кроткое, прекрасное лицо.

— Ну смотри же, — покачала она головою, — а теперь ступай в класс. Твоё отделение первое направо по коридору. Торопись, учитель уже пришёл.

Я молча поклонилась и пошла к дверям. У порога я оглянулась, чтобы ещё раз увидеть ми-

ON/OFF

16

v

t

лое молодое лицо и седые волосы начальницы. И она смотрела на меня.

— Ступай с Богом, девочка! Твоя кузина Юлия Иконина познакомит тебя с классом.

И кивком головы госпожа Чирикова отпустила меня.

Первая дверь направо! Первая дверь...

Я с недоумением оглядывалась вокруг себя, стоя в длинном светлом коридоре, по обе стороны которого тянулись двери с прибитыми чёрными дощечками над ними. На чёрных дощечках написаны цифры, обозначающие название класса, находящегося за дверью.

Ближайшая дверь и чёрная дощечка над нею принадлежали первому, или младшему, классу. Я храбро приблизилась к двери и открыла её.

Тридцать, или около этого числа, девочек сидят на скамейках за покатыми столиками в виде пюпитров. Их по две на каждой скамейке, и все они записывают что-то в синих тетрадках. На высокой кафедре сидит черноволосый господин в очках, с подстриженной бородою и вслух читает что-то. У противоположной стены за маленьким столиком какая-то тощая девушка, чёрненькая, с жёлтым цветом лица, с косыми глазами, вся в веснушках, с жиденькой косичкой, заложенной на затылке, вяжет чулок, быстро-быстро двигая спицами.

Лишь только я появилась на пороге, как все тридцать девочек, как по команде, повернули ко мне свои белокурые, чёрненькие и рыжие головки. Тощая барышня с косыми глазами беспокойно завертелась на своём месте. Высокий господин с бородою, в очках, сидевший за отдельным столом на возвышении, пристальным взором окинул меня с головы до ног и произнёс, обращаясь ко всему классу и глядя поверх очков:

ON/OFF

17

v

t

— Новенькая?

И рыженькие, и чёрненькие, и беленькие девочки прокричали хором на разные голоса:

— Новенькая, Василий Васильевич!

— Иконина-вторая!

— Сестра Юлии Икониной.

— Вчера только приехала из Рыбинска.

— Из Костромы!

— Из Ярославля!

— Из Иерусалима!

— Из Южной Америки!

— Молчать! — кричала, надрываясь, тощая барышня в синем платье.

Учитель, которого дети называли Василием Васильевичем, зажал уши, потом разжал их и спросил:

— А кто из вас может сказать, когда благовоспитанные девицы бывают курицами?

— Когда они кудахчут! — бойко ответила с передней скамейки розовенькая белокурая девочка с весёлыми глазками и вздёрнутым пуговицеобразным носиком.

— Именно-с, — ответил учитель, — и прошу оставить ваше кудахтанье по этому случаю. Новенькая, — обратился он ко мне, — вы сестра или кузина Икониной?

«Кузина», — хотела ответить я, но в эту минуту с одной из ближайших скамеек поднялась бледная Жюли и произнесла сухо:

— Я, Василий Васильевич, не хочу считать её ни сестрой, ни кузиной.

— Это почему же? Почему такая немилость? — изумился тот.

— Потому что она лгунья и драчунья! — крикнула со своего места белокурая девочка с весёлыми глазками.

— А вы почём знаете, Соболева? — перевёл на неё глаза учитель.

— Мне Иконина говорила. И всему классу говорила то же, — бойко отвечала живая Соболева.

— Недурно, — усмехнулся учитель. — Хорошо же вы отрекомендовали кузину, Иконина. Нечего сказать! Откровенно! Да я бы на вашем месте, если бы это и было так, скрыл от подруг, что у вас кузина драчунья, а вы точно хвастаетесь этим. Стыдно выносить сор из избы! И потом... Странно, но эта худенькая девочка в траурном платице не имеет вида драчуньи. Так ли я говорю, а, Иконина-вторая?

Вопрос был обращён прямо ко мне. Я знала, что мне надо было ответить, и не могла. В странном смущении стояла я у дверей класса, упорно смотря в пол.

— Ну хорошо, хорошо. Не смущайтесь! — ласковым голосом обратился ко мне учитель. — Садитесь на место и пишите диктовку... Жебелева, дайте тетрадку и перо новенькой. Она сядет с вами, — скомандовал учитель.

<...>

Василий Васильевич повторял одну и ту же фразу несколько раз, и потому было очень легко писать под его диктовку. Покойная мамочка сама занималась со мною русским языком и арифметикой. Я была очень прилежна и для моих девяти лет писала довольно сносно. Сегодня же я с особенным усердием выводила буквы, стараясь угодить обласкавшему меня учителю, и очень красиво и правильно исписала целую страницу.

— Точка. Довольно. Жукова, соберите тетради, — приказал учитель.

Худенькая востроносенькая девочка, моя сверстница, стала обходить скамейки и собирать тетради в одну общую грудку.

Василий Васильевич отыскал мою тетрадку и, быстро раскрыв её, стал просматривать прежде всех остальных тетрадей.

— Браво, Иконина. Браво! Ни одной ошибки, и написано чисто и красиво, — произнёс он весёлым голосом.

В тот же миг раздался резкий голос:

— Я очень стараюсь, господин учитель, немудрено, что вы довольны моей работой! — произнесла на весь класс моя кузина Жюли.

— Ах, это вы, Иконина-первая? Нет, это не вами я доволен, а работой вашей кузины, — поторопился пояснить учитель. И тут же, увидя, как покраснела девочка, он успокоил её:

— Ну, ну, не смущайтесь, барышня. Может быть, ваша работа ещё лучше окажется.

И он быстро отыскал её тетрадь в общей груде, поспешно раскрыл её, пробежал написанное... и всплеснул руками, потом быстро повернул к нам тетрадку Жюли раскрытой страницей и, высоко подняв её над головою, вскричал, обращаясь ко всему классу:

Гимназисты. Фото 1909 года

— Что это, девицы? Диктовка ученицы или шалость разрезвившегося петушка, который опустил лапку в чернила и нацарапал эти каракульки?

Вся страница тетради Жюли была испещрена крупными и мелкими кляксами. Класс смеялся. Тощая барышня, оказавшаяся, как я узнала потом, классной дамой, всплеснула руками, а Жюли стояла у своего пюпитра с угрюмо сдвинутыми бровями и злым-презлым лицом. Ей, казалось, во все не было стыдно — она только злилась.

А учитель между тем продолжал рассматривать исписанную каракулями страницу и считал:

— Одна... две... три ошибки... четыре... пять... десять... пятнадцать... двадцать... Недурно, в десяти строках — двадцать ошибок. Стыдитесь, Иконина-первая! Вы старше всех и пишете хуже всех. Берите пример с вашей младшей кузины! Стыдно, очень стыдно!

Он хотел сказать ещё что-то, но в эту минуту прозвучал звонок, извещающий об окончании урока.

Глава X

ФИЛЬКА ПРОПАЛ. — МЕНЯ ХОТЯТ НАКАЗАТЬ

Опять зажгли громадную висячую люстру в столовой и поставили свечи на обоих концах длинного стола. Опять неслышно появился Фёдор с салфеткой в руках и объявил, что кушать подано. Это было на пятый день моего пребывания в доме дяди. Тётя Нелли, очень нарядная и очень красивая, вошла в столовую и заняла своё место. Дяди не было дома: он должен был сегодня приехать очень поздно. Все мы собрались в столовой, только Жоржа не было.

— Где Жорж? — спросила тётя, обращаясь к Матильде Францевне.

Та ничего не знала.

И вдруг, в эту самую минуту, Жорж, как ура-

ON/OFF

21

ган, ворвался в комнату и с громкими криками бросился на грудь матери.

Он ревел на весь дом, всхлипывая и причитая. Всё его тело вздрагивало от рыданий. Жорж умел только дразнить сестёр и брата и «остроумить», как говорила Ниночка, и потому было ужасно странно видеть его самого в слезах.

— Что? Что такое? Что случилось с Жоржем? — спрашивали все в один голос.

Но он долго не мог успокоиться.

Тётя Нелли, которая никогда не ласкала ни его, ни Толю, говоря, что мальчикам ласка не приносит пользы, а что их следует держать строго, в этот раз нежно обняла его за плечи и притянула к себе.

— Что с тобою? Да говори же, Жоржик! — самым ласковым голосом просила она сына.

Несколько минут ещё продолжалось всхлипывание. Наконец Жорж выговорил с большим трудом прерывающимся от рыданий голосом:

— Филька пропал... мама... Филька...

— Как? Что? Что такое?

Все разом заахали и засуетились. Филька — это был не кто иной, как сова, напугавшая меня в первую ночь моего пребывания в доме дяди.

— Филька пропал? Как? Каким образом?

Но Жорж ничего не знал. И мы знали не больше его.

Филька жил всегда, со дня своего появления в доме (то есть с того дня, как дядя привёз его однажды, возвратившись с пригородной охоты), в большой кладовой, куда входили очень редко, в определённые часы, и куда сам Жорж являлся аккуратно два раза в день, чтобы кормить Фильку сырым мясом и подрессировать его на свободе. Он просиживал долгие часы в гостях у Фильки, которого любил, кажется, гораздо больше родных сестёр и брата. По крайней мере, Ниночка уверяла всех в этом.

И вдруг — Филька пропал!

ON/OFF

22

v

t

Тотчас после обеда все принялись за поиски Фильки. Только Жюли и меня отправили в детскую учить уроки.

Лишь только мы остались одни, Жюли сказала: — А я знаю, где Филька!

Я подняла на неё глаза, недоумевая.

— Я знаю, где Филька! — повторила горбунья. — Это хорошо... — неожиданно заговорила она, задыхаясь, что с нею было постоянно, когда она волновалась, — это очень даже хорошо. Жорж мне сделал гадость, а у него пропал Филька... Очень, очень даже хорошо!

И она торжествующе хихикала, потирая руки.

Тут мне разом припомнилась одна сцена — и я поняла всё.

В тот день, когда Жюли получила единицу за Закон Божий, дядя был в очень дурном настроении. Он получил какое-то неприятное письмо и ходил бледный и недовольный весь вечер. Жюли, боясь, что ей достанется больше, нежели в другом случае, попросила Матильду Францевну не говорить в этот день об её единице, и та обещала. Но Жорж не выдержал и нечаянно или нарочно объявил во всеуслышание за вечерним чаем:

— А Жюли получила кол из Закона Божия!

Жюли наказали. И в тот же вечер, ложась спать, Жюли погрозила кому-то кулаками, лёжа уже в постели (я зашла в эту минуту случайно в их комнату), и сказала:

— Ну уж я ему припомню за это. Он у меня попляшет!..

И она припомнила — на Фильке. Филька исчез. Но как? Как и куда могла маленькая двенадцатилетняя девочка спрятать птицу — этого я угадать не могла.

— Жюли! Зачем ты сделала это? — спросила я, когда мы вернулись в классную после обеда.

— Что сделала? — так и встрепенулась горбунья.

— Куда ты дела Фильку?

— Фильку? Я? Я дела? — вскричала она, вся бледная и взволнованная. — Да ты с ума сошла! Я не видела Фильки. Убирайся, пожалуйста.

— А зачем же ты... — начала я и не докончила.

Дверь широко распахнулась, и Матильда Францевна, красная, как пион, влетела в комнату.

— Очень хорошо! Великолепно! Воровка! Укрывательница! Преступница! — грозно потрясая руками в воздухе, кричала она.

И прежде чем я успела произнести хоть слово, она схватила меня за плечи и потащила куда-то.

Передо мною замелькали знакомые коридоры, шкапы, сундуки и корзины, стоявшие там по стенам. Вот и кладовая. Дверь широко распахнута в коридор. Там стоят тётя Нелли, Ниночка, Жорж, Толя...

— Вот! Я привела виновную! — торжествующе вскричала Матильда Францевна и толкнула меня в угол.

Тут я увидела небольшой сундучок и в нём распростёртого на дне мёртвого Фильку. Сова лежала, широко распластав крылья и уткнувшись клювом в доску сундука. Должно быть, она задохнулась в нём от недостатка воздуха, потому что клюв её был широко раскрыт, а круглые глаза почти вылезли из орбит.

Я с удивлением посмотрела на тётю Нелли.

— Что это такое? — спросила я.

— И она ещё спрашивает! — вскричала, или, вернее, взвизгнула Бавария. — И она ещё осмеливается спрашивать — она, неисправимая притворщица! — кричала она на весь дом, размахивая руками, как ветряная мельница своими крыльями.

— Я ни в чём не виновата! Уверю вас! — произнесла я тихо.

— Не виновата! — произнесла тётя Нелли и прищурила на меня свои холодные глаза. —

Жорж, кто, по-твоему, спрятал сову в ящик? — обратилась она к старшему сыну.

— Конечно, Мокрица, — произнёс он уверенным голосом. — Филька напугал её тогда ночью!.. И вот она в отместку за это... Очень остроумно... — и он снова захныкал.

— Конечно, Мокрица! — подтвердила его слова Ниночка.

Меня точно варом обдало. Я стояла, ровно ничего не понимая. Меня обвиняли — и в чём же? В чём я совсем, совсем не была виновата.

Один Толя молчал. Глаза его были широко раскрыты, а лицо побелело, как мел. Он держался за платье своей матери и не отрываясь смотрел на меня.

Я снова взглянула на тётю Нелли и не узнала её лица. Всегда спокойное и красивое, оно как-то подёргивалось в то время, когда она говорила:

— Вы правы, Матильда Францевна. Девочка неисправима. Надо попробовать наказать её чувствительно. Распорядитесь, пожалуйста. Пойдёмте, дети, — произнесла она, обращаясь к Нине, Жоржу и Толе.

И, взяв младших за руки, вывела их из кладовой.

На минуту в кладовую заглянула Жюли. У неё было совсем уже бледное, взволнованное лицо, и губы её дрожали, точь-в-точь, как у Толи.

Я взглянула на неё умоляющими глазами.

— Жюли! — вырвалось из моей груди. — Ведь ты знаешь, что я не виновата. Скажи же это.

Но Жюли ничего не сказала, повернулась на одной ножке и исчезла за дверью.

В ту же минуту Матильда Францевна высунулась за порог и крикнула:

— Дуняша! Розог!

Я похолодела. Липкий пот выступил у меня на лбу. Что-то клубком подкатило к груди и сжало горло.

Меня? Высечь? Меня — мамочкину Леночку, которая была всегда такой умницей в Рыбинске, на которую все не нахвалились?.. И за что? За что?

Не помня себя я кинулась на колени перед Матильдой Францевной и, рыдая, покрывала поцелуями её руки с костлявыми крючковатыми пальцами.

— Не наказывайте меня! Не бейте! — кричала я иступлённо. — Ради Бога, не бейте! Мамочка никогда не наказывала меня. Пожалуйста. Умоляю вас! Ради Бога!

Но Матильда Францевна и слышать ничего не хотела. В ту же минуту просунулась в дверь рука Дуняши с каким-то отвратительным пучком. Лицо у Дуняши было всё залито слезами. Очевидно, доброй девушке было жаль меня.

— А-а, отлично! — прошипела Матильда Францевна и почти вырвала розги из рук горничной. Потом подскочила ко мне, схватила меня за плечи и изо всей силы бросила на один из сундуков, стоявших в кладовой.

Голова у меня закружилась сильнее... Во рту стало горько, и как-то холодно зарáз. И вдруг...

— Не смейте трогать Лену! Не смейте! — прозвенел над моей головой чей-то дрожащий голос.

Я быстро вскочила на ноги. Точно что-то подняло меня. Передо мной стоял Толя. По его детскому личику катились крупные слёзы. Воротник курточки съехал в сторону. Он задыхался. Видно, что мальчик спешил сюда сломя голову.

— Мадемуазэль, не смейте сечь Лену! — кричал он вне себя. — Лена сиротка, у неё мама умерла... Грех обижать сироток! Лучше меня высеките. Лена не трогала Фильку! Правда же, не трогала! Ну что хотите сделайте со мною, а Лену оставьте!

Он весь трясся, весь дрожал, всё его тоненькое тельце ходуном ходило под бархатным костюмом, а из голубых глазёнок текли всё новые и новые потоки слёз.

— Толя! Сейчас же замолчи! Слышишь, сию же минуту перестань реветь! — прикрикнула на него гувернантка.

— А вы не будете Лену трогать? — всхлипывая, прошептал мальчик.

— Не твоё дело! Ступай в детскую! — снова закричала Бавария и взмахнула надо мною отворотительным пучком прутьев.

Но тут случилось то, чего не ожидали ни я, ни она, ни сам Толя: глаза у мальчика закатились, слёзы разом остановились, и Толя, сильно пошатнувшись, изо всех сил грохнулся в обмороке на пол.

Поднялся крик, шум, беготня, топот.

Гувернантка бросилась к мальчику, подхватила его на руки и понесла куда-то. Я осталась одна, ничего не понимая, ни о чём не соображая в первую минуту. Я была очень благодарна милому мальчику за то, что он спас меня от позорного наказания, и в то же время я готова была быть высеченной противной Баварией, лишь бы Толя остался здоров.

Размышляя таким образом, я присела на край сундука, стоявшего в кладовой, и сама не знаю как, но сразу заснула, измученная перенесёнными волнениями.

Глава XI

МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ И ЛИВЕРНАЯ КОЛБАСА

— Тс! Ты не спишь, Леночка?

Что такое? Я в недоумении открываю глаза. Где я? Что со мною?

Лунный свет льётся в кладовую через маленькое окошко, и в этом свете я вижу маленькую фигурку, которая тихо прокрадывается ко мне.

На маленькой фигурке длинная белая сорочка, в каких рисуют ангелов, и лицо у фигурки — настоящее лицо ангелочка, беленькое-беленькое, как сахар. Но то, что фигурка принесла с собою и протягивала мне своей крошечной лапкой, никогда не принесёт ни один ангел. Это что-то — не что иное, как огромный кусок толстой ливерной колбасы.

— Ешь, Леночка! — слышится мне тихий шёпот, в котором я узнаю голосок моего недавнего защитника Толи. — Ешь, пожалуйста. Ты ничего ещё не кушала с обеда. Я подождал, когда они все улягутся, и Бавария также, пошёл в столовую и принёс тебе колбасу из буфета.

— Но ведь ты был в обмороке, Толечка! — удивилась я. — Как же тебя пустили сюда?

— Никто и не думал меня пускать. Вот смешная девочка! Я сам пошёл. Бавария уснула, сидя у моей постели, а я к тебе... Ты не думай... Ведь со мной часто это случается. Вдруг голова закружится, и — бух! Я люблю, когда со мною это бывает. Тогда Бавария пугается, бегают и плачет. Я люблю, когда она пугается и плачет, потому что тогда ей больно и страшно. Я её ненавижу, Баварию, да! А тебя... тебя... — тут шёпот оборвался разом, и вмиг две маленькие застывшие ручонки обвили мою шею, и Толя,

тихо всхлипывая и прижимаясь ко мне, зашептал мне на ухо:

— Леночка! Милая! Добрая! Хорошая! Прости ты меня, ради Бога... Я был злой, нехороший мальчишка. Я тебя дразнил. Помнишь? Ах, Леночка! А теперь, когда тебя мамзелька выдрать хотела, я разом понял, что ты хорошая и ни в чём не виновата. И так мне жалко тебя стало, бедную сиротку! — тут Толя ещё крепче обнял меня и разрыдался навзрыд.

Я нежно обвила рукою его белокурую головку, посадила его к себе на колени, прижала к груди. Что-то хорошее, светлое, радостное наполнило мою душу. Вдруг всё стало так легко и отменно в ней. Мне казалось, что сама мамочка посылает мне моего нового маленького друга.

А белокуренький мальчик говорил между тем:

— Ты прости мне, Леночка... всё, всё... Я хоть больной и припадочный, а всё же добрее их всех, да, да! Кушай колбасу, Леночка, ты голодна. Непременно кушай, а то я буду думать, что ты всё ещё сердишься на меня!

— Да, да, я буду кушать, милый, милый Толя!

И тут же, чтобы сделать ему удовольствие, я разделила пополам жирную, сочную ливерную колбасу, одну половину отдала Толе, а за дружугую принялась сама.

В жизни моей никогда не ела я ничего вкуснее!

От ливерной колбасы, съеденной в неурочный час и без хлеба, у меня во рту оставался неприятный вкус жира, но на душе у меня было светло и радостно. В первый раз со смерти мамочки у меня стало весело на душе: я нашла друга в холодной дядиной семье.

1. Почему жизнь Лены Икониной в семье дяди была сначала такой тяжёлой?
2. Как постепенно раскрывается в повести характер Лены? Нравится ли вам героиня повести?

3. Как вы думаете, почему маленький Толя, который сначала, как все, дразнил и обижал Лену, стал её другом и защитником?
4. Понятно ли из содержания прочитанных глав, как относится к своей героине автор?
5. Повесть написана от лица главной героини — Лены (такой приём в литературе называется «повествование от первого лица»). Как вы думаете, почему Лидия Чарская использовала именно этот приём?
6. Книга «Записки маленькой гимназистки» — это повесть. Почему? Назовите признаки повести. Как вы думаете, можно ли было написать о жизни Лены Икониной рассказ? Почему писательница избрала именно жанр повести?
7. Если вам понравилась книга «Записки маленькой гимназистки», прочтите её целиком. У повести счастливый конец. Как вы думаете, случайно ли это?
8. В 1930-е годы книги Лидии Чарской критиковали за то, что они слишком сентиментальны, то есть чувствительны, их герои слишком много страдают. Действительно, многие читатели, особенно девочки, плакали над этими книгами. Но разве это плохо?

31

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

Петроград. 1923 год. Редакция «Воробья».
Житков и Маршак. Увлекательные рассказы.

Чуковский и Житков: мы знакомы ещё
с гимназических лет. Кто такие обэриуты?

— Знаете ли вы, друзья мои, что это такое? —
в руке у Николая Александровича была маленькая
чёрная коробочка. — Это пульт дистанционного
управления машиной времени. Теперь мы можем
оставаться в прошлом сколько захотим. Предлагаю
отправиться в 20-е годы, а для начала — в 1923-й,
в Петроград.

...Когда Игорь и Оля открыли глаза, они увиде-
ли, что стоят на тротуаре возле большого старин-
ного дома, рядом с круглой тумбой для афиш.

— Милостивые государи, посмотрите-ка сюда! —
Николай Александрович стоял у подъезда дома,
где среди множества табличек одна невольно при-
влекла внимание: «Редакция детского журнала «Во-
робей».

Петроград. 20-е годы. Праздничное шествие

Игорь первый догадался:

— Это тот самый детский журнал?

— Конечно, — подтвердил профессор.

...Редакция напоминала муравейник. Выходили и входили люди. Хлопали двери. Трещали телефоны. Близнецам казалось, что все говорят одновременно. На дверях висели таблички, написанные от руки.

— «Главный редактор», — прочитал Николай Александрович. — Это то, что нам нужно.

Наши путешественники остановились неподалёку от двери. Рядом с ними у окна стоял немолодой человек, худой, по-военному подтянутый. Чувствовалось, что он нервничает, хотя старается не показывать вида.

Через несколько минут дверь распахнулась, и в коридор выбежали улыбающиеся люди. Один из них, лет 35, в круглых очках, стал громко поздравлять человека у окна:

— Замечательно, Борис Степанович! Рассказ мы напечатаем. А откуда вы так хорошо знаете море?

— Я бывший штурман дальнего плавания, Самуил Яковлевич.

— Это чувствуется в рассказе. Ну что ж, вперёд на всех парусах!

— Ишь ты, — смущённо проговорил бывший моряк. — На всех парусах... А я, признаться, приготовился к долгому дрейфу¹...

Близнецы зашептали с двух сторон, перебывая друг друга:

— Он назвал редактора Самуилом Яковлевичем. Это кто, Маршак? Такой молодой? А кто такой Борис Степанович?

— Да, это был Маршак. Ему тридцать пять лет. А бывшего моряка вы не узнали? Это же Борис Житков. Сегодня он принёс в редакцию «Воробья» свой самый первый рассказ. Говоря о себе, Борис Степанович, конечно, скромничал. Он ведь был не

¹ Дрейф — движение корабля или льда, несомого течением. Здесь: долгое ожидание.

и
о-
ё-
от
й
у
й
-
-
з
з
-
только штурманом дальнего плавания, но и корабельным мастером, водолазом, ходил на яхте, знал несколько языков. А ещё был музыкантом и прекрасным преподавателем математики. Он объехал полсвета, поэтому, когда писал свои рассказы, ему почти ничего не приходилось придумывать.

— А почему вдруг именно в 1923 году Житков решил стать детским писателем? — спросила Оля.

— Вы хотите об этом узнать? Тогда нам нужно вернуться на несколько месяцев назад и попасть в одну квартиру.

— Как в квартиру? Это же неудобно... — беспокоилась Оля.

— Не волнуйтесь, друзья мои. В конструкции машины времени всё предусмотрено. Идёмте.

Наши герои вышли из редакции и двинулись вверх по улице. У пятиэтажного старого дома Николай Александрович остановился.

— Это здесь. Сейчас я нажму кнопку на пульте дистанционного управления, и мы окажемся в квартире Николая Васильевича Корнейчукова. Специальный экран сделает стену прозрачной, но нас никто не увидит и не услышит.

— А кто этот Николай Васильевич? — спросил Игорь.

— Минутку терпения, скоро вы всё узнаете.

...Стена комнаты, в которой оказались наши герои, действительно была прозрачной. В соседней комнате на полу, широко раскинув руки и ноги, лежал человек великанского роста и говорил двум маленьким детям:

— Можете делать со мной всё, что хотите. Можете ползать по мне, щекотать, щипать, хватать за нос, дергать за уши, за волосы, но... — тут он сделал долгую паузу, — если кто-то из вас дотронется до моего подбородка, случится что-то ужасное.

Раздался звонок. Великан встал с пола и отправился открывать. Из прихожей донеслись голоса:

— Здравствуй, Николай! Не узнаёшь?

— Борис! Какими судьбами? Давно ты в Питере? Гость и хозяин вошли в комнату, и близнецы узнали бывшего штурмана дальнего плавания. Только он показался им ещё более худым и совсем невесёлым. Из разговора стало ясно, что Житков в Петрограде без работы и без денег и настроение у него самое мрачное.

Потом хозяин квартиры куда-то вышел, а Житков посадил его детей к себе на колени и спросил:

— Интересную историю хотите?

— Ага! — кивнули малыши.

— Тогда слушайте...

«Если б можно было ходить пешком по дну, хотя бы в водолазной одежде, то чего бы человек ни увидел! Как леса, стоят на камнях водоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчаная отмель, и камни, как ежи, сидят, поросли ракушкой. А дальше горы. Горы стоят, как пики, уходят ввысь, и, если взобраться на них, уж рукой подать до неба — до водяной крыши, что дышит приливом и отливом каждые шесть часов. И такие горы стоят на дне Белого моря...»

Дети смотрели на рассказчика во все глаза. Наши близнецы приникли к экрану и даже дыхание затаили. Никто не заметил, что высокий хозяин квартиры вошёл и тоже слушает рассказ своего друга и на лице его отражается то восторг, то удивление. Когда рассказ кончился, он сказал:

— Слушай, Борис, попробуй опиши приключения, о которых ты сейчас говорил, — и, право, неплохая книжка получится!

Гость отозвался на это предложение вяло — видимо, не очень-то верил в свои литературные силы. Тогда его друг решил упростить задачу:

— Ты напиши, а я прочту и поправлю.

— Но поправлять ничего не пришлось, — это заговорил Николай Александрович. — Через несколько дней Житков принёс

К.И. Чуковский

ON/OFF

35

v

t

своему другу рассказ «Шторм», и тот с удивлением обнаружил, что автор рассказа — уже сложившийся писатель. Да вы и сами видели, как понравился первый рассказ Житкова в редакции «Воробья».

— Николай Александрович, а кто такой друг Житкова Николай Васильевич? Он писатель?

— Да, и вы его хорошо знаете. Литературный псевдоним Николая Васильевича Корнейчукова — Корней Чуковский.

— Как?! — ахнули близнецы.

— Всё очень просто. Борис Житков и Коля Корнейчуков вместе учились в гимназии в городе Одессе, дружили. Борис уже тогда был мастер на все руки: учил Колю плаванию и гребле, вязке морских узлов и французскому языку. Прошло много лет, и судьба снова свела их в 1923 году в Петрограде. Тогда-то и высказал Чуковский идею, которая оказалась счастливой не только для самого Житкова, но и для всей нашей детской литературы: появился новый детский писатель. Пройдёт семь лет, и в 1930 году во время специального опроса большинство детей назовут своим любимым писателем Бориса Житкова...

Борис Житков (1882—1938)

из книги

«МОРСКИЕ ИСТОРИИ»

НИКОЛАЙ ИСАИЧ ПУШКИН

Стоят на пристани пассажиры, ждут парохода.

— Вон, вон, кажется, «Пушкин» идёт.

Отвечают портовые люди:

— Правильно, это Стратонов.

Пассажиры:

— «Пушкин» ведь?

— Ну да: Николай Исаич.

Пассажиры переглядываются — вот неучи какие моряки: не знают, что Пушкин — Александр Сергеич. Николай Исаич Пушкин!

А Николай Исаич стоит на мостике «Пушкина», глядит в бинокль и рывкает из бороды:

— Права... ещё права. Так, так держать!

И знает Николай Исаич, что весь «Пушкин», от верхушки мачты до днища, — всё это он — Николай Исаич. И что, когда посадит он «Пушкина» на мель, никто не скажет: «Пушкин» напоролся, а прямо будут говорить:

— Николай Исаич на мель сел.

Потому и говорят: Ерохин снялся, Фёдор с моря идёт.

А в «Фёдоре» этом — десять тысяч тонн, и на носу покрашено: «Меркурий».

Я сам это понял только тогда, когда первый раз посадил парусник. Дело было просто. Шёл я в свежую погоду у Тендры, ночью. Помощник мой вахту стоял. Вот по времени должна уж быть Тендра. А это, надо сказать, песчаная коса, её и днём-то за двести сажёней¹ можно не увидеть.

Я говорю помощнику:

— Сейчас в Тендру вопрёмся, уваливайтесь под ветер.

А он говорит:

— Приведите к ветру, лот брошу.

То есть чтоб я поставил судно против ветра, а он смерит, сколько глубины!

А привести к ветру — это выходит с ходу ещё сажень двадцать пролететь к берегу.

— Приведите! — кричит помощник.

— На вашу голову?

— Ладно, — и побежал он с лотом на бак.

Я привёл, и ещё ходу не потеряли, как ткнуло в грунт и дрогнуло всё судно. Подняло зыбью и ударило дном. У меня душа оборвалась.

Потом на берегу спрашивали:

— Ты под Тендрой сидел?

— Да, понимаешь, помощник...

Все усмеваются, отворачиваются. И верно. А помощнику что? Сидел-то ведь не он, а я. И с тех пор я уже накрепко понял: не судно ходит, а капитан, не судно гибнет, а...

Вот тут-то я вам и расскажу недавний случай с моим другом-приятелем.

Дело было так.

Ледокол промышлял во льдах в Белом море.

¹ Сажень — русская мера длины, равная 2,13 метра.

ON/OFF

38

v

t

Промышлял, то есть у него на борту было душ полтораста промышленников, и ледокол лазил меж льдов по свободной воде, шёл туда, где залёт зверь. Капитан был молодой, лет тридцати пяти мужчина. Промышленники его любили за то, что с ним пойдёшь — всегда удача. Зверя было «балго», и набили на льдине тюленей — беда сколько.

А с запада потянул ветерок. Капитан уж на месте и торопит ребят:

— Ну кончай! Кончай!

Да как бросишь? В десять лет раз, старики говорят, такая удача! Не бросать же, коли само счастье в руки лезет. Отвернись от него, так и оно отворотится. А вест¹ свежает. Свежает вест, давит на лёд, и вот двинулась льдина, и дрейфует (дрейфовать — идти без машины, силой ветра) ледокол у кромки со льдом вместе. Пома-лу дрейфует к востоку.

¹ Вест — здесь: западный ветер.

Темнеть стало. Ай и капитан, ну и капитан — прямо счастью в карман впёрся! Ещё полчасика! — Все на борт, снимаюсь!

Двинул капитан вдоль кромки: узкой полосой шла, как река в ледяных берегах, свободная вода.

— Умаялись, ребята, вари чего там на ужин.

А капитан дал полный ход: надо уйти из этой щели, а ещё неизвестно, как там лёд впереди. Часом бы раньше...

И стал капитан серьёзным. Ходил по мостику и слышал, как внизу гомонят ребята, какого-то Митьку дразнят: вгорячах себе в валенок багром засадил. До Митьки тут! Ходу, ходу ещё! Вон лёд прямо по носу. Нет, это не поворот в канале, а затор. А может, слабый лёд? И капитан заметил, как помощник косым взглядом глянул на него. Капитан подошёл к телеграфу и два раза повернул ручку на весь размах и поставил на «полный» — значит, дай самый полный. Слышно было на мостике, как прозвонил крутым раскатом телеграф в машине. Пароход летел прямо в затор, сейчас, сейчас вонзится. Пароход ударил лёд поло́гим форштёвнем (выступающее ребро на носу), выскочил, задрался нос, и сразу смолкли голоса под мостиком. Ледокол влез носом на лёд и стал, тужился машиной. И капитан и помощник, сами того не замечая, напирали на планши́рь¹ мостика, тужились вместе с ледоколом. Нет! Стоп!

— Назад!

Машина стала, и снова заурчало в брюхе парохода. Ледокол слез, скатился форштевнем; соскочил со льда и присел на минуту нос. Лёд не поддался. Два раза ещё ударил в лёд капитан и запыхался, помогая пароходу. Он знал, что назад выхода нет и развернуться в узком канале

¹ Планши́рь — деревянные или металлические перила поверх судового ограждения.

нельзя. А внизу опять гудят, как на ярмарке.

— Митька-то, в валенок!.. Ах, чтоб тебе!

И кто-то кричит:

— Значит, дрейфуем, вались спать, ребята!..

Капитан сам знал, что придётся дрейфовать к осту¹ вместе со льдом в этом узком канале, в ледяной коробке. И знал капитан, знал по счислению, что там, справа к осту, — «кошки Литке». Пошёл в штурманскую, глянул на карту, глянул во всю силу. Да, вот ровно на ост — «кошки Литке». И сейчас отлив, малая вода.

А вест свежал и свежал..

Если б можно было ходить пешком по дну, хотя бы в водолазной одежде, то чего бы человек ни увидел! Как леса, стоят на камнях водоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчаная отмель, и камни, как ежи, сидят, поросли ракушкой. А дальше горы. Горы стоят, как пики, уходят ввысь, и, если взобраться на них, уж рукой подать до неба — до водяной крыши, что дышит приливом и отливом каждые шесть часов.

И такие горы стоят на дне Белого моря. Их нащупал Литке, нанёс на карту, и с тех пор называются они «кошки Литке».

В полную приливную воду может над ними пройти пароход, но в отлив напорется и раскроит себе брюхо.

Эти самые «кошки» и были по правому борту ледокола, и был отлив.

Капитан знал это. Знал, что в узком канале он будет дрейфовать до самых «кошек»; что если он брюхом упрётся в «кошки», то через минуту лёд слева подойдёт к борту вплотную, напёрт, напёрт неодолимо, как если бы берег, сам материк надвинулся на него, напёрт в борт и положит ледокол мачтами на

¹ Ост — восток, сторона света.

воду, и тогда — аминь. Звать по радио на помощь? Кто же пробьётся к нему, когда он, ледокол, не может выбиться? Только раззвонить по свету... чтоб люди смеялись и враги радовались. И он знал, что вот скоро-скоро царапнет дном.

Приказал держать полный пар и ушёл в каюту. Посидел на койке, всё смотрел на свои большие руки.

«Положит набок пароход... положит...»

Где «кошки»? И спиной чувствовал, что там, сзади него, под водой, подо льдом, стоят эти «кошки» и ждут. Сколько до них? Нельзя знать, тут дело не в саженях. Поглядел в альманах (астрономический справочник). И без карандаша в уме считалось само до секунды — сейчас идёт прилив, только начался. И капитан натуживался, помогал подниматься воде, каждый дюйм¹ воды будто сам своей натугой подымал. На пароходе было тихо, и только слышно было под низом, как гудит динамо, качает свет. А ухо было всё внизу, там, у дна, где должны царапнуть камни. Капитан перестал глядеть на часы и считать дюймы, а слушал.

Вот! Чиркнуло. На пароходе спокойно, никто не слышал. Капитан вытянул ящик и вынул кольт.

Камни теперь пойдут выше и выше... Но бежит вода на помощь, оттуда, из океана, через горло Белого моря. Поспеет ли?

Ух, заскребло как, заскрежетал кто-то зубами. И пошатнуло ледокол. И вон голоса на палубе. Помощник прошагал мимо двери, но не стукнул в дверь... Опять! Покренился чуть. Пронесло... Кричит кто-то на палубе:

— На лёд, да и пойдём, ещё как пойдём-то, куда с добром. Телеграмму даст... Всех снимут. Да к маяку зашагаем, что по земле. Погоди скакать, трап спустим.

¹ Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

Гудят, топают. Теперь даже весело кричат. Все на палубе... Механик около дверей говорит:

— Так вы спросите, тушить, что ли, котлы? А то я на лёд и — марш.

И голос помощника:

— Спрашивайте сами... А я спрашивать не стану. Вона сколько уж народу на льду-то.

И оба отошли через минуту.

Опять! Опять! И в ответ загудело на палубе, но капитан слышал только, как силится, скребётся ледокол дном по камням. Капитан взял в руку кольт. Нет, поддувает, поддувает вода... а в упор к борту стоит лёд.

Нету! Нету! Уже пять минут, может быть, нету... Капитан взглянул на часы. Если ещё пять минут не будет...

И не было. Капитан глянул на себя в зеркало. Он был красен весь, лицом и шеей, в один ровный багровый цвет. Не узнавал красного человека и от глаз не мог оторваться: сам на себя смотрел.

Потом, не брякнув, сунул кольт в ящик и аккуратно притворил. Вышел на мостик. Всходила красная луна.

— Определиться? — спросил помощник.

— Всех я вас уж определил, кто чего стоит, — сказал капитан и сам взял секстант (астрономический прибор) из штурманской.

А утром стал бриться и увидал, что виски седые.

1. По каким признакам можно судить, что автор рассказа — бывалый моряк? Обратите внимание на содержание рассказа, на его язык.
2. Рисуя характеры героев, Житков любил чётко выделить в начале их главные черты, которые потом проявлялись в содержании произведения. Что мы узнаём о молодом капитане сначала и как потом эти черты характера раскрываются в рассказе?
3. Как ведёт себя капитан в очень трудный момент? Почему он простил людей, которые хотели покинуть корабль?
4. Как вы поняли, прочитав рассказ, почему корабли называли именами их капитанов? (Помните, об этом говорится в начале рассказа.) Почему Б. Житков назвал свой рассказ «Николай Исаич Пушкин»?
5. Что вы можете сказать о рассказчике?
6. Борис Житков пишет о море, как настоящий поэт. Какие строчки в рассказе подтверждают эту мысль?
7. Если вам понравился рассказ «Николай Исаич Пушкин», прочтите книгу Б. Житкова «Морские истории». А когда читаете, попробуйте ответить на вопрос: почему большинство детей называли Б. Житкова своим любимым писателем?

Корней Чуковский (1882—1969)

из книги

«СЕРЕБРЯНЫЙ ГЕРБ»

Глава 1
ТЕЛЕФОН

Зуев высыпал из ранца полдюжины мелких иконок — медных, жестяных, деревянных, бумажных, — разложил их перед собою на парте и стал деловито целовать их подряд, боясь пропустить хоть одну: как бы она не обиделась и не сделала ему какой-нибудь гадости.

Зуев молился даром: через три или четыре минуты в нашем классе начнётся диктовка, страшная диктовка, которую мы ждали одиннадцать дней.

Одиннадцать дней назад к нам, стуча высокими каблучками, вошёл наш директор Бургмейстер (Шестиглазый, как звали мы его) и, словно читая стихи, сообщил нам своим певучим, торжественным голосом, что господин попечитель учебного округа его сиятельство граф Николай

Фердинандович фон Люстих на днях осчастливит наш класс посещением и, быть может, пожелает присутствовать на русском уроке во время диктовки.

Теперь этот день наступил.

Мне особенно жалко Тимошу Макарова, моего лучшего друга, сидящего сзади, наискосок от меня. У него недавно был тиф, и он сильно отстал от класса. Его лопоухое, рыжее от веснушек лицо выражает смертельный испуг.

— Тимоша... погоди... я придумал!

В одну секунду я вытаскиваю у себя из-за пазухи веревочный хвост от бумажного змея, привязываю к своему башмаку, а другой конец сую Тимоше:

— Привяжи к ноге... да покрепче!

И, покуда он возится с узлами хвоста, говорю:

— Дёрну раз — запятая. Два — восклицательный. Три — вопросительный. Четыре — двоеточие. Понял?

Тимоша весело кивает головой и пыжится сказать мне какое-то слово. Но он заика, и изо рта у него вылетают только две-три буквы и брызги слюны.

Рядом с ним сидит Муня Блохин, маленький кучерявый и быстрый. Он тотчас ныряет под парту: расширить телефонную сеть.

Не может же он допустить, чтобы таким замечательным изобретением пользовался всего один человек! Нет, за спиной у Тимоши сидит второгодник Бугай. Нужно провести телефон и к нему.

Блохин достаёт из кармана бечёвку и протягивает её от Тимоши к Бугаю. Тот быстро прикрепляет её к своей правой ноге.

Рядом с Бугаем — Козельский, последний ученик в нашем классе, Зюзя Козельский, плакса, попрошайка и трус.

Нужно провести телефон и к нему, не то он захнычет и выдаст нас всех с головой.

За Зюзей Козельским, на «камчатке», у самой стены сидят знаменитые на всю гимназию губошлёпы и лодыри, пучеглазые братья Бабенчиковы. У них кулаки, как гири, нужно протянуть телефонные нити и к ним.

— Не забудьте же, — повторяет Блохин. — Раз — запятая, два — восклицательный, три — вопросительный, четыре — двоеточие. Поняли?

А Зуев хоть и крестится, хоть и бормочет молитвы, но краем глаза всё время поглядывает на меня и на Муню. И вдруг сгребает, как лопатой, всех своих святителей в ранец, срывает у себя с шеи шнурок и, опустившись на колени под партой, хозяйственно привязывает его к моему башмаку.

В нашем классе я считался чемпионом диктовки. Не знаю отчего, но чуть не с семилетнего возраста я писал без единой ошибки самые дремучие фразы. В запятых не ошибался никогда.

По другим предметам я бывал зачастую слаб, но по русскому языку у меня была сплошная пятёрка, хотя и случалось, что тут же, по соседству с пятёркой, мне ставили в тетрадку единицу — за кляксы. Писать без клякс я тогда не умел, и все мои пальцы после каждой диктовки обычно были измазаны чернилами так, словно я нарочно совал их в чернильницу.

Но вот распахнулась дверь. В класс вошёл не Бургмейстер, не сиятельный Люстих, которым нас пугали одиннадцать дней, а какой-то дубоватый незнакомец с неподвижным, топорным лицом. И немедленно начал диктовать.

Пришлось поработать моей правой ногой! Всё время, пока длилась диктовка, я дёргал, и дёргал, и дёргал ногою так, что у меня даже в глазах потемнело.

Диктовка была такая (я запомнил её от слова до слова):

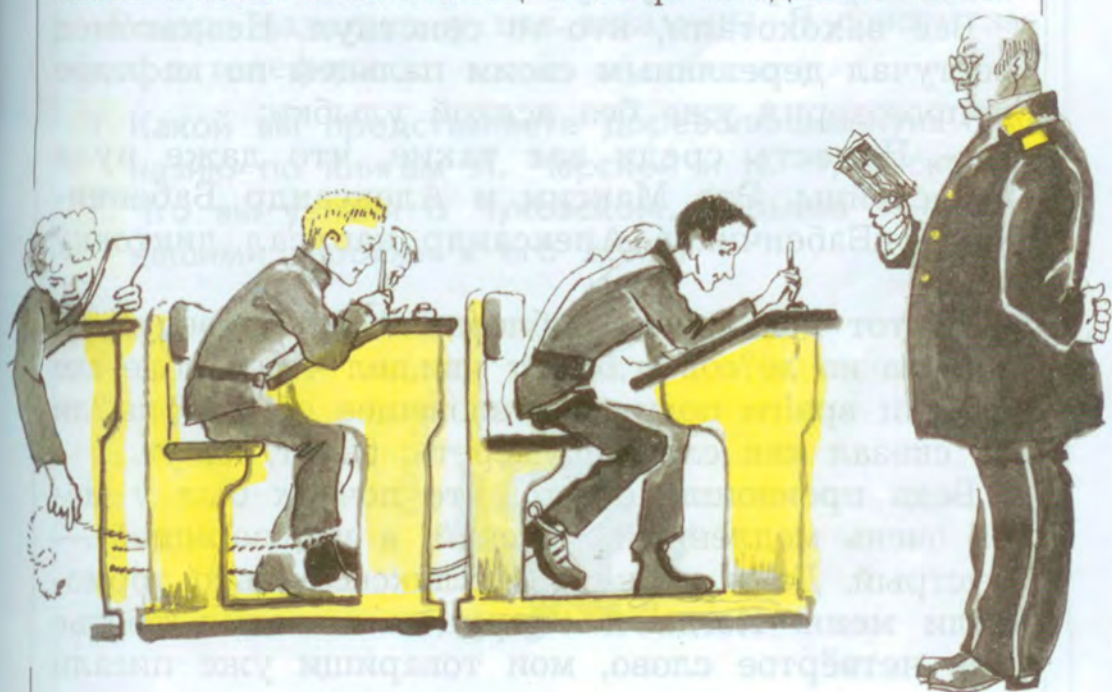
«В тот день (дёрг!), когда доблестный Игорь (дёрг!), ведущий войска из лесов и болот (дёрг!), увидел (дёрг!), что в поле (дёрг!), где стояли враги (дёрг!), поднялось зловещее облако пыли (дёрг!), он сказал (дёрг! дёрг! дёрг! дёрг!): «Как сладко умереть за отчизну!» (дёрг! дёрг!).

Наши парты дрожали, как в судороге. Я без устали передавал свои сигналы Зуеву, и Тимоше, и Муне. Тимоша передавал их Бугаю, Муня — Козельскому и братьям Бабенчиковым.

По окончании диктовки дубоватый незнакомец с неподвижным, топорным лицом взял наши тетради и унёс неизвестно куда. Это был, как потом оказалось, важный чиновник из канцелярии попечителя Люстиха.

И благодарила же меня вся спасённая мною шестёрка! Зюзя Козельский обещал мне одного из своих голубей, братья Бабенчиковы — полную фуражку изюму, так как у их отца на Екатерининской улице была лучшая в городе лавка, где продавались финики, фиги, кокосовые орехи, халва.

Через неделю в класс деревянной походкой снова вошёл незнакомец в сопровождении наше-

го наставника Флёрова и заявил, что, по приказу господина попечителя учебного округа его сиятельства графа фон Люстиха, комиссия по проверке успехов учащихся рассмотрела тетради с написанной нами диктовкой и отметила одну странную вещь...

Незнакомец порылся в тетрадях.

— Вот хотя бы Зуев Григорий и Козельский Иосиф... Нельзя ли пригласить их к доске?

Зуев и Козельский с удовольствием подбежали к доске и скромно приосанились, ожидая похвал.

Незнакомец глянул на них и вдруг, к удивлению класса, улыбнулся совсем как живой человек. И, повернувшись к доске, написал на ней мелом такое:

«В тот день когда: доблестный Игорь ведущий? войска из лесов и болот увидел что в поле где? стояли, враги поднялось!? злоеющее облако пыли?».

— Вот как написал свою диктовку ученик третьего класса Козельский Иосиф. За такую диктовку единица, конечно, слишком большая отметка. Мы ставим Козельскому нуль, равно как и Григорию Зуеву.

Все захохотали, кто-то свистнул. Незнакомец постучал деревянным своим пальцем по кафедре и проговорил уже без всякой улыбки:

— Но есть среди вас такие, что даже нуля недостойны. Это Максим и Александр Бабенчиковы... Бабенчиков Александр написал диктовку так:

«В тот день когда доблестный Игорь ведущий вой!ска из ле?сов и бо,лот уви,дел что в поле где сто,яли вра!ги поднялось злоеющее об,лако пы?ли он сказал как слад,ко умереть: за от,чизну».

Беда произошла оттого, что почерк был у меня очень медленный, детский, а у товарищей — быстрый. Да и проклятые кляксы сильно тормозили меня. Когда я с трудом выводил третье или четвёртое слово, мои товарищи уже писали

седьмое, девятое. Слепо понадеявшись на мой телефон, товарищи, сидевшие далеко позади, уже не шевелили мозгами и по сигналу готовы были ставить запятые внутри каждого слова, даже разрезая его пополам, чего сроду не делал самый отпетый дурак с тех пор, как на свете существует диктовка.

После этого дня я долго не мог ни кашлянуть, ни засмеяться, ни вздохнуть, ни чихнуть — так болели у меня рёбра от той благодарности, которую выразили мне мои сверстники, главным образом братья Бабенчиковы. Напрасно я доказывал им, что ни одно великое изобретение не бывает на первых порах совершенным: они были глухи к моим слезам и протестам.

Вернулся я в гимназию лишь на четвёртые сутки.

Молва о телефоне гудела и в коридоре, и в классах.

Но Шестиглазый предпочёл притвориться, будто ничего не слышал: иначе ему пришлось бы воздать по заслугам и Гришке Зуеву, и братьям Бабенчиковым, которые по особым причинам пользовались его благосклонностью.

Вскоре начались у нас экзамены. Я совсем забыл о телефоне.

1. Какой вы представляете дореволюционную гимназию по книгам Л. Чарской и К. Чуковского?
2. Что вы узнали о Чуковском, побывав вместе с нашими героями в его доме?

50

После путешествия в 1923 год наши близнецы взяли в библиотеке книги Б. Житкова и К. Чуковского. Игорь увлёкся «Морскими историями», а Оля с удовольствием перечитывала по несколько раз смешные главы из книг «Серебряный герб» и «От двух до пяти». Как-то она прочитала заметки Чуковского о стихах Даниила Хармса и Александра Введенского и решила поговорить с Николаем Александровичем об этих поэтах.

— Сударыня, я несказанно рад вашему вопросу. Обэриуты — интереснейшие поэты, и они много писали для детей.

— Как вы называли их? — переспросила Оля.

— О-бэ-ри-у-ты, — повторил Николай Александрович по слогам. — От слова «ОБЭРИУ» — «Объединение реального искусства». В это общество поэтов входили Даниил Хармс, Николай Олейников, Александр Введенский, Юрий Владимиров, Николай Заболоцкий. Обэриуты считали, что стихи для детей должны быть весёлыми, похожими на игру. Их стихи печатались в детских журналах «Чиж» и «Ёж». Кстати, помните, я вам рассказывал о том, что в 1930 году был проведён специальный опрос: дети называли своих любимых писателей и поэтов. Так вот, у большинства детей любимым поэтом оказался Даниил Хармс.

— А это его настоящее имя или псевдоним? — поинтересовалась Оля.

— Псевдоним. А настоящее имя поэта — Даниил Иванович Ювачёв. У меня есть книжки обэриутов. Вот взгляните: «Стихи» Хармса, «Ниночкины покупки» Юрия Владимирова изданы в 1928 году. А это две книги Александра Введенского: «Дождик-дождик» и «Когда я вырасту большой». Они были изданы позже, в 60-е годы. А вот современные издания: «Чудаки» Юрия Владимирова, «Полёт в небеса» и «Все бегут, летят и скачут» Даниила Хармса.

Даниил Хармс (1905—1942)

Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал.

Вижу, по небу летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка.

Почему я не летаю?
Ах как жалко!

Надоело мне сидеть,
захотелось полететь,
разбежаться,
размахнуться
и как птица полететь.

Разбежался я, подпрыгнул,
крикнул: «Эй!» —
Ногами дрыгнул.

Давай ручками махать,
давай прыгать и скакать.

Меня сокол охраняет,
сзади ветер подгоняет,
снизу реки и леса,
сверху тучи-небеса.

Надоело мне летать,
захотелось погулять,
топ,
топ,
топ,
топ,
захотелось погулять.

Я по садику гуляю,
я цветочки собираю,

я на яблоню влезаю,
в небо яблоки бросаю
наудачу, на авось,
прямо в небо попадаю,
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться,
захотелось покупаться,
буль,
буль,
буль,
буль,
захотелось покупаться.

Посмотрите, посмотрите,
как плыву я под водой,
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега:
Рыбы, рыбы, рыбы, рыбы,
рыбы — жители воды,
эти рыбы,
даже рыбы! —
хуже плавают, чем ты!

Я говорю:
Надоело мне купаться,
плавать в маленькой реке,
лучше прыгать, кувыркаться
и валяться на песке.
Мне купаться надоело,
я на берег — и бегом.
И направо и налево
бегал прямо и кругом.

Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал.
И т.д.

1. В этом стихотворении Д. Хармс играет словами. Как вы прочитаете строчки, которые построены на словесной игре?
2. Как вы думаете, почему это стихотворение заканчивается так необычно — «И т.д.» (то есть «и так далее»)?
3. Что делает это стихотворение смешным и весёлым?
4. Перечитайте первую и последнюю строфы. Как вы думаете, почему они одинаковые?

Юрий Владимиров (1908—1931)

ЧУДАКИ

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков:

Один пятак —

на кушак,

Другой пятак —

на колпак,

А третий пятак —

так.

По пути на базар чудаки

Перепутали все пятаки:

Который пятак —

на кушак,

Который пятак —

на колпак,

А который пятак —

так.

ON/OFF

54

v

t

Только ночью пришли чудаки,
Принесли мне назад пятаки.
— Извините,
но с нами беда:
Мы забыли —
который — куда:
Который пятак —
на кушак,
Который пятак —
на колпак,
А который пятак —
так.

Во «взрослом» учебнике по детской литературе отмечены такие особенности стихов Юрия Владимировича: в основе каждого стихотворения — смешной случай, автор часто использует гиперболу (то есть сильное преувеличение. Это такой приём, из-за которого стихи в данном случае становятся смешнее); играет словами и звуками. Попробуйте найти все эти особенности в стихотворении «Чудаки», а ещё в стихотворении «Ниночкины покупки» (помните, вы его читали во 2-м классе в книге «Маленькая дверь в большой мир»?).

ON/OFF

55

v

t

Александр Введёнский
(1904—1941)

О РЫБАКЕ И СУДАКЕ

По реке плывёт челнок,
На корме сидит рыбак,
На носу сидит щенок,
В речке плавает судак.
Речка медленно течёт,
С неба солнышко печёт.

А на правом берегу
Распевает петушок,
А на левом берегу
Гонит стадо пастушок.
Громко дудочка звучит,
Ходит стадо и мычит.

Дёрнул удочку рыбак,
На крючке сидит червяк.
Рыбы нету на крючке,
Рыба плавает в реке.

«То ли, — думает рыбак, —
Плох крючок и плох червяк,
То ли тот судак — чудак» —
Вот что думает рыбак.

А быть может, нет улова
Оттого, что шум кругом,
Что, мыча, идут коровы
За весёлым пастухом,

Что прилежно распевает
Голосистый петушок,
Что визжит и подвывает
Глупый маленький щенок.

Всем известно повсеместно,
Вам, ему, тебе и мне:
Рыба ловится чудесно
Только в полной тишине.

Вот рыбак сидел, сидел
И на удочку глядел,
Вот рыбак терпел, терпел,
Не стерпел и сам запел.

По реке плывёт челнок,
На корме поёт рыбак,
На носу поёт щенок,
Песню слушает судак.

Слышит дудочки звучанье,
Слышит пенье петушка,
Стада громкое мычанье
И плесканье челнока.

И завидует он всем:
Он, судак, как рыба нем.

ON/OFF

57

v

t

Согласны ли вы с мнением Корнея Чуковского, что как раз такие стихи, как у Д. Хармса и А. Введенского, нужны детям? Объясните вашу точку зрения.

А. Введенский

Н. Олейников

Н. Заболоцкий

Д. Хармс

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

Вокруг Маршака

— Нам очень понравилось знакомиться с писателями. Совсем по-другому читаешь книгу, когда знаешь, каким писатель был в жизни, что делал и о чём думал...

Игорь и Оля в гостях у Николая Александровича. Дети всё ещё под впечатлением последнего путешествия. Оля продолжает:

— Вот я увидела, как играл Корней Иванович Чуковский с детьми, и поняла, что он их очень-очень любит, поэтому его сказки для малышей такие замечательные. В них Чуковский и играет с малышами, и шутит, и учит их совсем незаметно.

— Интересно было бы увидеть других детских писателей. Каким был, например, Маршак? Или Юрий Олеша? Или Алексей Толстой? Почему они решили написать свои книги?.. — это уже Игорь размышляет вслух. — Но это ведь сколько раз нужно путешествовать в прошлое!

— Друзья мои, чтобы узнать, каким человеком был писатель, не обязательно путешествовать в прошлое. Есть книги о них, которые писали люди, близко их знавшие, есть воспоминания родных, друзей. А ещё есть рассказы о том, как были написаны разные детские книжки, то есть об истории их создания. Вот послушайте, что пишет автор одной такой книги — писатель Борис Галанов:

Редакция детской литературы в Ленинграде.
Справа налево: Б. Житков, Е. Шварц, С. Маршак; крайний
слева: Н. Олейников. Фото 1920-х годов

«Давно мне хотелось написать книжку про книжки. Про то, как страница за страницей складывались разные хорошие книжки. Все вы их, конечно, читали. А вот как эти книжки создавались, навряд ли задумывались.

Между тем мне всегда казалось, что приключения мысли, пока книжка пишется, оказываются столь же удивительными, как и приключения, выпавшие на долю её героев».

— Я предлагаю вам совершить необычное путешествие. Назовём его «Вокруг Маршака». Почему? Скоро узнаете. А помогут нам писатели Борис Гала́нов и Сергей Сивокóнь.

Ребята, предлагаем вам совершить это путешествие вместе с нашими героями. Вы познакомитесь с книгами писателей, которые работали вместе с Маршаком в детской редакции Государственного издательства, с историями «превращений» известных «взрослых» писателей в детских, и сам Самуил Яковлевич Маршак предстанет перед вами в новом качестве — как редактор, литературный критик и переводчик.

Сергей Сивокóнь (р. 1933)

из книги

«УРОКИ ДЕТСКИХ КЛАССИКОВ»

«ВЕЗИТЕ ВСЁ КАК ЕСТЬ, ПОЧИТАЕМ»

У писателя Л. Пантелеева есть любопытное воспоминание, относящееся к 1926 году, когда он и Гриша Белых, молодые соавторы только что созданной повести «Республика Шкид», впервые посетили ленинградский отдел детской литературы Госиздата, где им посоветовали обратиться к Маршаку, Олейникову или Шварцу.

«И вот в назначенный день мы... робко поднимаемся на пятый этаж и вдруг видим: навстречу нам бодро топают на четвереньках два взрослых дяди — один пышноволосый, кучерявый, другой — тонколицый, красивый, с гладко при-

60

чёсанными на косой пробор тёмными волосами.

Несколько ошарашенные, мы прижимаемся к стенке, чтобы пропустить эту странную пару, но четвероногие тоже останавливаются.

— Вам что угодно, юноши? — обращается к нам кучерявый.

— Маршака... Олейникова... Шварца, — лепечем мы.

— Очень приятно... Олейников! — рекомендуется пышноволосый, поднимая для рукопожатия правую переднюю лапу.

— Шварц! — протягивает руку его товарищ.

Оказывается, молодые сотрудники детского отдела разминались в перерыве между работой, изображая верблюдов... Чудаки? Не совсем. Работа в редакции, руководимой С.Я. Маршаком, была напряжённая — от неё действительно стоило временами отдыхать. Правда, она была и очень интересная, радостная и протекала весело. В редакции была только одна комнатка, в коей поддерживалась полная тишина: именно там сидел консультант, а фактически руководитель отдела С.Я. Маршак. В остальных же двух комнатах, побольше, было всегда полно народу, много разговоров и смеха, благо и тот же Шварц, и Олейников, да и многие гости отдела были людьми, весьма не чуждыми юмора. То было сообщество живых и умелых людей. В любое время в квартире далеко не знаменитого автора мог раздаваться звонок и прозвучать неожиданное приглашение:

— Голубчик, приезжайте, а? Сейчас, да, сию минуту... Не мог раньше... А мне же интересно. Везите всё как есть, почитаем. Скорее, дорогой мой, жду...

И безвестный автор, поражённый и поздним звонком, и «домашним», не редакторским тоном, а главное — ощущением государственной важности своей работы, на ночь глядя мчался к Маршаку.

Такой стиль работы, особенно симпатичный в работе для детей, сложился у Маршака, ещё когда он редактировал «Воробья» и «Нового Робинзона», где, по словам Е. Шварца, «каждая строчка обсуждалась на редакционных заседаниях так, будто от неё зависело всё будущее детской литературы».

С. Маршак

О Маршаке-редакторе говорили, что он всех стремится превратить в детских писателей. Маршак не очень возражал против этого: «Что ж, посмотрим». И действительно добивался многого. Уговорил писать для детей М. Пришвина, Н. Тихонова, А. Толстого... Последний пришёл к нему с переводом сказки К. Коллоди «Приключения Пиночки», но Маршак уговорил его рассказать эту сказку по-своему, и Толстой создал своего «Буратино», который давно уж затмил своего литературного прародителя — по крайней мере в нашей стране.

Благодаря Маршаку в детскую литературу пришли штурман дальнего плавания Борис Житков, биолог и охотник Виталий Бианки, художник Евгений Чарушин.

Лев Кассиль вспоминает разговор с С.Я. Маршаком в начале 30-х годов. Они говорили о книге «Конduit» Кассиля.

— Вы можете, вы должны, голубчик, писать для детей! — несколько раз повторил Маршак. — Я чувствую, вы их, верно, любите. Так добивайтесь взаимности. Это же такое редкое счастье!

М. Пришвин

А. Толстой

Е. Шварц

ON/OFF

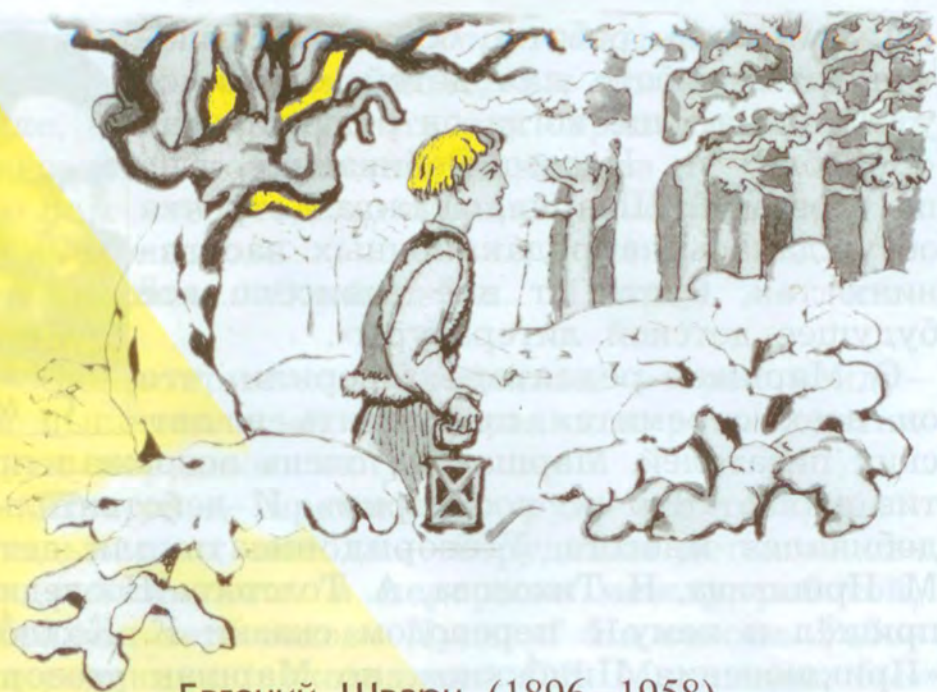

62

v

t

Евгений Шварц (1896—1958)

ДВА БРАТА

(сказка)

1

Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте, как вкопанные, но всё-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь. Даже огромные старики-деревья и те каждый год подрастают, как маленькие дети.

Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие.

И вот в одном огромном лесу жил-был лесничий, по имени Чернобородый. Он целый день бродил взад и вперёд по лесу, и каждое дерево на своём участке знал он по имени.

В лесу лесничий всегда был весел, но зато дома он часто вздыхал и хмурился. В лесу у него всё шло хорошо, а дома бедного лесничего очень огорчали его сыновья. Звали их Старший и Младший. Старшему было двенадцать лет, а Младшему — семь. Как лесничий ни уговаривал своих детей, сколько ни просил — братья ссорились каждый день, как чужие.

ON/OFF

63

v

t

И вот однажды — было это двадцать восьмого декабря утром — позвал лесничий сыновей и сказал, что ёлки к Новому году он им не устроит. За ёлочными украшениями надо ехать в город. Маму послать — её по дороге волки съедят. Самому ехать — он не умеет по магазинам ходить. А вдвоём ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать отца, что он не обидит Младшего и что дома всё будет в порядке, пока родители не вернутся из города.

— Ты даёшь мне слово? — спросил отец.

— Даю честное слово, — ответил Старший.

— Хорошо, — сказал отец. — Три дня нас не будет дома. Мы вернёмся тридцать первого вечером, часов в восемь. До этого времени ты здесь будешь хозяином. Ты отвечаешь за дом, а главное — за брата. Ты ему будешь вместо отца. Смотри же!

И вот мама приготовила на три дня три обеда, три завтрака и три ужина и показала мальчикам, как их нужно разогревать. А отец принёс дров на три дня и дал Старшему коробку спичек. После этого запрягли лошадь в сани, бубенчики зазвенели, полозья заскрипели, и родители уехали.

Первый день прошёл хорошо. Второй — ещё лучше.

И вот наступило тридцать первое декабря. В шесть часов накормил Старший Младшего ужином и сел читать книжку «Приключения Синдбада-Морехода».

А Младший слоняется вокруг, скучает, томится. И стал Младший просить брата:

— Поиграй со мной, пожалуйста.

Их ссоры всегда так и начинались. Младший скучал без Старшего, а тот гнал брата безо всякой жалости и кричал: «Оставь меня в покое!»

И на этот раз кончилось дело худо. Старший терпел-терпел, потом схватил Младшего за шиворот, крикнул: «Оставь меня в покое!» — вытолкнул его во двор и запер дверь.

А ведь зимой темнеет рано, и во дворе стояла уже тёмная ночь. Младший забарабанил в дверь кулаками и закричал:

— Что ты делаешь! Ведь ты мне вместо отца!

У Старшего сжалось на миг сердце, он сделал шаг к двери, но потом подумал: «Ладно, ладно. Я только прочту пять строчек и пушу его обратно. За это время ничего с ним не случится».

И он сел в кресло, и стал читать, и зачитался, а когда опомнился, то часы показывали уже без четверти восемь.

Старший вскочил и закричал:

— Что же это! Что я наделал! Младший там на морозе, один, не одетый!

И он бросился во двор.

Стояла тёмная-тёмная ночь, и тихо-тихо было вокруг.

Старший во весь голос позвал Младшего, но никто ему не ответил.

Тогда Старший зажгёт фонарь и с фонарём обыскал все закоулки во дворе.

ON/OFF

65

v

t

Брат пропал бесследно.

Старший горько заплакал и громко попросил у Младшего прощения.

Но и это не помогло. Младший брат не отзывался.

Часы в доме пробили восемь раз, и в ту же минуту далеко-далеко в лесу зазвенели бубенчики.

«Наши возвращаются, — подумал с тоскою Старший. — Ах, если бы всё передвинулось на два часа назад! Я не выгнал бы младшего брата во двор. И теперь мы стояли бы рядом и радовались».

...И отец и мать были веселы — они не знали, что дома случилось такое несчастье.

— Зачем ты выбежал во двор без пальто? — спросила мать.

— А где Младший? — спросил отец.

Старший не ответил ни слова.

— Где твой младший брат? — спросил отец ещё раз.

И Старший заплакал. И отец взял его за руку и повёл в дом. И мать молча пошла за ними. И Старший всё рассказал родителям.

Кончив рассказ, мальчик взглянул на отца. В комнате было тепло, а иней на бороде отца не растаял. И Старший вскрикнул. Он вдруг понял, что теперь борода отца бела не от инея. Отец так огорчился, что даже поседел.

— Одевайся, — сказал отец тихо. — Одевайся и уходи. И не смей возвращаться, пока не разыщешь своего младшего брата.

— Что же, мы теперь совсем без детей останемся? — спросила мать плача, но отец ей ничего не ответил.

И Старший оделся, взял фонарь и вышел из дому.

Он шёл и звал брата, шёл и звал, но никто ему не отвечал. Он шёл по тем местам, где часто бегал с младшим братом. И трудно было ему

теперь понять, почему это они всю жизнь ссорились, как чужие. Он вспомнил, какой Младший был худенький, и как на затылке у него прядь волос всегда стояла дыбом, и как он смеялся, когда Старший изредка шутил с ним, и как радовался и старался, когда Старший принимал его в свою игру. И Старший так жалел брата, что не замечал ни холода, ни темноты, ни тишины. Только изредка ему становилось очень жутко, и он оглядывался по сторонам, как заяц. Старший, правда, был уже большой мальчик, двенадцати лет, но рядом с огромными деревьями в лесу он казался совсем маленьким. Свеча в фонаре давно погасла, а Старший шагал, шагал, шагал всё быстрее и быстрее.

Дорожка пошла всё вверх и вверх, и, когда рассвело, мальчик увидел: кругом, куда ни глянешь, всё горы и горы, покрытые густыми лесами.

Старший остановился.

Он знал, что от их дома до гор семь недель езды. Как же он добрался сюда за одну только ночь?

И вдруг мальчик услышал где-то далеко-далеко лёгкий звон. Сначала ему показалось, что это звенит у него в ушах. Потом он задрожал от радости — не бубенчики ли это? Может быть, младший брат нашёлся и отец гонится за Старшим в санях, чтобы отвезти его домой?

Но звон не приближался, и никогда бубенчики не звенели так тоненько и так ровно.

— Пойду и узнаю, что там за звон, — сказал Старший.

Он шёл час, и два, и три. Звон становился всё громче и громче. И вот мальчик очутился среди удивительных деревьев — высокие сосны росли вокруг, но они были прозрачные, как стёкла. Верхушки сосен сверкали на солнце так, что больно было смотреть. Сосны раскачивались на

ветру, ветки били о ветки и звенели, звенели, звенели.

Мальчик пошёл дальше и увидел прозрачные ёлки, прозрачные берёзы, прозрачные клёны. Огромный прозрачный дуб стоял среди поляны и звенел басом, как шмель. Мальчик поскользнулся и посмотрел под ноги. Что это? И земля в этом лесу прозрачна! А в земле темнеют и переплетаются, как змеи, и уходят в глубину прозрачные корни деревьев.

Мальчик подошёл к берёзе и отломил веточку. И пока он её разглядывал, веточка растаяла, как ледяная сосулька.

И Старший понял: лес, промёрзший насквозь, превратившийся в лёд, стоит вокруг. И растёт этот лес на ледяной земле, и корни деревьев тоже ледяные.

3

— Здесь такой страшный мороз, почему же мне не холодно? — спросил Старший.

— Я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — ответил кто-то тоненьким звонким голосом.

ON/OFF

68

v

t

Мальчик оглянулся.

Позади стоял высокий старик в шубе, шапке и валенках из чистого снега. Борода и усы старика были ледяные и позванивали тихонько, когда он говорил. Старик смотрел на мальчика не мигая. Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце.

А старик, помолчав, повторил отчётливо, гладко, как будто он читал по книжке или диктовал:

— Я. Распорядился. Чтобы холод. Не причинил. Тебе. До поры до времени. Ни малейшего вреда. Ты знаешь, кто я?

— Вы как будто Дедушка Мороз? — спросил мальчик.

— Отнюдь нет! — ответил старик холодно. — Дедушка Мороз — мой сын. Я про́клял его — этот здоровяк слишком добродушен. Я — Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг. Следуй за мной.

И старик пошёл вперёд, неслышно ступая по льду своими мягкими белоснежными валенками.

Вскоре они остановились у высокого крутого холма. Прадедушка Мороз порылся в снегу, из которого была сделана его шуба, и вытащил огромный ледяной ключ. Щёлкнул замок, и тяжёлые ледяные ворота открылись в холме.

— Следуй за мной, — повторил старик.

— Но ведь мне нужно искать брата! — воскликнул мальчик.

— Твой брат здесь, — сказал Прадедушка Мороз спокойно. — Следуй за мной.

И они вошли в холм, и ворота со звоном захлопнулись, и Старший оказался в огромном пустом ледяном зале.

— В моём дворце сорок девять таких залов, следуй за мной, — приказал Прадедушка Мороз.

ON/OFF

69

v

t

Ледяной пол был такой скользкий, что мальчик упал два раза, но старик даже не обернулся. Он мерно шагал вперёд и остановился только в двадцать пятом зале ледяного дворца.

Посреди этого зала стояла высокая белая печь. Мальчик обрадовался. Ему так хотелось погреться.

Но в печке этой ледяные поленья горели чёрным пламенем. Чёрные отблески прыгали по полу. Из печной дверцы тянуло леденящим холодом.

И Прадедушка Мороз опустил на ледяную скамейку у ледяной печки и протянул свои ледяные пальцы к ледяному пламени.

— Садись рядом, помёрзнем, — предложил он мальчику.

Мальчик ничего не ответил.

А старик уселся поудобнее и мёрз, мёрз, мёрз, пока ледяные поленья не превратились в ледяные угольки.

Тогда Прадедушка Мороз заново набил печь ледяными дровами и разжёг их ледяными спичками.

— Ну а теперь я некоторое время посвящу беседе с тобою, — сказал он мальчику. — Ты. Должен. Слушать. Меня. Внимательно. Понял?

Мальчик кивнул головой.

И Прадедушка Мороз продолжал отчётливо и гладко:

— Ты. Выгнал. Младшего брата. На мороз. Сказав. Чтобы он. Оставил. Тебя. В покое. Мне нравится этот поступок. Ты любишь покой так же, как я. Ты останешься здесь навеки. Понял?

— Но ведь нас дома ждут! — воскликнул Старший жалобно.

— Ты останешься. Здесь. Навеки, — повторил Прадедушка Мороз.

Он подошёл к печке, потряс полами своей снежной шубы, и мальчик вскрикнул горестно. Из снега на ледяной пол посыпались птицы. Синицы, поползни, дятлы, маленькие лесные зверюшки, взъерошенные и окоченевшие, горкой легли на полу.

70

— Эти суетливые существа даже зимой не оставляют лес в покое, — сказал старик.

— Они мёртвые? — спросил мальчик.

— Я успокоил их, но не совсем, — ответил Прадедушка Мороз. — Их следует вертеть перед печкой, пока они не станут совсем прозрачными и ледяными. Займись. Немедленно. Этим. Полезным. Делом.

— Я убегу! — крикнул мальчик.

— Ты никуда не убежишь! — ответил Прадедушка Мороз твёрдо. — Брат твой заперт в сорок девятом зале. Пока что он удержит тебя здесь, а впоследствии ты привыкнешь ко мне. Принимайся за работу.

И мальчик уселся перед открытой дверцей печки. Он поднял с полу дятла, и руки у него задрожали. Ему казалось, что птица ещё дышит. Но старик не мигая смотрел на мальчика, и мальчик угрюмо протянул дятла к ледяному пламени.

И перья несчастной птицы сначала побелели, как снег. Потом вся она сделалась прозрачной, как стекло. Старик сказал:

— Готово! Принимайся за следующую.

До поздней ночи работал мальчик, а Прадедушка Мороз неподвижно стоял возле. Потом он осторожно уложил ледяных птиц в мешок и спросил мальчика:

— Руки у тебя не замёрзли?

— Нет, — ответил он.

— Это я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — сказал старик. — Но помни! Если Ты. Ослушаешься. Меня. То я. Тебя. Заморожу. Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь.

И Прадедушка Мороз, взяв мешок, ушёл в глубину дворца, и мальчик остался один.

Где-то далеко-далеко захлопнулась со звоном дверь, и эхо перекатилось по всем залам.

И Прадедушка Мороз вернулся с пустым мешком.

— Пришло время удалиться ко сну, — сказал Прадедушка Мороз. И он указал мальчику на ледяную кровать, которая стояла в углу. Сам он занял такую же кровать в противоположном конце зала.

4

Утром старик разбудил его.

— Отправляйся в кладовую, — сказал он. — Двери в неё находятся в левом углу зала. Принеси завтрак номер один. Он стоит на полке номер девять.

И мальчик пошёл в кладовую. Она была большая, как зал. Замороженная еда стояла на полках. И Старший принёс на ледяном блюде завтрак номер один.

И котлеты, и чай, и хлеб — всё было ледяное, и всё это надо было грызть или сосать, как леденцы.

— Я удалюсь на промысел, — сказал Прадедушка Мороз, окончив завтрак. — Можешь бродить по всем комнатам и даже выходить из дворца. До свиданья, мой юный ученик.

И Прадедушка Мороз удалился, неслышно ступая своими белоснежными валенками, а мальчик бросился в сорок девятый зал. Он бежал, и падал, и звал брата во весь голос, но только эхо отвечало ему. И вот он добрался, наконец, до со-

ON/OFF

72

v

t

рок девятого зала и остановился как вкопанный.

Все двери были открыты настежь, кроме одной, последней, над которой стояла цифра «49». Последний зал был заперт наглухо.

— Младший! — крикнул старший брат. — Я пришёл за тобой. Ты здесь?

— Ты здесь? — повторило эхо.

Дверь была вырезана из цельного промёрзшего ледяного дуба. Мальчик уцепился ногтями за ледяную дубовую кору, но пальцы его скользили и срывались. Тогда он стал колотить в дверь кулаками, плечом, ногами, пока совсем не выбился из сил. И хоть бы ледяная щепочка откололась от ледяного дуба.

И мальчик тихо вернулся обратно, и почти тотчас же в зал вошёл Прадедущка Мороз.

И после ледяного обеда до поздней ночи мальчик вертел перед ледяным огнём несчастных замёрзших птиц, белок и зайцев.

Так и пошли дни за днями.

И все эти дни Старший думал, и думал, и думал только об одном: чем бы разбить ему ледяную дубовую дверь. Он обыскал всю кладовую, надеясь найти топор. И он нашёл его наконец, но и топор отскакивал от ледяного дуба, как от камня.

И Старший думал, думал и наяву и во сне, всё об одном, всё об одном.

А старик хвалил мальчика за спокойствие и говорил:

— Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» — какие великие слова. С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев. «Оставь меня в покое!». Эти. Великие. Слова. Установят. Когда-нибудь. Вечный. Покой. На земле.

И отец, и мать, и бедный младший брат, и все знакомые лесничие говори-

ли просто, а Прадедушка Мороз как будто читал по книжке, и разговор его наводил такую же тоску, как огромные пронумерованные залы.

5

Старик любил вспоминать о древних-древних временах, когда ледники покрывали почти всю землю.

И вот однажды, слушая рассказы Прадедушки Мороза, мальчик вскочил и запрыгал на месте, как бешеный.

— Что значит твоё нелепое поведение? — спросил старик сухо.

Мальчик не ответил ни слова, но сердце его так и стучало от радости.

Когда думаешь всё об одном и об одном, то непременно в конце концов придумаешь, что делать.

Спички!

Мальчик вспомнил, что у него в кармане лежат те самые спички, которые ему дал отец, уезжая в город.

И на другое же утро, едва Прадедушка Мороз отправился на промысел, мальчик взял из кладовой топор и верёвку и выбежал из дворца.

Старик пошёл налево, а мальчик побежал направо, к живому лесу, который темнел за прозрачными стволами ледяных деревьев. На самой опушке живого леса лежала в снегу огромная сосна. И топор застучал, и мальчик вернулся во дворец с большой вязанкой дров.

У ледяной дубовой двери в сорок девятый зал мальчик разложил высокий костёр. Вспыхнула спичка, затрещали щепки, загорелись дрова, запрыгало настоящее пламя, и мальчик засмеялся от радости. Он уселся у огня и грелся, грелся, грелся.

Дубовая дверь сначала только блестела и сверкала так, что больно было смотреть, но вот, наконец, вся она покрылась мелкими водяными

капельками. И когда костёр погас, мальчик увидел: дверь чуть-чуть подтаяла.

— Ага! — сказал он и ударил по двери топором. Но ледяной дуб по-прежнему был твёрд, как камень.

— Ладно! — сказал мальчик. — Завтра начнём сначала.

Вечером, сидя у ледяной печки, мальчик взял и осторожно припрятал в рукав маленькую синичку. Прадедущка Мороз ничего не заметил. И на другой день, когда костёр разгорелся, мальчик протянул птицу к огню.

Он ждал, ждал, и вдруг клюв у птицы дрогнул, и глаза открылись, и она посмотрела на мальчика.

— Здравствуй! — сказал ей мальчик, чуть не плача от радости. — погоди, Прадедущка Мороз! Мы ещё поживём!

И каждый день теперь отогревал мальчик птиц, белок и зайцев. Он устроил своим новым друзьям снеговые домики в уголках зала, где было потемнее. Домики эти он устилал мхом, который набрал в живом лесу. Конечно, по ночам было холодно, но зато потом, у костра, и птицы, и белки, и зайцы запасались теплом до завтрашнего утра.

Мешки с капустой, зерном и орехами теперь пошли в дело. Мальчик кормил своих друзей до отвала. А потом он играл с ними у огня или рассказывал о своём брате, который спрятан там, за дверью. И ему казалось, что и птицы, и белки, и зайцы понимают его.

И вот однажды мальчик, как всегда, принёс вязанку дров, развёл костёр и уселся у огня. Но никто из его друзей не вышел из своих снеговых домиков.

Мальчик хотел спросить: «Где же вы?» — но тяжёлая ледяная рука с силой оттолкнула его от огня.

Это Прадедущка Мороз подкрался к нему, не-

слышно ступая своими белоснежными валенками.

Он дунул на костёр, и поленья стали прозрачными, а пламя чёрным. И когда ледяные дрова догорели, дубовая дверь стала такою, как много дней назад.

— Ещё. Раз. Попадёшься. Заморожу! — сказал Прадедушка Мороз холодно. И он поднял с пола топор и запрятал его глубоко в снег своей шубы.

6

Целый день плакал мальчик. И ночью с горя заснул как убитый. И вдруг он услышал сквозь сон: кто-то осторожно мягкими лапками барабанит по его щеке.

Мальчик открыл глаза.

Заяц стоял возле.

И все его друзья собрались вокруг ледяной постели. Утром они не вышли из своих домиков, потому что почуяли опасность. Но теперь, когда Прадедушка Мороз уснул, они пришли на выручку к своему другу.

Когда мальчик проснулся, семь белок бросились к ледяной постели старика. Они нырнули в снег шубы Прадедушки Мороза и долго рылись там. И вдруг что-то зазвенело тихонечко.

— Оставьте меня в покое, — пробормотал во сне старик.

И белки спрыгнули на пол и подбежали к мальчику.

И он увидел: они принесли в зубах большую связку ледяных ключей.

И мальчик всё понял.

С ключами в руках бросился он к сорок девятому залу. Друзья его летели, прыгали, бежали следом.

Вот и дубовая дверь.

Мальчик нашёл ключ с цифрой «49». Но где

ON/OFF

76

v

t

замочная скважина? Он искал, искал, искал, но напрасно.

Тогда поползень подлетел к двери. Цепляясь лапками за дубовую кору, поползень принялся ползать по двери вниз головою. И вот он нашёл что-то. И чирикнул негромко. И семь дятлов слетелись к тому месту двери, на которое указал поползень.

И дятлы терпеливо застучали своими твёрдыми клювами по льду. Они стучали, стучали, стучали, и вдруг четырёхугольная ледяная дощечка сорвалась с двери, упала на пол и разбилась.

А за дощечкой мальчик увидел большую замочную скважину.

И он вставил ключ и повернул его, и замок щёлкнул, и упрямая дверь открылась, наконец, со звоном.

И мальчик, дрожа, вошёл в последний зал ледяного дворца. На полу грудами лежали прозрачные ледяные птицы и ледяные звери.

А на ледяном столе посреди комнаты стоял бедный младший брат. Он был очень грустный и глядел прямо перед собой, и слёзы блестели у него на щеках, и прядь волос на затылке, как всегда, стояла дыбом. Но он был весь прозрачный, как стеклянный, и лицо его, и руки, и курточка, и прядь волос на затылке, и слёзы на щеках — всё было ледяное. И он не дышал и молчал, ни слова не отвечая брату. А Старший шептал:

— Бежим, прошу тебя, бежим! Мама ждёт! Скорее бежим домой!

Не дождавшись ответа, Старший схватил своего ледяного брата на руки и побежал осторожно по ледяным залам к выходу из дворца, а друзья его летели, прыгали, мчались следом.

Солнце только что встало, ледяные деревья сверкали так, что больно было смотреть. Стар-

ший побежал к живому лесу осторожно, боясь споткнуться и уронить Младшего. И вдруг громкий крик раздался позади.

Прадедущка Мороз кричал тонким голосом так громко, что дрожали ледяные деревья:

— Мальчик! Мальчик! Мальчик!

Сразу стало страшно холодно. Старший почувствовал, что у него холодеют ноги, леденеют и отнимаются руки. А Младший печально глядел прямо перед собой, и застывшие слёзы его блестили на солнце.

— Остановись! — приказал старик.

Старший остановился.

И вдруг все птицы прижались к мальчику близко-близко, как будто покрыли его живой тёплой шубой. И Старший ожил и побежал вперёд, осторожно глядя под ноги, изо всех сил оберегая младшего брата.

Старик приближался, а мальчик не смел бежать быстрее — ледяная земля была такая скользкая. И вот, когда он уже думал, что погиб, — зайцы вдруг бросились кубарем под ноги злому старику. И Прадедущка Мороз упал, а когда поднялся, то зайцы ещё раз свалили его на землю. Они делали это, дрожа от страха, но надо же было спасти лучшего своего друга. И когда Прадедущка Мороз поднялся в последний раз, то мальчик, крепко держа в руках своего брата, уже был далеко внизу, в живом лесу. И Прадедущка Мороз заплакал от злости.

И когда он заплакал, сразу стало теплее.

И Старший увидел, что снег быстро тает вокруг и ручьи бегут по оврагам. А внизу, у подножия гор, почки набухли на деревьях.

— Смотри — подснежник! — крикнул Старший радостно. Но Младший не от-

ветил ни слова. Он по-прежнему был неподвижен, как кукла, и печально глядел прямо перед собой.

— Ничего. Отец всё умеет делать! — сказал Старший Младшему. — Он оживит тебя. Наверное оживит!

И мальчик побежал со всех ног, крепко держа в руках брата. До гор Старший добрался так быстро с горя, а теперь он мчался, как вихрь, от радости. Ведь всё-таки брата он нашёл. И чем ближе было к дому, тем теплее становилось вокруг. Друзья-зайцы кувыркались от радости, друзья-белки прыгали с ветки на ветку, друзья-птицы свистели и пели. Деревья разговаривать не умели, но и они шумели радостно — ведь листья распустились, весна пришла.

И вдруг старший брат поскользнулся.

На дне ямки, под старым клёном, куда не заглядывало солнце, лежал подтаявший тёмный снег.

И Старший упал.

И бедный Младший ударился о корень дерева.

И с жалобным звоном он разбился на мелкие кусочки.

Сразу тихо-тихо стало в лесу.

И из снега вдруг негромко раздался знакомый тоненький голос:

— Конечно! От меня. Так. Легко. Не уйдёшь!

И Старший упал на землю и заплакал так горько, как не плакал ещё ни разу в жизни. Нет, ему нечем было утешиться, не на чем было успокоиться.

Он плакал и плакал, пока не уснул с горя как убитый.

А птицы собрали Младшего по кусочкам, и белки сложили кусочек с кусочком своими цепкими лапками и склеили берёзовым клеем. И потом все они тесно окружили Младшего как бы живой тёплой шубкой. А когда взошло солнце, то все они отлетели прочь. Младший лежал на

весеннем солнышке, и оно осторожно, тихонечко согревало его. И вот слёзы на лице у Младшего высохли. И глаза спокойно закрылись. И руки стали тёплыми. И курточка стала полосатой. И башмаки стали чёрными. И прядь волос на затылке стала мягкой. И мальчик вздохнул раз и другой и стал дышать ровно и спокойно, как всегда дышал во сне.

И когда Старший проснулся, брат его, целый и невредимый, спал на холмике. Старший стоял и хлопал глазами, ничего не понимая, а птицы свистели, лес шумел, и громко журчали ручьи в канавах.

Но вот Старший опомнился, бросился к Младшему и схватил его за руку.

А тот открыл глаза и спросил как ни в чём не бывало:

— А, это ты? Который час?

И Старший обнял его и помог ему встать, и оба брата помчались домой.

8

Мать и отец сидели рядом у открытого окна и молчали. И лицо у отца было такое же строгое и суровое, как в тот вечер, когда он приказал Старшему идти на поиски брата.

— Как птицы громко кричат сегодня, — сказала мать.

— Обрадовались теплу, — ответил отец.

— Слышишь?! — вдруг крикнула мать.

— Нет, — ответил отец. — А что случилось?

— Кто-то бежит сюда!

— Нет! — повторил отец печально. — Мне тоже всю зиму чудилось, что снег скрипит под окнами. Никто к нам не прибежит.

Но мать была уже во дворе и звала:

— Дети, дети!

И отец вышел за нею. И оба они увидели: по лесу бегут Старший и Младший, взявшись за руки.

Родители бросились к ним навстречу.

И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления.

Седая борода отца темнела на глазах, и вот она стала совсем чёрной, как прежде. И отец помолодел от этого лет на десять.

С горя люди седеют, а от радости седина исчезает, тает, как иней на солнце. Это, правда, бывает очень-очень редко, но всё-таки бывает.

И с тех пор они жили счастливо.

Правда, Старший говорил изредка брату:

— Оставь меня в покое.

Но сейчас же добавлял:

— Ненадолго оставь, минут на десять, пожалуйста. Очень прошу тебя.

И Младший всегда слушался, потому что братья жили теперь дружно.

1. Что понял Старший, когда потерял своего брата? В чём жизненная мудрость этой сказки?
2. Почему мальчику удалось спасти своего младшего брата?
3. Какие традиционные сюжеты, элементы народных сказок использованы Е. Шварцем?
4. Обратите внимание на особенности авторской манеры Е. Шварца, когда будете читать описание зимнего леса и дворца Прадедушки Мороза. Какие особенные краски, образы находит писатель?
5. Как соединяет Е. Шварц сказку и реальную жизнь?

Е. Шварц с родителями и младшим братом

Борис Гала́нов (1914–2000)

из книги

«КНИЖКА ПРО КНИЖКИ»

«ПИШУ НА ТУ ЖЕ ТЕМУ ПО-СВОЕМУ...»

1

«Жил-был...

„Король!“ — немедленно воскликнут мои маленькие читатели.

Нет, дети, вы не угадали. Жил-был кусок дерева.

То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату».

Так весело и неожиданно начал итальянский писатель К. Колло́ди книгу о многочисленных приключениях деревянного человечка по имени Пино́ккио, которого однажды вырезал из куска дерева в своей бедной каморке папаша Джеппе́тто. Эта книга родилась почти сто лет назад в Италии. Но теперь её знают во всех странах мира, повсюду, где есть дети. Я держал в руках старый перевод «Приключений Пиноккио» на русский язык. Он был сделан в 1908 году чуть ли не с сото́го итальянского издания. Сото́го! А ведь тогда Пиноккио прожил на белом свете ещё совсем немного — около трёх десятков лет. Какую же известность должна была завоевать эта книга у себя на родине, среди маленьких итальянцев, если её ежегодно переиздавали по многу раз! Не знаю, был ли среди прочитанных вами книг «Пиноккио». Но с другим деревянным человечком, по имени Буратино, после множества испытаний завладевшим тайной золотого ключика, вы-то уж встречались наверняка в книжке, в театре, на экране. Историю Буратино рассказал для вас Алексей Николаевич Толстой. Но не подумайте, пожалуйста, что после знакомства

с Буратино вам уже незачем знакомиться с Пиноккио.

Буратино похож и не похож на своего старшего брата. Вот почему одинаково интересно прочитать обе книжки. А любознательным читателям, друзьям Буратино, наверняка интересно будет сравнить их между собой. Ведь один и тот же сюжет, характеры героев, общий замысел вещи — всё, всё может чудесным образом измениться под пером двух совершенно разных писателей.

...Легко себе представить, как обрадовало Самуила Яковлевича предложение Толстого поработать для детей. Круг детских писателей был тогда ещё узок, а интересы юных читателей широки и многообразны. И Маршак с присущей ему энергией отыскивал новых авторов для детей среди литераторов-профессионалов из взрослой литературы. Об этой своей деятельности он не без внутренней гордости писал Горькому: «Про меня говорят, что я стремлюсь всех превратить в детских писателей. Ну что ж, попробуем!». А тут Маршаку представилась счастливая возможность «превратить» в детского писа-

теля Алексея Толстого, автора одинаково полюбившейся ребятам и взрослым превосходной повести «Детство Никиты».

«Толстой взялся за работу с большим аппетитом, — вспоминал впоследствии Самуил Яковлевич. — Он как бы играл с читателем в какую-то весёлую игру, доставлявшую удовольствие прежде всего ему самому».

Буратино вот уже который год остаётся любимцем ребят. А для того чтобы лучше понять и представить, почему писателя увлекла история деревянного человечка, отчего появился аппетит к старой книжке Коллоди, попробуем расшифровать строчку из его письма Максиму Горькому: «...пишу на ту же тему по-своему».

2

Прежде всего, что ценил Толстой в «Пиноккио»? Что старался сохранить и даже усилить в своём «Золотом ключике, или Приключениях Буратино»? Глубоко народную основу книги Коллоди. Вспомним ещё раз, как она начинается: «Жил-был... „Король!“ — немедленно воскликнут мои маленькие читатели. Нет, дети, вы не угадали...» И действительно, принявшись читать книгу Коллоди, вы узнаете, что жили-были горемычные итальянские труженики-бедняки, вроде папы Джеппётто, жили-были озорные итальянские школьники, жил-был грозный чернобородый синьор Манджафóко, хозяин кукольного театра, ну и, разумеется, актёры его труппы, деревянные куклы, наделённые даром человеческой речи. Ещё жили-были разные звери, рыбы, птицы и насекомые, тоже обладавшие способностью думать и разговаривать, предостерега́ть, рассуди́тельно наставля́ть и при случае мудро советовать. А в уютном белоснежном домике жила покровительница Пиноккио, красивая, добрая девочка — фея с волосами цвета лазу́рнейшей голубизны, охраняемая верным пуделем Медóро.

Всех этих персонажей Толстой не просто при-
вёл под новыми именами на страницы своего
«Буратино». Одним он увеличил роли, расцветив
самыми фантастическими узорами, другим — со-
кратил, а третьим переписал их роли заново,
решительно изменив характеры, облик, поведе-
ние, в согласии с изменившейся окраской пове-
ствования. И надо сказать, что следить за пре-
ращениями героев Коллоди в героев Алексея
Толстого бывает чрезвычайно любопытно.

В первую очередь перемены коснулись самого
деревянного человечка. И дело не только в том,
что у Толстого он стал называться Буратино
(по-итальянски — деревянная кукла), а не Пи-
ноккио (по-итальянски — зёрнышко сосновой
шишки). Вместе с именем Буратино деревянный
человечек приобрёл и новые, существенно важ-
ные черты.

Правда, многое он унаследовал от Пиноккио.
Кроме крепких, деревянных, больно лежающих
ног и необыкновенно длинного деревянного носа,
имевшего обыкновение ещё и вытягиваться, ког-
да его хозяин начинал лгать, унаследовал чело-
веческое сердце. И хотя об этом у Коллоди ни-
где и ничего прямо не говорится, хотя чаще все-
го Пиноккио поступает как упрямый, ленивый,
неблагодарный, непослушный и глупый маль-
чишка, желающий всё делать по-своему, мы-то
слышим, как бьётся его сердце. И в конце кон-
цов Пиноккио всем блестяще докажет, что серд-
це у него действительно доброе и великодушное.

Так же, как докажет это и Буратино.

1. Как вы поняли, почему Алексей Толстой вместо перевода сказки Карло Коллоди написал новую книгу?
2. Вспомните, кто ещё из писателей, взяв за ос-
нову литературную сказку, пересказал её по-
своему и создал по сути новую книгу — свою
собственную.

ON/OFF

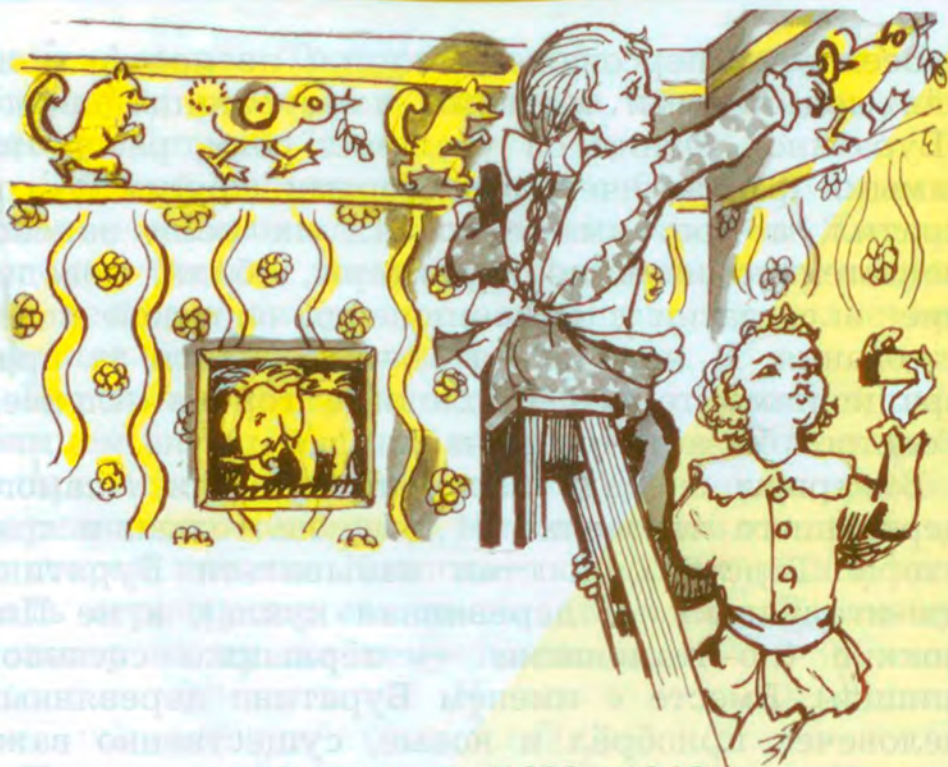

86

v

t

А.Н. Толстой (1882—1945)

Из цикла

«СКАЗКИ И РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

ФО́ФКА

Детскую оклеили новыми обоями. Обои были очень хорошие, с пёстрыми цветочками.

Но никто недосмотрел, — ни приказчик, который продавал обои, ни мама, которая их купила, ни нянька Анна, ни горничная Варя, ни кухарка Паша, словом, никто, ни один человек, недосмотрел вот чего.

Маляр приклеил на самом верху вдоль всего карниза широкую бумажную по́лосу. На полосе были нарисованы пять сидящих собак и посредине их — жёлтый цыплёнок с пумпушкой на хвосте. Рядом опять сидящие кружком пять собачек и цыплёнок. Рядом опять собачки и цыплёнок с пумпушкой. И так вдоль всей комнаты под потолком сидели пять собачек и цыплёнок, пять собачек и цыплёнок...

Маляр наклеил по́лосу, слез с лестницы и сказал:

— Ну-ну!

Но сказал это так, что это было не просто «ну-ну», а что-то похуже. Да и маляр был необыкновенный маляр, до того замазанный мелом и разными красками, что трудно было разоб-
брать — молодой он или старый, хороший он человек или плохой человек.

Маляр взял лестницу, протопал тяжёлыми сапогами по коридору и пропал через чёрный ход, — только его и видели.

А потом и оказалось: мама никогда такой по-
лосы с собаками и цыплятами не покупала.

Но — делать нечего. Мама пришла в детскую и сказала:

— Ну что же, очень мило, — собачки и цыплёнок, — и велела детям ложиться спать.

Нас, детей, было двое у нашей мамы, я и Зина. Легли мы спать. Зина мне и говорит:

— Знаешь что? А цыплёнка зовут Фёфка.

Я спрашиваю:

— Как Фёфка?

— А вот так, сам увидишь.

Мы долго не могли заснуть. Вдруг Зина шепчет:

— У тебя глаза открытые?

— Нет, зажмуренные.

— Ты ничего не слышишь?

Я наострил оба уха, слышу — потрескивает где-то, попискивает. Открыл в одном глазу щёлку, смотрю — лампадка мигает, а по стене бегают тени, как мячики. В это время лампадка затрещала и погасла.

Зина сейчас же залезла ко мне под одеяло, закрылись мы с головой. Она и говорит:

— Фёфка всё масло в лампадке выпил.

Я спрашиваю:

— А шарики зачем по стене прыгали?

— Это Фёфка от собак убегал, слава Богу, они его поймали.

Наутро проснулись мы, смотрим — лампадка совсем пустая, а наверху, в одном месте, около Фофкиного клюва — масляная капля.

Мы сейчас же всё это рассказали маме, она ничему не поверила, засмеялась. Кухарка Домна засмеялась, горничная Маша засмеялась тоже, одна нянька Анна покачала головой.

Вечером Зина мне опять говорит:

— Ты видел, как нянька покачала головой?

— Видел.

— Что-то будет? Нянька не такой человек, чтобы напрасно головой качать. Ты знаешь, зачем у нас Фофка появился? В наказание за наши с тобой шалости. Вот почему нянька головой качала. Давай-ка лучше припомним все шалости, а то будет ещё хуже.

Начали мы припоминать. Припоминали, припоминали, припоминали и запутались. Я говорю:

— А помнишь, как мы на даче взяли гнилую доску и положили через ручей? Шёл портной в очках, мы кричим: «Идите, пожалуйста, через доску, здесь ближе». Доска сломалась, и портной упал в воду. А потом Домна ему живот утюгом гладила, потому что он чихал.

Зина отвечает:

— Неправда, этого не было, это мы читали, это сделали Макс и Мориц¹.

Я говорю:

— Ни в одной книжке про такую гадкую шалость не напишут. Это мы сами сделали.

Тогда Зина села ко мне на кровать, поджала губы и сказала противным голосом:

— А я говорю: напишут, а я говорю: в книжке, а я говорю: ты по ночам рыбу ловишь.

Этого, конечно, я снести не мог. Мы сейчас же поссорились. Вдруг кто-то цапнул страшно больно меня за нос. Смотрю, и Зина за нос держится.

¹ Макс и Мориц — мальчики-озорники, герои рисованных историй немецкого художника Вильгельма Бюша.

ON/OFF

89

v

t

— Ты что? — спрашиваю Зину.

Она отвечает шёпотом:

— Фофка. Это он клюнул.

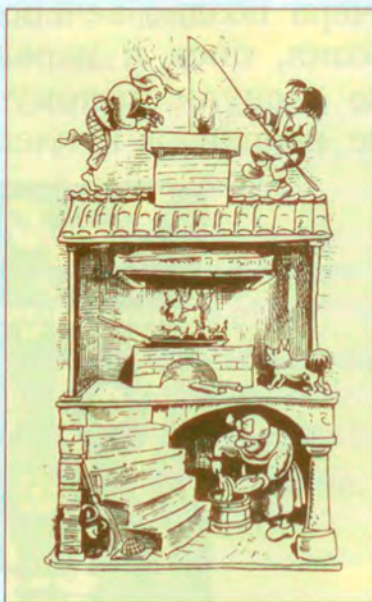
Тогда мы поняли, что нам не будет от Фофки житья.

Зина сейчас же заревела. Я подождал и тоже заревел. Пришла нянька, развела нас по постелям, сказала, что если мы не заснём сию же минуту, то Фофка отключёт нам весь нос до самой щеки.

На другой день мы забрались в коридоре за шкаф. Зина говорит:

— С Фофкой нужно прикончить.

Стали думать, как нам избавиться от Фофки. У Зины были деньги — на переводные картинки. Решили купить кнопок. Отпросились гулять и прямо побежали в магазин «Пчела». Там двое гимназистов приготовительного класса покупали картинки для наклеиванья. Целая куча этих замечательных картинок лежала на прилавке, и сама госпожа «Пчела», с подвязанной щекой, любовалась, жалея с ними расстаться. И всё-та-

В. Буш. Приключения
Макса и Морица «Высоко
взлетел цыплёнок»

ON/OFF

90

v

t

ки мы спросили у госпожи «Пчелы» кнопок на все тридцать копеек.

Потом вернулись домой, подождали, когда отец и мама уйдут со двора, прокрались в кабинет, где стояла деревянная лакированная лестница от библиотеки, и притащили лестницу в детскую.

Зина взяла коробочку с кнопками, залезла на лестницу под самый потолок и сказала:

— Повторяй за мной: я с моим братом Никитой даём честное слово никогда не шалить, а если мы будем шалить, то не очень, а если даже очень будем шалить, то сами потребуем, чтобы нам не давали сладкого ни за обедом, ни за ужином, ни в четыре часа. А ты, Фофка, сгинь, чур, чур, пропади!

И когда мы сказали это оба громко в один голос, Зина приколола Фофку кнопкой к стене. И так приколола быстро и ловко — не пикнул, ногой не дрыгнул. Всех было шестнадцать Фофок, и всех приколола кнопками Зина, а собачкам — каждой — носик помазала вареньем.

С тех пор Фофка нам больше не страшен. Хотя вчера поздно вечером на потолке началась было возня, писк и царапанье, но мы с Зиной спокойно заснули, потому что кнопки были не кое-какие кнопки, а куплены у госпожи «Пчелы».

ON/OFF

91

v

t

КОТ СМЕТАННЫЙ РОТ

Кот на печке. Кот, ты спишь?

Кот устал, не слышит.

Из-под печки лезет мышь,

Трётся — еле дышит.

Видит кот приятный сон:

На скамейке, у окон —

Из большого чана

Льёт сметана...

Тут и сливки — целый пруд...

Лижет кот и там и тут,

Съесть всё это хочет,

Лапы мочит.

Мышь смекнула: дремлет вор,

Будет нам раздолье!

«Эй, скорей, из тёмных нор,

Мыши, из подполья!»

На разбой идут ночной, —

Шмыг да шмыг по лавке.

Лапу маленькой одной

Отдавили в давке.

Месяц светит сквозь стекло.

Кот храпит беззубый.

Мыши кутаны тепло

В серенькие шубы.
Утащили под кровать,
Обглодали свечку.
Говорят: «Пойдём кусать
Нос коту на печку».
А уж кот в приятном сне
Лижет ус сметанный.
Вдруг он видит — мышь на дне —
Случай очень странный!
Прыгнул кот что было сил,
Слюни даже проглотил:
«Вот такой-то ужин
Нам, котам, и нужен!» —
Облизнулся,
Потянулся...
Мышь кота за морду — хватъ,
И в сметану — прыг опять...
Вздрыгнул кот, проснулся...
Дыбом шерсть, глаза горят, —
Ни сметаны, ни мышат.
Свет в избе потушен,
Нос горит, укушен.
«Верно, — думает, — блоха...»
А в подполье: «Ха-ха-ха!
Будешь помнить, котофей,
Как ловить во сне мышей,
Пропадёт охота,
То-то...»

1. Понравились ли вам сказки А.Н. Толстого?
2. Как вы думаете, чем отличаются сказки А.Н. Толстого от других литературных сказок, например Е. Шварца?
3. Чем необычны герои сказок А.Н. Толстого?

А теперь перед вами рассказ ещё одного писателя, которого С.Я. Маршаку удалось превратить в детского, — Михаила Пришвина.

Михаил Пришвин (1879—1954)

«ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»

В одном болоте на кочке под ивой вывелись дикие кряковые утята. Вскоре после этого мать повела их к озеру по коровьей тропе. Я заметил их издали, спрятался за дерево, и утята подошли к самым моим ногам. Трёх из них я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать пошли себе дальше по коровьей тропе.

Подержал я у себя этих чёрных утят, и стали они вскоре все серыми. После из серых один вышел красавец разноцветный селезень и две уточки, Дуся и Муся. Мы им крылья подрезали, чтобы не улетели, и жили они у нас на дворе вместе с домашними птицами: куры были у нас и гуси.

С наступлением новой весны устроили мы своим дикарям из всякого хлама в подвале кочки, как на болоте, и на них гнёзда. Дуся положила себе в гнездо шестнадцать яиц и стала высиживать утят. Муся положила четырнадцать, но сидеть на них не захотела. Как мы ни бились, пу-

стая голова не захотела быть матерью. И мы посадили на утиные яйца нашу важную чёрную курицу — Пиковую Даму.

Пришло время, вывелись наши утята. Мы их некоторое время подержали на кухне, в тепле, крошили им яйца, ухаживали. Через несколько дней наступила очень хорошая, тёплая погода, и Дуся повела своих чёрненьких к пруду, и Пиковая Дама своих — в огород за червями.

— Свись-свись! — утята в пруду.

— Кряк-кряк! — отвечает им утка.

— Свись-свись! — утята в огороде.

— Квох-квох! — отвечает им курица.

Утята, конечно, не могут понять, что значит «квох-квох», а что слышится с пруда, это им хорошо известно.

«Свись-свись» — это значит: «свои к своим».

А «кряк-кряк» — значит: «вы — утки, вы — кряквы, скорей плывите».

И они, конечно, глядят туда, к пруду.

— Свои к своим! — И бегут.

— Плывите, плывите! — И плывут.

— Квох-квох! — упирается важная курица на берегу.

Они всё плывут и плывут. Сосвистались, сплылись, радостно приняла их в свою семью Дуся; по Мусе они были ей родные племянники.

Весь день большая сборная утиная семья плавала на прудике, и весь день Пиковая Дама, распушённая, сердитая, квохтала, ворчала, копала ногой червей на берегу, старалась привлечь червями утят и квохтала им о том, что уж очень-то много червей, таких хороших червей!

— Дрянь-дрянь! — отвечала ей кряква.

А вечером она всех утят провела одной длинной верёвочкой по сухой тропинке. Под самым носом важной курицы прошли они, чёрненькие, с большими утиными носами, ни один даже на такую мать и не поглядел.

Мы всех их собрали в одну высокую корзину и оставили ночевать в тёплой кухне, возле плиты.

Утром, когда мы ещё спали, Дуся вылезла из корзины. Ходила вокруг по полу, кричала, вызывала к себе утят. В тридцать голосов ей на крик отвечали свистуны. На утиный крик стены нашего дома, сделанного из звонкого соснового леса, отзывались по-своему. И всё-таки в этой кутерьме мы расслышали отдельно голос одного утёнка.

— Слышите? — спросил я своих ребят.

Они прислушались.

— Слышим! — закричали. И пошли в кухню.

Там, оказалось, Дуся была не одна на полу. С ней рядом бегал один утёнок, очень беспокоился и непрерывно свистел. Этот утёнок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец. Как же мог такой-то воин перелезть стену корзины высотой сантиметров в тридцать?

Стали все мы об этом догадываться, и тут явился новый вопрос: сам утёнок придумал себе какой-нибудь способ выбраться из корзины вслед за матерью или же она случайно задела его как-нибудь своим крылом и выбросила? Я перевязал ножку этого утёнка ленточкой и пустил в общее стадо.

Переспали мы ночь, и утром, как только раздался в доме утиный утренний крик, мы — в кухню.

На полу вместе с Дусей бегал утёнок с перевязанной лапкой.

Все утята, заключённые в корзине, свистели, рвались на волю и не могли ничего сделать. Этот выбрался.

Я сказал:

— Он что-то придумал.

— Он изобретатель! — крикнул Лёва.

Тогда я задумал посмотреть, каким же способом этот «изобретатель» решает труднейшую за-

дачу: на своих утиных перепончатых лапках подняться по отвесной стене. Я встал на следующее утро до свету, когда и ребята мои, и утятта спали непробудным сном. В кухне я сел возле выключателя, чтобы сразу, когда надо будет, дать свет и рассмотреть события в глубине корзины.

И вот побелело окно. Стало светать.

— Кряк-кряк! — проговорила Дуся.

— Свись-свись! — ответил единственный утёнок.

И всё замерло. Спали ребята, спали утятта.

Раздался гудок на фабрике. Свету прибавилось.

— Кряк-кряк! — повторила Дуся.

Никто не ответил. Я понял: «изобретателю» сейчас некогда — сейчас, наверно, он и решает свою труднейшую задачу. И я включил свет.

Ну, так вот я и знал! Утка ещё не встала, и голова её ещё была вровень с краем корзины. Все утятта спали в тепле под матерью, только один, с перевязанной лапкой, вылез и по перьям матери, как по кирпичикам, взбирался вверх, к ней на спину. Когда Дуся встала, она подняла его высоко, на уровень с краем корзины. По её спине утёнок, как мышь, пробежал до края — и кувырк вниз! Вслед за ним мать тоже вывалилась на пол, и началась обычная утренняя кутерьма: крик, свист на весь дом.

Дня через два после этого утром на полу появилось сразу три утёнка, потом пять, и пошло, и пошло: чуть только крякнет утром Дуся, все утятта к ней на спину и потом валяются вниз.

А первого утёнка, проложившего путь для других, мои дети так и прозвали Изобретателем.

Самуил Маршак (1887—1964)

СИЛА ЖИЗНИ

(о М. Пришвине)

В богатой русской литературе не так-то легко занять выдающееся место, открыть новую — свою — страницу.

Это писательское счастье в полной мере выпало на долю Михаила Михайловича Пришвина.

Тому, кто прошёл укромной тропой сквозь пришвинский зелёный мир, полный света и ветра, земля уже никогда не покажется ни мёртвой, ни будничной.

Такая сила жизни была у этого человека, что даже самые краткие записи натуралиста, странички из «календаря природы» превращались у него в лирические стихи, а очерки — в поэмы.

Он нашёл свою форму выражения мыслей и чувств, и уж если как-нибудь называть эту форму, то разве что «пришвинской».

В самом деле, у кого найдёшь такое редкостное и необычайное сочетание точных, деловитых наблюдений над жизнью природы с поэтической выдумкой, с воображением смелым, щедрым и непосредственным?

В даровании Пришвина поэт соединился с землепроходцем, с неутомимым путником, странствующим по просторам родной земли, с опытным наблюдателем и зорким охотником, умеющим приносить из лесу двойную добычу — в охотничьей сумке и в памяти.

Мудрый и памятливым художник, он сохранил в душе до последних своих дней первоначальную свежесть чувства, неуёмное любопытство и жадность к новому. А новое он умел находить во всём, что его окружало.

Недаром же он говорил: «...каждый год весна приходит не такой, как в прошлом году, и никогда одна весна не бывает точно такой, как другая».

Не повторялись в его книгах и люди. А сколько их повстречал он на своих бесконечных дорогах!

День за днём, год за годом находил он, точно драгоценные клады, слова и присловья, которые так метко и точно передают своеобразие создавшего их народа.

Язык в книгах Пришвина так же причудлив, богат и одухотворён, как и открытая им природа.

Нам, современникам, досталось на долю счастье знать этого чудесного писателя как товарища и друга.

Но нет сомнения в том, что встречи с Пришвиным, таким живым и молодым в каждой оставленной им строке, будут без конца удивлять, радовать, обогащать и поколения, идущие нам на смену.

То, что было по-настоящему живым, никогда не станет мёртвым.

1955

1. Вы прочли рассказ Михаила Пришвина и статью Самуила Маршака о творчестве этого писателя. За что ценил Маршак книги Пришвина?
2. Попробуйте увидеть в рассказах Пришвина те особенности творческого почерка писателя, о которых говорит С.Я. Маршак.
3. Вспомните, какие произведения С.Я. Маршака вы читали на уроках и самостоятельно. Это были и стихи, и загадки, и пьеса-сказка. Теперь вы познакомились с критической статьёй С.Я. Маршака о Пришвине (критическая статья — это особый жанр, в ней даётся анализ всего творчества писателя или отдельных его произведений). Чтобы вы лучше увидели, как многообразно творчество Маршака, прочтите несколько его стихотворных переводов.

Роберт Бёрнс (1759–1796)

В ГОРАХ МОЁ СЕРДЦЕ

Перевод Самуила Маршака

В горах моё сердце... Дон'ине я там
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах моё сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай,
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах моё сердце... Дон'ине я там
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах моё сердце, а сам я внизу.

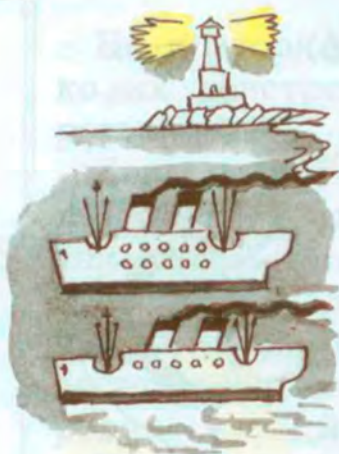
Редьярд Киплинг (1865–1936)

НА ДАЛЁКОЙ АМАЗОНКЕ

Перевод Самуила Маршака

На далёкой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье

К далёким берегам.
 Плывут они в Бразилию,
 Бразилию, Бразилию,
 И я хочу в Бразилию —
 К далёким берегам!

Никогда вы не найдёте
 В наших северных лесах
 Длиннохвостых ягуаров,
 Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
 Бразилии моей,
 Такое изобилие
 Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
 Бразилию,
 Бразилию,
 Увижу ли Бразилию
 До старости моей?

1. Как вы думаете, почему историки литературы называют 20-е годы XX века очень важным периодом в истории русской детской литературы?
2. Путешествие в историю русской детской литературы XX века мы назвали «Новые встречи со старыми друзьями». Что нового вы узнали о жизни и о книгах хорошо вам знакомых писателей? Какие книги вам захотелось прочитать? Почему?
3. О ком из писателей вы узнали впервые? О каких писателях изменилось ваше представление во время двух последних путешествий?

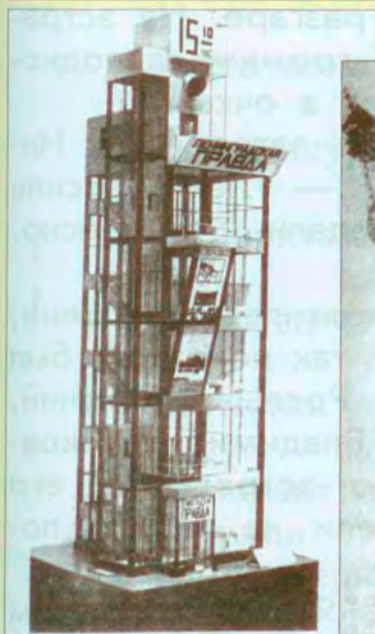
Ребята, вы обратили, наверное, внимание, что в наших учебниках по чтению произведения одного и того же писателя встречаются несколько раз (например, в первом классе вы читали стихотворения С.Я. Маршака для малышей, во втором

классе — его загадки, стихи, перевод «Сказки о глупости» украинского писателя Ивана Франко, в третьем классе — стихи и пьесу-сказку, в четвёртом — отрывки из статей и стихотворные переводы). Это сделано для того, чтобы у вас сложилось более полное представление о творчестве писателя, чтобы вы увидели, насколько оно многообразно.

4. Вспомните, какие произведения М.М. Пришвина и А.Н. Толстого вы читали. В каких жанрах написаны их произведения?
5. В начале XX века детские писатели создают произведения самых разных жанров: рассказы, автобиографические повести... Продолжите и закончите этот ряд сами.
6. Что нового появилось в стихах для детей в 20-е годы XX века?

Поиски нового в архитектуре 20-х годов XX века

Конкурсный проект.
Архитекторы братья
Веснины. 1924 год

Проект
«горизонтального»
небоскрёба. Архитектор
Л. Лисицкий

Радиомачта в Москве
на улице Шаболовке.
Инженер В. Шухов. 1922 год

ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

1928 год. Литературный утренник в Сокольниках. Балерина или поэтесса? Путешествие вдвоём. Юрий Олёша и... профессор Николай Александрович Рождественский

Путешествовать «вокруг Маршака» было, конечно, очень интересно, однако наши близнецы всё чаще вопросительно поглядывали на Николая Александровича. Наконец он сказал:

— Сегодня, после обеда. С собой — тёплые свитера. Хоть там и лето, а весь день на улице пробыть придётся.

...В парке «Сокольники» играли духовые оркестры. Со всех сторон по направлению к большой поляне шли дети и взрослые. Игорь, Оля и Николай Александрович тоже поспешили на поляну, где виднелась открытая эстрада. Игорь нёс сумку с вещами, которую ему доверил Николай Александрович. В сумке лежал и пульт дистанционного управления машиной времени, поэтому Игорь чувствовал себя «немножко самым главным».

Литературный утренник был в разгаре. На эстраде раскланивался под громкие аплодисменты кудрявый человек в очках.

— Идёмте скорее, — заторопился Николай Александрович. — Лев Кассиль уже выступил, мы опоздали... интересно, кто будет следующим?

Человека, который появился на сцене, не узнать было нельзя: так похож он был на свои фотографии. Рослый, могучий, красивый и весёлый, Владимир Маяковский подошёл к краю эстрады, и его голос услышали зрители на самых последних рядах.

— Товарищи дети! Я прочитаю вам «Историю Власа — лентяя и лоботряса...»

В. Маяковский

ON/OFF

103

v

t

Владимир Маяковский (1893—1930)

История Власа — лентяя и лоботряса

Влас Прогулкин —
 милый мальчик,
спать ложился,
 взяв журнальчик.
Всё в журнале
 интересно.
— Дочитаю весь,
 хоть тресну! —
Ни отец его,
 ни мать
не могли
 заставить спать.
Засыпает на рассвете,
скомкав
 ёрзаньем
 кровать,
в час,
 когда
 другие дети

ON/OFF

104

v

t

бодро

начали вставать.

Когда

другая детвора
чаёвничает, вставши,
отец

орёт ему:

— Пора! —

Он —

одеяло на уши.

Разошлись

другие

в школы, —

Влас

у крана

полуголый —

не дремалось в школе чтоб,

моет нос

и мочит лоб.

Без чаю

и без калача

выходит,

еле волочась.

Пошагал

и встал разиней:

вывеска на магазине.

Грамота на то и есть!

Надо

вывеску

прочесть!

Прочёл

с начала

буквы он,

выходит:

«Куафёр¹ Симон».

С конца прочёл

знаток наук, —

¹ Куафёр — (устар.) парикмахер.

«Номис» выходит
«рефаук».

Подумавши
минуток пять,
Прогулкин
двинулся опять.

А тут
на третьем этаже
сияет вывеска —
«Тэжэ»

Прочёл.
Пошёл.
Минуты с три —
опять застрял
у двух витрин.

Как-никак,
а к школьным зданиям
пришёл
с огромным опозданием.

Дверь на ключ.
Толкнулся Влас —
не пускают Власа
в класс!

Этак ждатель
расчёта нету.

«Сыграну-ка
я
в монету!»

Проиграв
один пятак,
не оставил дела так...

Словом,
не заметил сам,
как промчались
три часа.

Что же делать —
вывод ясен:
возвратился восвояси!

Пришёл в грустях,
чтоб видели

ON/OFF

106

v

t

соседи

и родители.

Те

к сыночку:

— Что за вид? —

— Очень голова болит.

Так трещала,

что не мог

даже

высидеть урок!

Прошу

письмо к мучителю,

мучителю-учителю! —

В школу

Влас

письмо отнёс

и опять

не кажет нос.

Словом,

вырос этот Влас —

настоящий лоботряс.

Мал

настолько

знаний груз,

что не мог

попасть и в вуз,

Еле взяли,

между прочим,

на завод

чернорабочим.

Ну, а Влас

и на заводе

ту ж историю заводит:

у людей —

работы гул,

у Прогулкина —

прогул.

Словом,

через месяц

он

выгнан был
и сокращён.
С горя
Влас
торчит в пивнушке,
мочит
ус
в бездонной кружке,
и под забором
вроде борова
лежит он,
грязен
и оборван.

Дети,
не будьте
такими, как Влас!

Радостно
книгу возьмите
и — в класс!

Вооружись
учебником-книгой!

С детства
мозги
развивай и двигай!

Помни про школу —
только с ней
станешь
строителем
радостных дней!

Наши близнецы уже совсем освоились. Они увлечённо слушали и успевали разглядывать зрителей. Удивительно было то, как дети слушали Маяковского: широко открыв глаза, подавшись вперёд, девчонки и мальчишки ловили каждое слово, хмурились и улыбались, хохотали до слёз. Когда Маяковский закончил чтение, его долго не отпускали со сцены, и поэт читал «на бис» «Тучкины штучки», и «Конь-огонь», и «Кем быть?»...

Громко хлопая в ладоши, Оля обратила внимание на девушку, которая, как видно, ждала своего выхода на сцену и очень волновалась.

— Николай Александрович, а кто это? Ну вот там, у входа на сцену?

— А вы не узнали? Это хорошо вам известная поэтесса. Её зовут... Хотя нет, знаете что? История этой девушки настолько интересна, что стоит вернуться на несколько лет назад.

...На этот раз наши герои оказались в просторном зале. Вдоль стен этого зала висели зеркала и тянулись в два ряда круглые длинные палки — балетный станок. На стульях сидели девочки и мальчики, у стены стояла учительница, а посреди зала худенькая девочка лет шестнадцати читала очень грустное стихотворение, обращаясь к человеку с бородкой, сидевшему в первом ряду. Когда она закончила чтение, человек встал, поблагодарил, а потом с улыбкой спросил:

— А ещё стихи у вас есть? Только не такие грустные? Знаете, вам обязательно надо писать стихи — весёлые, смешные, это ближе вашему возрасту и характеру.

— Спасибо, Анатолий Васильевич, я подумаю, — смущённо улыбаясь, пообещала девочка.

Урок-концерт в балетной школе продолжался. Наши герои сидели в последнем ряду. Близнецы, как вы уже догадались, нетерпеливо требовали у Николая Александровича разъяснений.

— Друзья мои, эту молоденькую балерину зовут Агния Барто. Её стихи понравились Анатолию Васильевичу Луначарскому, народному комиссару просвещения. Если бы не он, может быть, у нас была бы балерина Агния Барто, но не было бы Агнии Барто — детской поэтессы. Вот как бывает... А теперь давайте вернёмся в 1928 год, в парк «Сокольники», и послушаем Агнию Барто. Прошло всего три года, как она впервые принесла в издательство свои стихи, а дети уже успели их полюбить.

ON/OFF

109

v

t

Агния Барто (1906—1982)

СНЕГИРЬ

На Арбате, в магазине,
За окном устроен сад.
Там летает голубь синий,
Снегири в саду свистят.

Я одну такую птицу
За стеклом видал в окне,
Я видал такую птицу,
Что теперь не спится мне.

Ярко-розовая грудка,
Два блестящие крыла...
Я не мог ни на минутку
Оторваться от стекла.

Из-за этой самой птицы
Я ревел четыре дня.
Думал, мама согласится —
Будет птица у меня.
Но у мамы есть привычка
Отвечать всегда не то:
Говорю я ей про птичку,
А она мне про пальто.

110

Что в карманах по дыре,
Что дерусь я во дворе,
Что поэтому я должен
Позабыть о снегире.

Я ходил за мамой следом,
Подждал её в дверях,
Я нарочно за обедом
Говорил о снегирах.

Было сухо, но галоши
Я послушно надевал.
До того я был хорошим —
Сам себя не узнавал.

Я почти не спорил с дедом,
Не вертелся за обедом,
Я «спасибо» говорил,
Всех за всё благодарил.

Трудно было жить на свете,
И, по правде говоря,
Я терпел мученья эти
Только ради снегиря.

До чего же я старался!
Я с девчонками не дрался.
Как увижу я девчонку,
Погрожу ей кулаком

И скорей иду в сторонку,
Будто с ней я незнаком.
Мама очень удивилась:
— Что с тобой, скажи на милость?

Может, ты у нас больной —
Ты не дрался в выходной!
И ответил я с тоской:
— Я теперь всегда такой.

ON/OFF

111

v

t

Добивался я упрямо,
Повозился я не зря.
— Чудеса, — сказала мама
И купила снегиря.

Я принёс его домой.
Наконец теперь он мой!
Я кричал на всю квартиру:
— У меня снегирь живой!

Я им буду любоваться,
Будет петь он на заре...
Значит, снова можно драться
Завтра утром во дворе?

...Литературный утренник закончился, и наши герои оказались в шумной толпе детей и взрослых.

— Давайте держаться вместе, друзья мои, — сказал Николай Александрович, — нам ещё предстоит отправиться на улицу Станкевича и познакомиться с одним молодым писателем. Если разойдёмся, встречаемся у входа в парк.

Оля крепко держала Игоря за руку. Было жарко, очень хотелось пить. Игорь расстегнул сумку, стал искать свою летнюю кепку с козырьком и вдруг нечаянно задел кнопку на пульте, и... брат и сестра очутились дома, в квартире на Остоженке. Николая Александровича с ними не было.

Близнецы бросились искать его, заглянули во все комнаты и вдруг с ужасом поняли, что оставили профессора в 1928 году.

— Надо возвращаться и разыскать Николая Александровича. Ведь машина запрограммирована именно на 1928 год.

...Близнецы, все так же держась за руки, стояли на тротуаре рядом с домом старинной постройки. На углу дома можно было прочитать узенькую табличку: «Ул. Остоженка». Рядом был указан номер дома — 5. Дети удивлённо переглянулись: их улица снова была другой. Не было площади у метро, и самого метро не было тоже, вместо па-

мятника в начале улицы были торговые ряды, какие-то домики. Дети прошли несколько шагов, и вдруг Оля тихо ойкнула и остановилась, глядя на дерево у тротуара.

— Посмотри, оно жёлтое... Дерево жёлтое. А в «Сокольниках» на утреннике мы были летом. Как же так?

Игорь стал медленно рассуждать вслух (так он всегда делал, когда волновался):

— Значит, так. Мы вернулись из лета 1928 года, потом искали Николая Александровича в квартире, полчаса примерно прошло... Потом решили вернуться и нажали на кнопку... Понял! Вернуться назад в то же время и на то же место было уже нельзя, поэтому мы здесь, и уже осень. Значит, Николай Александрович без нас уже больше двух месяцев!

— Он говорил, что мы должны с кем-то познакомиться... где же? Вспомнила! На улице Станкевича. Игорь, а может быть, он ждёт нас там? Где эта улица, ты не знаешь?

Улица Станкевича оказалась в центре города. И наши близнецы зашагали по Волхонке. Каждый сосредоточенно думал, что делать дальше.

Близнецы без труда нашли улицу Станкевича, там их внимание сразу привлёк дом со множеством вывесок у подъездов.

Одна из них гласила: «Редакция железнодорожной газеты „Гудок“». Зная интерес и любовь Николая Александровича к редакциям, Игорь и Оля решили туда зайти.

В коридоре дети наудачу постучали в одну из дверей, вошли и увидели человека, который сидел спиной к двери и сосредоточенно просматривал рукопись. Он обернулся, и наши близнецы увидели... Николая Александровича! После радостных восклицаний Игорь стал извиняться: честное слово, он не нарочно, он совсем не хотел трогать пульт, так получилось...

ON/OFF

113

v

t

— Друзья мои, вы дали мне уникальную возможность не только побывать, но и пожить в прошлом! И потом я ни секунды не сомневался, что вы меня найдёте.

Эти два с половиной месяца я служу в редакции «Гудка», в отделе писем. Через стенку от меня живёт человек, с которым я как раз и хотел вас познакомить тогда, после концерта в «Сокольниках». Идёмте, друзья мои. Моего молодого друга зовут Юрий, фамилия — Олеша. Совсем недавно он закончил свою сказку для детей. Она называется «Три Толстяка».

...И вот наши герои сидят в крохотной комнатке и расспрашивают молодого писателя о его книжке. Близнецам пришлось сделать вид, что они не читали «Трёх Толстяков». Об этом их попросил Николай Александрович: ведь сейчас 1928 год и книжка только закончена.

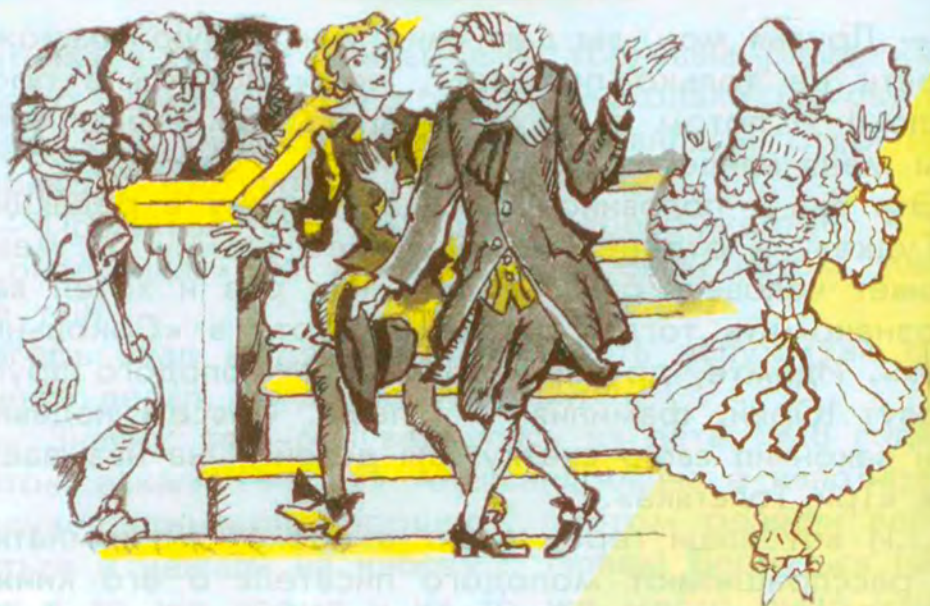
— Юрий Карлович, а почему вы решили написать именно сказку?

— Мне хотелось написать для детей о революции, — начал Олеша, — но именно сказку, которая была бы яркой, праздничной, фантастичной. Я хотел рассказать в этой сказке, что мир, который окружает нас, полон чудес и ярких красок, населён храбрыми, честными, весёлыми, работающими людьми. Я думал, что сказка поможет мне внушить маленьким читателям без скуки и назидательности несколько простых высоких истин... Сейчас много пишут и говорят о том, что сказки вредны детям, потому что приучают к мечтательности и лени. Вы тоже так думаете?

— Вовсе нет, нет! — с жаром ответили близнецы.

Они очень переживали: так хотелось рассказать Юрию Олеше, что у его сказки будет очень много читателей, что по ней снимут фильм и поставят театральные спектакли. Николай Александрович пришёл на помощь:

— Знаете, Юрий Карлович, — сказал он, — уж поверьте старику, у вашей сказки будет долгая, интересная жизнь. А время расставит всё по местам.

Юрий Олеша (1899—1960)

из книги

«ТРИ ТОЛСТЯКА»

КУКЛА С ХОРОШИМ АППЕТИТОМ

1

Наследник Тутти стоял на террасе. Учитель географии смотрел в бинокль. Наследник Тутти требовал, чтобы принесли компас. Но это было лишнее. Наследник Тутти ожидал прибытия куклы. От сильного волнения он крепко и сладко проспал всю ночь.

С террасы была видна дорога от городских ворот ко дворцу. Солнце, вылезавшее над городом, мешало смотреть. Наследник держал ладони у глаз, морщился и жалел о том, что нельзя чихнуть.

— Ещё никого не видно, — говорил учитель географии, который смотрел на дорогу в бинокль.

Ему поручили это ответственное дело потому, что он по своей специальности лучше всех умел разбираться в пространствах, горизонтах, движущихся точках и в прочем подобном.

ON/OFF

115

— А может быть, видно? — настаивал Тутти.

— Не спорьте со мной. Кроме бинокля у меня есть знания и точное представление о предметах. Вот я вижу кусты жасмина, который на латинском языке имеет очень красивое, но трудно запоминающееся имя. Дальше я вижу мосты и гвардейцев, вокруг которых летают бабочки, а затем лежит дорога... Позвольте! Позвольте!

Он подкрутил бинокль. Наследник Тутти стал на носки. Сердце его забилося снизу вверх, как будто он не выучил урока.

— Да, — сказал учитель.

И в это время три всадника направились со стороны дворцового парка к дороге. Это капитан Бонавентура с караулом поскакал навстречу экипажу, появившемуся на дороге.

— Ура! — закричал наследник так пронзительно, что в дальних деревнях отозвались гуси.

Внизу, под террасой, учитель гимнастики стоял наготове, чтобы поймать наследника на лету, если тот от восторга вывалится через каменную ограду террасы.

Итак, экипаж доктора Гаспара катил ко дворцу. Уже не нужно было бинокля и научных познаний учителя географии. Уже все видели экипаж и белую лошадь.

Счастливейший миг! Экипаж остановился у последнего моста. Караул гвардейцев расступился. Наследник махал обеими руками и подпрыгивал, тряся золотыми волосами. И наконец он увидел самое главное: маленький человек, неуклюже, по-стариковски двигаясь, вылез из экипажа. Гвардейцы, почтительно придерживая сабли и отдавая честь, стояли поодаль. Маленький человек вынул из экипажа чудесную куклу, точно розовый свежий букет, перевитый лентами.

ON/OFF

116

v

t

Это была восхитительная картина под голубеющим утренним небом, в сиянии травы и солнца.

2

Через минуту кукла уже была во дворце. Встреча произошла следующим образом.

Кукла шла без посторонней помощи.

О, Суок прекрасно играла свою роль! Если бы она попала в общество самых настоящих кукол, то, без всякого сомнения, они приняли бы её за такую же куклу.

Она была спокойна. Она чувствовала, что роль ей удаётся.

«Бывают более трудные вещи, — думала она, — например, жонглировать зажжённой лампой или делать двойное сальто-мортале...»

А Суок случилось в цирке проделывать и то и другое.

Словом, Суок не боялась. Ей даже нравилась эта игра. Гораздо сильнее волновался доктор Гаспар. Он шёл позади Суок; она ступала маленькими шажками, подобно балерине, идущей на носках. Платье её шевелилось, дрожало и шелестело.

Сверкали паркетные.

Она отражалась в них розовым облаком. Она была очень маленькая среди высоких зал, которые увеличивались от блеска паркетов в глубину и в ширину — от зеркал.

Можно было подумать, что это маленькая цветочная корзинка плывёт по огромной тихой воде.

Она шла весёлая и улыбающаяся мимо стражи, мимо кожаных и железных людей, которые смотрели как зачарованные, мимо чиновников, которые улыбались впервые в жизни.

Они отступали перед ней, давая ей дорогу, точно это была владетельница этого дворца, вступающая в свои права.

Стало так тихо, что слышались её легкие шаги, звучавшие не громче падения лепестков.

А сверху, по широчайшей лестнице, такой же маленький и сияющий, спускался навстречу кукле наследник Тутти.

Они были одного роста.

Суок остановилась.

«Так вот он, наследник Тутти!» — подумала она.

Перед ней стоял худенький, похожий на злую девочку, мальчик, сероглазый и немного печальный, наклонивший растрёпанную голову набок.

Суок знала, кто такой Тутти. Суок знала, кто такие Три Толстяка. Она знала, что Три Толстяка забрали всё железо, весь уголь, весь хлеб, добытый руками бедного, голодного народа. Она хорошо помнила знатную старуху, которая направила своих лакеев на маленькую Суок. Она знала, что это всё одна компания: Три Толстяка, знатные старухи, франты, лавочники, гвардейцы — все те, кто посадил оружейника Проспéro в железную клетку и охотился за её другом, гимнастом Тибу́лом.

Когда она шла во дворец, она думала, что наследник Тутти покажется ей отвратительным,

чем-то вроде знатной старухи, только с длинным и тонким языком малинового цвета, всегда высунутым наружу.

Но никакого отвращения она не почувствовала. Скорее, ей стало приятно оттого, что она его увидела.

Она смотрела на него весёлыми серыми глазами.

— Это ты, кукла? — спросил наследник Тутти, протягивая руку.

«Что же мне делать? — испугалась Суок. — Разве куклы говорят? Ах, меня не предупредили!.. Я не знаю, как себя вела та кукла, которую зарубили гвардейцы...»

Но на помощь пришёл доктор Гаспар.

— Господин наследник, — сказал он торжественно, — я вылечил вашу куклу. Как видите, я не только вернул ей жизнь, но и сделал эту жизнь более замечательной. Кукла, несомненно, похорошела, затем она получила новое великолепное платье, а самое главное — я научил вашу куклу говорить, сочинять песенки и танцевать.

— Какое счастье! — тихо сказал наследник.

«Пора действовать», — решила Суок.

3

И тут маленькая актриса из балаганчика дядюшки Бриза́ка выступила в первом дебюте на новой сцене.

Этой сценой был главный дворцовый зал. А зрителей собралось масса. Они толпились со всех сторон: на вершинах лестниц, в проходах, на хóрах. Они лезли из круглых окон, переполняли балконы, карабкались на колонны, чтобы лучше видеть и слышать.

Множество голо́в и спин самых разнообразных цветов и красок горело в ярком солнечном освещении.

ON/OFF

119

Суок видела кучи лиц, которые смотрели на неё широко улыбаясь.

Все, затаив дыхание, смотрели на маленькое розовое создание, которое спокойно и с большим достоинством тринадцатилетней девочки встречало эту сотню взглядов. Она совершенно не смущалась. Эти зрители вряд ли были более строгими, чем зрители на площадях, где чуть ли не каждый день представляла Суок. О, то были очень строгие зрители: зеваки, солдаты, актёры, школьники, маленькие торговцы! И тех Суок не страшилась. А они говорили:

— Суок — самая лучшая актриса в мире!..

И бросали на её коврик последнюю мелкую монету. А между тем за такую маленькую монету можно было бы купить пирожок с печёнкой, который заменял какой-нибудь чулочнице и завтрак, и обед, и ужин.

И вот Суок начала разыгрывать свою роль куклы по-настоящему.

Она сдвинула носки, потом приподнялась на них, подняла к лицу руки, согнутые в локтях, и, шевеля обоими мизинцами, начала петь песенку. При этом она покачивала головой в такт мотиву направо и налево.

Улыбалась она кокетливо и лукаво. Но всё время она старалась, чтобы глаза её были круглые и широкие, как у всех кукол.

Она пела так:

Посмотри: я улыбнулась.
Слышишь ли: вздохнула я...
Так опять ко мне вернулась
Жизнь весёлая моя.
Я всю жизнь к тебе спешила,
Столько спутала дорог!..
Не забудь сестрички милой
Имя нежное — Суок!

— Суок! — тихо повторил Тутти.

Глаза его были полны слёз, и от этого казалось, что у него не два, а четыре глаза.

Кукла окончила песенку и сделала реверанс. Зал восхищённо вздохнул. Все зашевелились, закивали головами, защёлкали языками.

Действительно, мелодия песенки была очаровательна, хотя и несколько печальна для такого молодого голоса, а сам голос звучал такой прелестью, что казалось — исходил из серебряного или стеклянного горла.

— Она поёт, как ангел, — раздались в тишине слова дирижёра.

— Только песенка её немного странная, — заметил какой-то сановник, звякнув орденом.

4

На этом критика оборвалась. В зал вошли Три Толстяка. Скопление публики могло показаться им неприятным. Все бросились к выходам. Через минуту в зале не было лишних. Остались только ответственные лица.

И вот Суок и доктор Гаспар предстали перед Тремя Толстяками.

Три Толстяка не казались взволнованными вчерашними событиями. Только что в парке они играли в мяч под наблюдением дежурного врача.

ON/OFF

121

v

t

Это делалось ради моцио́на¹. Они очень устали. Потные лица их блестели. Рубашки прилипли к их спинам, и спины эти походили на паруса, раздутые ветром. У одного из них под глазом темнел синяк в форме некрасивой розы или красивой лягушки. Другой Толстяк боязливо поглядывал на эту некрасивую розу.

«Это он запустил ему мяч в лицо и украсил его синяком», — подумала Суок.

Пострадавший Толстяк грозно сопел, доктор Гаспар растерянно улыбался. Толстяки молча оглядели куклу. Сияющий вид наследника Тутти привёл их в хорошее настроение.

— Ну-с, — сказал один, — это вы, доктор Гаспар Арне́ри?

Доктор поклонился.

— Ну как кукла? — спросил другой.

— Она чудесна! — воскликнул Тутти.

Толстяки никогда не видели его таким оживлённым.

— Вот и отлично! Она действительно выглядит хорошо...

Первый Толстяк вытер ладонью лоб, злобно крикнул и сказал:

— Доктор Гаспар, вы исполнили наше приказание. Теперь вы имеете право требовать награды.

Наступило молчание.

Маленький секретарь в рыжем парике держал перо наготове, чтобы записать требование доктора.

Доктор начал излагать свою просьбу:

— Вчера на площади Суда построили десять плах для казни восставших...

— Их казнят сегодня, — перебил Толстяк.

— Я именно это и имею в виду. Моя просьба такова. Я прошу дарова́ть всем пленникам жизнь

¹ Моцио́н — ходьба, прогулка для укрепления здоровья.

и свободу. Я прошу отменить казнь вовсе и сжечь эти плахи...

Рыжий секретарь, услышав эту просьбу, уронил от ужаса перо. Перо, отлично заострённое, вонзилось в ногу Второго Толстяка. Тот закричал и завертелся на одной ноге. Первый Толстяк, обладатель синяка, злорадно хохотал: он был отомщён.

— Чёрт возьми! — орал Второй Толстяк, выдергивая из ступни перо, как стрелу. — Чёрт возьми! Эта просьба преступна. Вы не смеее требовать таких вещей!

Рыжий секретарь удрал. Ваза с цветами, которую он опрокинул на ходу, летела за ним и рвалась на части, как бомба. Скандал получился полный. Толстяк выдернул перо и швырнул его вдогонку секретарю. Но разве при эдакой толщине можно быть хорошим копьёметателем! Перо угодило в зад караульного гвардейца. Но он, как ревностный служака, остался неподвижен. Перо продолжало торчать в неподходящем месте до тех пор, пока гвардеец не сменился с караула.

— Я требую, чтобы даровали жизнь всем рабочим, приговорённым к смерти. Я требую, чтобы сожгли плахи, — повторил доктор негромко, но твёрдо.

В ответ затрещали крики Толстяков. Получалось такое впечатление, будто кто-то ломает щепки.

— Нет! Нет! Нет! Ни за что! Они будут казнены!

— Умрите, — шепнул доктор кукле.

Суок сообразила, в чём дело. Она снова встала на носки, пискнула и покачнулась. Платье её затрепетало, точно крылья у пойманной бабочки, голова опустилась — каждую секунду кукла готова была упасть.

Наследник бросился к ней.

— Ах! Ах! — закричал он.

ON/OFF

123

v

t

Суок пискнула ещё печальнее.

— Вот, — сказал доктор Гаспар, — вы видите? Кукла снова потеряет свою жизнь. Механизм, заключённый в ней, слишком чувствителен. Она окончательно испортится, если вы не исполните моей просьбы. Я думаю, что господин наследник будет не очень доволен, если его кукла станет негодной розовой тряпкой.

Гнев охватил наследника. Он затопал ногами, как слонёнок. Он зажмурил глаза и замахал головой.

— Ни за что! Слышите, ни за что! — кричал он. — Исполните просьбу доктора! Я не отдам моей куклы! Суок! Суок! — разрыдался он.

Конечно, Толстяки сдались. Приказ был дан. Помилование было объявлено. Счастливый доктор Гаспар отправился домой.

«Я буду спать целые сутки», — размышлял он по дороге.

Въезжая в город, он уже слышал разговоры о том, что на площади Суда горят плахи и что богачи очень недовольны тем, что казнь бедняков не состоялась.

Итак, Суок осталась во Дворце Трёх Толстяков.

Они вышли в сад.

Наследник мял цветы, напоролся на колючую проволоку и чуть не свалился в бассейн. От счастья он ничего не замечал.

«Неужели он не понимает, что я живая девочка? — удивлялась Суок. — Я не дала бы себя так провести».

Принесли завтрак. Суок увидела пирожные и вспомнила, что только в прошлом году осенью ей удалось съесть одно пирожное. И то старый Август уверял, что это не пирожное, а пряник. Пирожные наследника Тутти были великолепны. Десять пчёл слетелись к ним, приняв их за цветы.

«Ну как же мне быть? — мучилась Суок. — Разве куклы едят? Разные бывают куклы... Ах, как мне хочется пирожного!»

И Суок не выдержала.

— Я хочу кусочек... — сказала она тихо. Румянец покрыл её щеки.

— Вот хорошо! — обрадовался наследник. — А прежде ты не хотела есть. Прежде мне было так скучно завтракать одному. Ах, как хорошо! У тебя появился аппетит.

И Суок съела кусочек. Потом ещё один, и ещё, и ещё. И вдруг она увидела, что слуга, следивший издали за наследником, смотрит на неё, и мало того — смотрит на неё с ужасом.

У слуги был широко раскрыт рот.

Слуга был прав.

Ему никогда не случалось видеть, чтобы куклы ели.

Суок испугалась и уронила четвёртое пирожное, самое рассыпчатое и с виноградиной.

Но дело обошлось благополучно. Слуга протёр глаза и закрыл рот:

— Это мне показалось. Жара!

Наследник говорил без умолку. Потом, устав, он замолчал.

Было очень тихо в этот жаркий час. Вчерашний ветер, как видно, залетел очень далеко. Теперь всё застыло. Даже птицы не летали.

И в этой тишине Суок, сидевшая рядом с наследником на траве, услышала непонятный, равномерно повторяющийся звук, подобный тиканью часов, спрятанных в вату. Только часы делают «тик-так», а этот звук был такой: «тук-тук».

— Что это? — спросила она.

— Что? — наследник поднял брови, как взрослый человек в минуту удивления.

— А вот: тук-тук... Это часы. У тебя есть часы?

Опять наступила тишина, и опять в тишине что-то гукало. Суок подняла палец. Наследник прислушался.

— Это не часы, — сказал он тихо. — Это бьётся моё железное сердце...

1928

1. Вы, конечно, почувствовали удивительный талант Олеши-сказочника. Какие слова и краски он находит для описания своих героев?
2. Что вы можете сказать о характерах героев на основании прочитанной главы?
3. Какие «простые высокие истины» хотел внушить своим читателям автор?
4. Если вам понравилась эта сказка, расскажите, чем именно.
5. Прочитайте отрывок из уже знакомой вам «Книжки про книжки» Бориса Галанова. Какие особенности сказки «Три Толстяка» видит автор?

Борис Галанов (1914–2000)

из книги

«КНИЖКА ПРО КНИЖКИ»

КАК НАЙТИ ГОРОД ТРЁХ ТОЛСТЯКОВ?

Вовлечённые в водоворот событий и приключений, порой самых неожиданных и фантастических, вы, быть может, не всегда успевали серьёз задуматься о том, как же написана эта книга. А ведь попробуй художник пренебречь образной речью, юмором — одним словом, всем тем, что составляет богатство Олеши-художника, «Три Толстяка» и читались бы совсем по-другому, с меньшим увлечением.

А если приглядеться к тому, какими красками Олеша рисует картины природы, как описывает одежду и вещи, быструю езду, аппетитные запахи дворцовой кухни, зверей и птиц, какие штрихи и чёрточки выбирает для портретов своих героев, то нам станет ясно, какую поистине могучую поддержку сказочному сюжету оказал меткий, изящный, поэтический язык Олеши-сказочника.

«...День был чудесный: солнце только то и делало, что сияло; трава была такой зелёной, что во рту даже появлялось ощущение сладости; летали одуванчики; свистели птицы; лёгкий ветерок развевался, как воздушное бальное платье».

Это пейзаж. И хотя Олеша не живописец, его пейзаж воспринимаешь как маленькую очаровательную акварель, написанную такими светлыми красками, такую лёгкую, прозрачную и радостную, что во рту, как сказано у Олеси, и впрямь появляется ощущение сладости, не правда ли?

«В чёрной карете с гербом сидел чиновник Совета Трёх Толстяков. Цветочницы перепугались. Подняв ладони к щекам, они смотрели на его голову. Она была видна через стеклянную дверцу. Улица была ярко освещена. Чёрная голова в парике покачивалась, как мёртвая. Казалось, что в карете сидит птица».

Это портрет. Вернее, только мимолётная зарисовка. Мимолётная, но какая отчётливая, острая.

А это скачут гвардейцы. Жёлтые перья развеваются, сверкают чёрные клеёнчатые шляпы. Лошади разевают красные пасти, выворачивают глаза и разбрасывают пену.

Гвардейцы переговариваются между собой железными голосами и угрожающе звенят большими саблями. А начальник конвоя орёт так страшно и свирепо, что от его крика валятся доски, приготовленные для постройки.

ON/OFF

128

v

t

А вот как описано появление Суок во Дворце Трёх Толстяков:

«...Она ступала маленькими шажками, подобно балерине, идущей на носках. Платье её шевелилось, дрожало и шелестело.

Сверкали паркеты. Она отражалась в них розовым облаком. Она была очень маленькая среди высоких зал, которые увеличивались от блеска паркетов в глубину и в ширину — от зеркал.

Можно было подумать, что это маленькая цветочная корзинка плывёт по огромной тихой воде.

Она шла весёлая и улыбающаяся мимо стражи, мимо кожаных и железных людей, которые смотрели, как зачарованные, мимо чиновников, которые улыбались впервые в жизни».

Если в предыдущем отрывке, где речь шла о гвардейцах, был Олеша-сатирик, то в этом нам открывается Олеша-поэт.

А как не оценить прелестную ироническую интонацию сказочника в той сцене, когда на террасе дворца наследник Тутти нетерпеливо дожидается возвращения куклы.

«Ещё никого не видно, — говорил учитель географии, который смотрел на дорогу в бинокль».

«Ему поручили, — насмешливо добавляет Олеша, — это ответственное дело потому, что он по своей специальности лучше всех умел разбираться в пространствах, горизонтах, движущихся точках и в прочем подобном».

Я мог бы и дальше выписывать длинные цитаты из «Трёх Толстяков», потому что целиком согласен с одной записью Юрия Карловича, что нет ничего приятней, чем делиться с кем-либо красотой...

Но мне кажется, что, если вам вновь захочется перечитать роман, вы сами без особого труда отыщете там немало превосходно написанных страниц.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

«Дорогие мои мальчишки»

Как-то, в воскресенье, Николай Александрович зашёл в гости к своим маленьким друзьям. По телевизору шёл фильм «Бумбараш», снятый по рассказу Аркадия Гайдара. Его неунывающий герой распевал песни на стихи Юлия Кима, а Игорь с Олей громко ему подпевали. Николай Александрович присел на диван, и наши герои вместе досмотрели фильм до конца.

— Удивительное у меня сейчас ощущение, — сказал Николай Александрович, — как будто я вернулся в своё детство. Вдруг захотелось перелистать Гайдара, что-нибудь доброе и звонкое — «Тимура», например, или доброе и немного грустное — «Голубую чашку». Сейчас, наверное, Гайдара читают мало, а мы выросли на его книгах, знали их чуть ли не наизусть. У меня в школьные годы, да и потом, были две любимые книги — «Тимур и его команда» Гайдара и повесть Льва Кассиля «Дорогие мои мальчишки».

— А мы совсем ничего не читали Кассиля, — сказала Оля. — А вам эти писатели нравились, потому что они про мальчишек писали?

— Ну не только поэтому, конечно. Мне нравились их герои: они были живые, настоящие, с ними хотелось дружить, играть в те же игры. Эти книжки рассказывали о дружбе — такой, о которой я мечтал, а ещё о делах, полезных, нужных, но совсем не скучных, а наоборот. Уже потом, много лет спустя, я прочитал о Гайдаре у Паустовского, у Емельянова, у Фраермана и сделал для себя открытие: читать о Гайдаре оказалось не менее интересно, чем читать Гайдара. Вот знаете ли вы, например, что мысль написать книгу о Тимуре подали Гайдари мальчишки? Об этом рассказал в своей книге друг Гайдара писатель Рувим Фраерман.

А. Гайдар

ON/OFF

130

v

t

Рувим Фраерман (1891–1972)

ГАЙДАР И ДЕТИ

Кажется, никто из наших детских писателей так много не проводил времени с детьми и так легко не привязывал их к себе, как Аркадий Петрович Гайдар.

Мы часто беседовали об этом с Аркадием Петровичем, и удивительнее всего то, что сам Гайдар не мог точно определить того свойства своего характера, которое было отпущено ему природой и которое так привлекало к нему детей.

— Что ты с ними делаешь? — спрашивал я его с любопытством.

— А ничего особенного, — отвечал Гайдар.

— Но всё-таки... Играешь ты с ними как-то по-особенному?

— Нет.

— Наставляешь ты их как-нибудь или забавляешь?

— Нет.

— Так что же ты делаешь?

— Я их просто люблю.

— Но, однако, — говорил я Гайдару, — любить детей ещё мало. Надо, чтобы они тебя любили.

— И это верно, — отвечал он. — Но тут я уже сам ищу дорогу. Она не всегда гладкая и ровная. Ребята — прихотливый народ.

— Ты с ними добр?

— Они не любят очень добрых.

— Значит, лучше быть строгим?

— Ничего не значит. Не нужно быть ни строгим, ни добрым.

— Так каким же надо быть?

— Лучше всего быть серьёзным.

Разговор этот часто приходил мне в голову, когда позже доводилось мне видеть Аркадия Гайдара в обществе детей.

ON OFF

131

v

t

Мы жили с ним на одной улице, и надо признаться, что не было случая, когда Гайдар, выйдя из дому, не был остановлен каким-нибудь мальчишкой, а то и целой толпой мальчишек. Они все его знали.

Это было не просто знакомство, это была какая-то душевная связь, добровольное подчинение младшего старшему и в то же время нечто похожее на игру, в которой царствовал дух дисциплины и уважения.

Обычно мальчишка возникал внезапно перед нами, вынырнув откуда-то из ворот и став перед Гайдаром по-военному смирно, спрашивал:

— На сегодня не будет никаких приказаний, Аркадий Петрович?

Гайдар так же по-военному отвечал ему:

— Нет, на сегодня нет никаких приказаний. Когда будут, позову. Ступай на свой пост.

Где находился этот пост и какой это пост, понять было невозможно.

Я от души смеялся.

— А всё-таки ты с ними играешь, — говорил я Гайдару.

— Живу, а не играю, — отвечал он. — Ты неправ.

И верно, лицо его в эти минуты было серьёзно, глаза не смеялись, и обычно лукавый взгляд их принимал сосредоточенное выражение.

Он в самом деле не играл. В этом мне пришлось убедиться несколько неожиданным образом.

В доме, где мы жили, заболел близкий нам человек. Писатель. Он недавно переболел тифом, и теперь какой-то возвратный приступ болезни жестоко мучил его уже целые сутки.

Жар был сильный, а сердце слабое. И к тому ещё нигде в ближайших аптеках нельзя было достать сухой малины, которую прописал ему врач, чтобы сбить этот жар хотя бы к утру.

Мы растерялись немного. Случайно в это время зашёл в гости Гайдар. Он ничего не знал о болезни и, увидев друга в таком положении, присел ненадолго и задумался.

— Может быть, у тебя есть малина? — спросили мы. — Хотя бы на заварку, на две.

Гайдар покачал головой. Малины у него не было.

— Но малина будет, — сказал он, поднялся, подошёл к окну, раскрыл его — оно выходило на улицу, где стоял уже летний московский вечер, — и свистнул несколько раз, как нам показалось, совсем негромко.

Кто мог его услышать в столичном шуме? Однако вскоре раздался у входа звонок, и в коридоре появился мальчик, которого я видел уже однажды на улице. Ему было лет двенадцать, он был широколиц, смылён и быстр.

— Аркадий Петрович, — сказал он, — вы подали сигнал. Я явился за приказанием.

— На этот раз есть приказание, — сказал Гайдар. — Ты видишь, человек болен. Ему нужна сухая малина. А в ближайших аптеках её нет. Отдаю всем боевой приказ достать малину и принести сюда.

Мальчик живо повернулся кругом, всей своей маленькой фигуркой выразив готовность действовать.

Нам показалось даже, что он был весьма доволен тем обстоятельством, что нашёлся, наконец, человек, которому нужна его помощь.

Он исчез. Но через полчаса снова раздался звонок в коридоре, и появился другой мальчик, уже мне незнакомый, и принёс первое донесение, что в районе Сретенских ворот и Колхозной площади, где было поручено обследовать аптеки номер такой-то и номер такой, сухой малины нет.

Очевидно, приказ Гайдара был уже передан на улицу.

ON OFF

133

v

t

Каждые полчаса звонил звонок, и в доме появлялись всё новые мальчишки. Возвращались с пустыми руками, с печальными лицами, откуда-то издалека — из Сокольников, с Таганки, с Земляного вала. И всё-таки принесли лекарство.

Куда только не летали они, не ездили в этот вечер — добрые помощники Гайдара!

Случай, который я вспомнил, произошёл давно, в 1933 году, задолго до той поры, когда Гайдар начал писать свою последнюю книгу «Тимур и его команда».

И вот теперь, думая об этом обо всём и размышляя, я прихожу к заключению, что мысль написать «Тимура» возникла у Гайдара не внезапно, она не плод фантазии писателя, вдруг осенившей его.

И пусть не покажется это странным иным исследователям творчества Гайдара, но мысль написать «Тимура и его команду» подсказали ему сами дети. Он только подметил её, подхватил и облёк в художественную форму.

1. Расскажите, каким человеком вы представляете Аркадия Гайдара по рассказу Р. Фраермана.
2. Как вы думаете, за что дети любили Гайдара?

Аркадий Гайдар (1904—1941)

из книги

«ТИМУР И ЕГО КОМАНДА»

1

Пожилой джентльмен, доктор Ф.Г. Колокольчиков, сидел в своём саду и чинил стенные часы.

Перед ним с унылым выражением лица стоял его внук Коля.

Считалось, что он помогает дедушке в работе. На самом же деле вот уже целый час как он держал в руке отвёртку, дожидаясь пока дедушке этот инструмент понадобится.

Но стальная спиральная пружина, которую нужно было вогнать на своё место, была упряма, а дедушка был терпелив. И казалось, что конца-края этому ожиданию не будет. Это было обидно, тем более что из-за соседнего забора вот уже несколько раз высывалась вихрастая голова Симы Симакова, человека очень расторопного и сведущего. И этот Сима Симаков языком, головой и руками подавал Коле знаки, столь странные и загадочные, что даже пятилетняя Колина сестра Татьяна, которая, сидя под липой, сосредоточенно пыталась затолкать репей в пасть лениво развалившейся собаке, неожиданно завопила и дёрнула дедушку за штанину, после чего голова Симы Симакова мгновенно исчезла.

Наконец пружина легла на своё место.

— Человек должен трудиться, — поднимая влажный лоб и обращаясь к Коле, наставительно произнёс седой джентльмен Ф.Г. Колокольчиков. — У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой. Подай отвёртку и возьми клещи. Труд облагораживает человека. Тебе же душевного благородства как раз не хватает.

...Очень кстати в сад тут вошла с бидонами молочница и, отмеривая кружками молоко, начала жаловаться:

— А у меня, батюшка Фёдор Григорьевич, жулики ночью чуть было дубовую кадку со двора не своротили. А сегодня люди говорят, что чуть свет у меня на крыше двух человек видели: сидят на трубе, проклятые, и ногами болтают.

— То есть как на трубе? С какой же это, позвольте, целью? — начал было спрашивать удивлённый джентльмен.

Но тут со стороны курятника раздался лязг и звон. Отвёртка в руке седого джентльмена дрогнула, и упрямая пружина, вылетев из своего гнезда, с визгом брякнулась о железную крышу. Все, даже Татьяна, даже ленивая собака, разом обернулись, не понимая, откуда звон и в чём дело. А Коля Колокольчиков, не сказав ни слова, метнулся, как заяц, через морковные грядки и исчез за забором.

Он остановился возле коровьего сарая, изнутри которого, так же как из курятника, доносились резкие звуки, как будто бы кто-то бил гирей по отрезку стальной рельсы. Здесь-то и столкнулся с Симой Симаковым, у которого взволнованно спросил:

— Слушай... Я не пойму. Это что?.. Тревога?

— Да нет! Это, кажется, по форме номер один позывной сигнал общий.

Они перепрыгнули через забор, нырнули в дыру ограды парка. Здесь с ними столкнулся ши-

рокоплений, крепкий мальчуган Гейка. Следом подскочил Василий Ладыгин. Ещё и ещё кто-то. И бесшумно, проворно, одними только им знакомыми ходами они неслись к какой-то цели, на бегу коротко переговариваясь:

— Это тревога?

— Да нет! Это форма номер один, позывной общий.

— Какой позывной? Это не «три-стоп», «три-стоп». Это какой-то болван кладёт колесом десять ударов кряду.

— А вот посмотрим!

— Ага, проверим!

— Вперёд! Молнией!

2

Часом раньше, чем всё это случилось, Ольга сидела за столом. Перед нею лежал учебник физики.

Вошла Женя и достала пузырёк с йодом.

— Женя,— недовольно спросила Ольга, — откуда у тебя царапина?

— А я шла, — беспечно ответила Женя, — а там стояло на пути что-то такое колючее или острое. Вот так и получилось.

— Отчего же это у меня на пути не стоит ничего колючего или острого? — передразнила её Ольга.

— Неправда! У тебя на пути стоит экзамен по математике. Он и колючий и острый. Вот, посмотри, срежешься!.. Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора, — заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало. — Ну погляди: какой из тебя инженер? Инженер должен быть — вот... вот... и вот... (Она сделала три энергичные гримасы.) А у тебя — вот... вот... и вот... — Тут Женя повела глазами, приподняла брови и очень нежно улыбнулась.

— Глупая! — обнимая её, целуя и легонько отталкивая, сказала Ольга. — Уходи, Женя, и не мешай. Ты бы лучше сбегала к колодцу за водой.

Женя принесла воды, поставила ведро на лавку, но так как Ольга, не обратив на это внимания, сидела, склонившись над книгой, обиженная Женя ушла в сад.

Выбравшись на лужайку перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, натянув резинку, запустила в небо маленького картонного парашютиста.

Взлетев кверху ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепче рванул ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он исчез за тёмным чердачным окном сарая.

Авария! Картонного человечка надо было выручать. Женя обошла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие верёвочные провода. Она подтащила к окну трухлявую лестницу и, взобравшись по ней, прыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки верёвок, фонарь, два скрещённых сигнальных флага и карта посёлка, вся исчерченная непонятными знаками. Возле дырявой замшелой крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

Женя заглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его верёвками, фонарями и флагами — большим кораблём. Она же сама будет капитаном.

ON/OFF

138

v

t

Ей стало весело. Она повернула штурвальное колесо. Тугие верёвочные провода задрожали, загудели. Ветер зашумел и погнал зелёные волны. А ей показалось, что это её корабль-сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается.

— Лево руля на борт! — громко скомандовала Женя и крепче налегла на тяжёлое колесо.

Прорвавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упали ей на лицо и платье. Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают её своими прожекторами, и она решила дать им бой.

С силой управляла она скрипучим колесом, маневрируя вправо и влево, и властно выкрикивала слова команды.

Но вот острые прямые лучи прожектора погасли, погасли. И это, конечно, не солнце зашло за тучу. Это разгромленная вражья эскадра шла ко дну.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задребезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала; она думала, что этот телефон просто игрушка. Ей стало не по себе. Она сняла трубку.

Голос звонкий и резкий спрашивал:

— Алло! Алло! Отвечайте. Какой осёл обрывает провода и подаёт сигналы, глупые и непонятные?

— Это не осёл, — пробормотала озадаченная Женя. — Это я — Женя!

— Сумасшедшая девчонка! — резко и почти испуганно прокричал тот же голос. — Оставь штурвальное колесо и беги прочь. Сейчас примчатся... люди, и они тебя поколотят.

Женя бросила трубку, но было уже поздно. Вот на свету показалась чья-то голова: это был Гейка, за ним Сима Симачков, Коля Колокольчиков, а вслед лезли ещё и ещё мальчишки.

— Кто вы такие? — отступая от окна, в стра-

хе спросила Женя. — Уходите!.. Это наш сад. Я вас сюда не звала.

Но плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю. И, очутившись прижатой к углу, Женя вскрикнула.

В то же мгновение в просвете мелькнула ещё одна тень. Все обернулись и расступились. И перед Женей встал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда.

— Тише, Женя! — громко сказал он. — Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я — Тимур.

— Ты Тимур?! — широко раскрывая полные слёз глаза, недоверчиво воскликнула Женя. — Это ты укрыл меня ночью простынёю? Ты оставил мне на столе записку? Ты отправил папе на фронт телеграмму, а мне прислал ключ и квитанцию? Но зачем? За что? Откуда ты меня знаешь?

Тогда он подошёл к ней, взял её за руку и ответил:

— А вот оставайся с нами! Садись и слушай, и тогда тебе всё будет понятно.

3

На покрытой мешками соломе вокруг Тимура, который разложил перед собой карту посёлка, расположились ребята.

У отверстия выше слухового окна повис на верёвочных качелях наблюдатель. Через его шею был перекинут шнурок с помятым театральным биноклем.

Неподалёку от Тимура сидела Женя и настороженно прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого никому не известного штаба. Говорил Тимур:

— Завтра, на рассвете, пока люди спят, я и Колокольчиков исправим оборванные ею (он показал на Женю) провода.

ON/OFF

140

v

t

— Он проспит, — хмуро вставил большеголовый, одетый в матросскую тельняшку Гейка. — Он просыпается только к завтраку и к обеду.

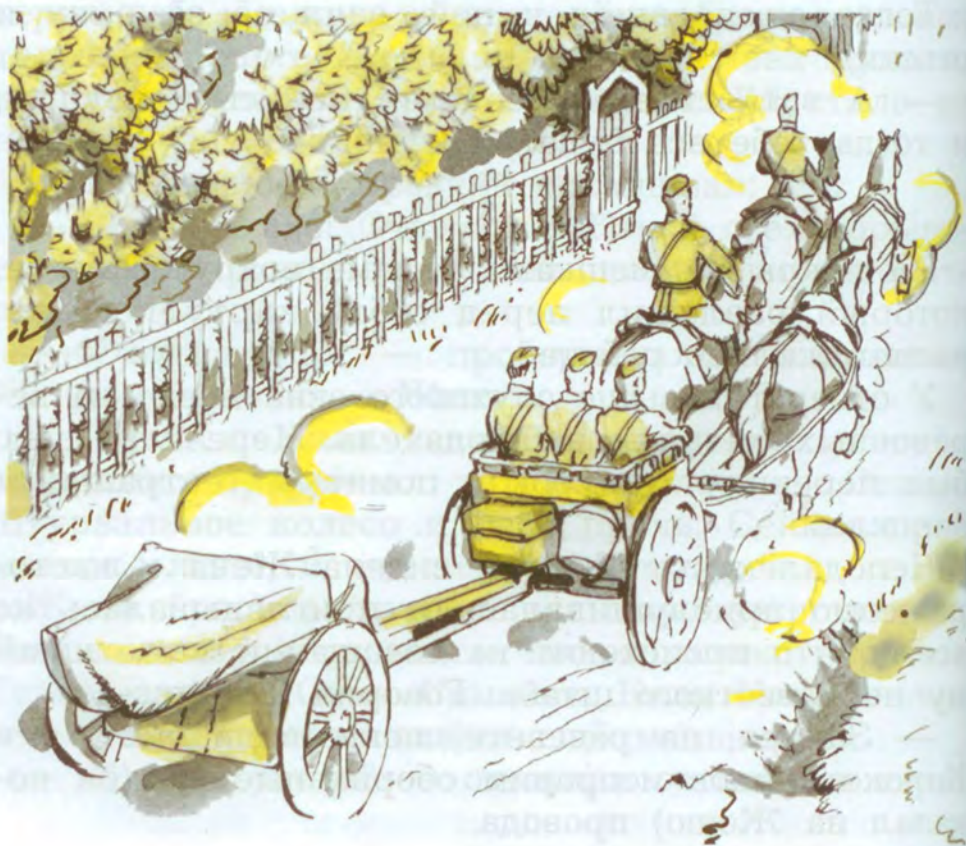
— Клевета! — вскакивая и заикаясь, вскричал Коля Колокольчиков. — Я встаю вместе с первым лучом солнца.

— Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй, но он проспит обязательно, — упрямо продолжал Гейка.

Тут болтавшийся на верёвках наблюдатель свистнул. Ребята повскакали.

По дороге в клубах пыли мчался конноартиллерийский дивизион. Могучие, одетые в ремни и железо кони быстро волокли за собою зелёные зарядные ящики и укрытые серыми чехлами пушки.

Обветренные, загорелые ездовые, не качнувшись в седле, лихо заворачивали за угол, и одна за другой батареи скрывались в роще. Дивизион умчался.

— Это они на вокзал, на погрузку поехали, — важно объяснил Коля Колокольчиков. — Я по их обмундированию вижу: когда они скачут на учение, когда на парад, а когда и ещё куда.

— Видишь — и молчи! — остановил его Гейка. — Мы и сами с глазами. Вы знаете, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную Армию!

— Нельзя, — вмешался Тимур. — Это затея совсем пустая.

— Как нельзя? — покраснев, спросил Коля. — А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

— То раньше! А теперь крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать отсюда нашего брата по шее.

— Как по шее? — вспыхив и ещё больше покраснев, вскричал Коля Колокольчиков. — Это... своих-то?!

— Да вот!.. — и Тимур вздохнул. — Это своих-то! А теперь, ребята, давайте к делу.

Все расселись по местам.

— В саду дома номер тридцать четыре по Кривому переулку неизвестные мальчишки обтрясли яблоню, — обиженно сообщил Коля Колокольчиков. — Они сломали две ветки и помяли клумбу.

— Чей дом? — и Тимур заглянул в клеёнчатую тетрадь. — Дом красноармейца Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблоням?

— Я, — раздался сконфуженный голос.

— Кто это мог сделать?

— Это работал Мишка Квакин и его помощник под названием «Фигура». Яблоня-мичуринка, сорт «золотой налив», и, конечно, взята на выбор.

— Опять и опять Квакин! — Тимур задумался. — Гейка! У тебя с ним разговор был?

— Был.

— Ну и что же?

— Дал ему два раза по шее.

— А он?

— Ну и он сунул мне раза два тоже.

— Эх у тебя всё — «дал» да «сунул»... А толку что-то нету. Ладно! Квакиным мы займёмся особо. Давайте дальше.

Вскочил Сима Симаков и зачастил уверенно, без запинки:

— В доме номер пятьдесят четыре по Пушкин-
рёвой улице коза пропала. Я иду, вижу — ста-
руха девчонку колотит. Я кричу: «Тётенька, бить
не по закону!» Она говорит: «Коза пропала. Ах,
будь ты проклята!» — «Да куда же она пропа-
ла?» — «А вон там, в овраге за перелеском, об-
грызла мочалу и провалилась, как будто её вол-
ки съели!»

— погоди! Чей дом?

— Дом красноармейца Павла Гурьева. Девчон-
ка — его дочь, зовут Нюркой. Колотила её баб-
ка. Как зовут, не знаю. Коза серая, со спины
чёрная. Зовут Манька.

— Козу разыскать! — приказал Тимур. —
Пойдёт команда в четыре человека. Ты... ты и
ты. Ну всё, ребята?

— В доме номер двадцать два девчонка пла-
чет, — как бы нехотя сообщил Гейка.

— Чего же она плачет?

— Спрашивал — не говорит.

— А ты спросил бы получше. Может быть,
кто-нибудь её поколотил... обидел?

— Спрашивал — не говорит.

— А велика ли девчонка?

— Четыре года.

— Вот ещё беда! Кабы человек... а то — че-
тыре года! Постой, а чей это дом?

— Дом лейтенанта Павлова. Того, что недавно
убили на границе.

— «Спрашивал — не говорит», — огорчённо
передразнил Гейку Тимур. Он нахмурился, по-

думал. — Ладно... Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

4

Рассвело. Пропел деревянный рог пастуха. Старуха молочница открыла калитку и погнала корову к стаду. Не успела она завернуть за угол, как из-за куста акации, стараясь не греметь пустыми ведрами, выскочило пятеро мальчуганов, и они бросились к колодцу.

- Качай!
- Давай!
- Бери!
- Хватай!

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор, опрокидывали вёдра в дубовую кадку и, не задерживаясь, неслись обратно к колодцу.

К взмокшему Симе Симакову, который без передышки ворочал рычагом колодезного насоса, подбежал Тимур и спросил:

— Вы Колокольчикова здесь не видали? Нет? Значит, он проспал. Скорей, торопитесь! Старуха пойдёт сейчас обратно.

ON/OFF

144

v

t

Очутившись в саду перед дачей Колокольчиковых, Тимур стал под деревом и свистнул. Не дождавшись ответа, он полез на дерево и заглянул в комнату. С дерева ему была видна только половина придвинутой к подоконнику кровати да завёрнутые в одеяло ноги.

Тимур кинул на кровать кусочек коры и тихонько позвал:

— Коля, вставай! Колька!

Спящий не пошевелинулся. Тогда Тимур вынул нож, срезал длинный прут, заострил на конце сучок, перекинул прут через подоконник и, зацепив сучком одеяло, потащил его на себя.

Лёгкое одеяло поползло через подоконник. В комнате раздался хриловатый изумлённый вопль. Вытаращив заспанные глаза, с кровати соскочил седой джентльмен в нижнем белье и, хватая рукой уползающее одеяло, подбежал к окну.

Очутившись лицом к лицу с почтенным стариком, Тимур разом слетел с дерева.

А седой джентльмен, бросив на постель отвоёванное одеяло, сдёрнул со стены двустволку, поспешно надел очки и, выставив ружьё из окна дулом к нему, зажмурил глаза и выстрелил.

Только у колодца перепуганный Тимур остановился. Вышла ошибка. Он принял спящего джентльмена за Колю, а седой джентльмен, конечно, принял его за жулика.

Тут Тимур увидел, что старуха молочница с коромыслом и вёдрами выходит из калитки за водой. Он юркнул за акацию и стал наблюдать. Вернувшись от колодца, старуха подняла ведро, опрокинула его в бочку и сразу отскочила, потому что вода с шумом и брызгами выплеснулась из уже наполненной до краёв бочки прямо ей под ноги.

Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха обошла бочку. Она опустила руку в воду и поднесла её к носу. Потом побежала к крыльцу прове-

ON
OFF

146

v

t

рить, цел ли замок у двери. И, наконец, не зная, что и думать, она стала стучать в окно соседке.

Тимур засмеялся и вышел из своей засады. Надо было спешить. Уже поднималось солнце. Коля Колокольчиков не явился, и провода всё ещё исправлены не были.

5

Во двор того дома, откуда пропала коза и где жила бабка, которая поколотила бойкую девчонку Нюрку, привезли два воза дров.

Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, кряхтя и охая, бабка начала укладывать полённицу. Но эта работа была ей не под силу. Откашливаясь, она села на ступеньку, отдышалась, взяла лейку и пошла в огород. Во дворе остался теперь только трёхлетний братишка Нюрки — человек, как видно, энергичный и трудолюбивый, потому что едва бабка скрылась, как он поднял палку и начал колотить ею по скамье и по перевёрнутому кверху дном корыту.

Тогда Сима Симаков, только что охотившийся за беглой козой, которая скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра, одного человека из своей команды оставил на опушке, а с четырьмя другими вихрем ворвался во двор.

Он сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четвёрка рванулась укладывать дрова в поленницу.

Сам Сима Симаков понёсся кругом вдоль забора, чтобы задержать на это время бабку в огороде. Остановившись у забора, возле того места, где к нему вплотную примыкали вишни и яблоны, Сима заглянул в щёлку.

Бабка набрала в подол огурцов и собиралась идти во двор.

Сима Симаков тихонько постучал по доскам забора.

Бабка насторожилась. Тогда Сима поднял палку и начал ею шевелить ветви яблони.

Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор, за яблоками. Она высыпала огурцы на межу, выдернула большой пук крапивы, подкралась и притаилась у забора.

Сима Симаков опять заглянул в щель, но бабки теперь он не увидел. Обеспокоенный, он подпрыгнул, схватился за край забора и осторожно стал подтягиваться.

Но в то же время бабка с торжествующим криком выскочила из своей засады и ловко стегнула Симу Симакова по рукам крапивой.

Размахивая обожжёнными руками, Сима помчался к воротам, откуда уже выбегала закончившая свою работу четвёрка.

Во дворе опять остался только один малыш. Он поднял с земли щепку, положил её на край поленницы, потом поволок туда же кусок бересты.

За этим занятием и застала его вернувшаяся из огорода бабка. Вытаращив глаза, она остановилась перед аккуратно сложенной поленницей и спросила:

— Это кто же тут без меня работает?

Малыш, укладывая бересту в поленницу, важно ответил:

— А ты, бабушка, не видишь — это я.

Во двор вошла молочница, и обе старухи оживлённо начали обсуждать эти странные происшествия с водой и с дровами. Пробовали они добиться ответа у малыша, однако добились немого. Он объяснил им, что проскочили из ворот люди, сунули ему в рот сладкой земляники, дали перо и ещё пообещали поймать ему зайца с двумя ушами и с четырьмя ногами. А потом дрова покидали и опять ускочили.

В калитку вошла Нюрка.

— Нюрка, — спросила её бабка, — ты не видала, кто к нам сейчас во двор заскакивал?

— Я козу искала, — уныло ответила Нюрка. — Я всё утро по лесу да по оврагам сама скакала.

— Украли! — горестно пожаловалась бабка молочнице. — А какая была коза! Ну голубь, а не коза, голубь.

— Голубь! — отодвигаясь от бабки, огрызнулась Нюрка. — Как почнёт шнырять рогами, так не знаешь, куда и деваться. У голубей рогов не бывает.

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на молочницу. Подхватив тяжёлый бидон, молочница с визгом вскочила на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась.

И тут все увидали, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупно было выведено:

Я коза-коза,
Всех людей гроза.
Кто Нюрку будет бить,
Тому худо будет жить.

А на углу за забором хохотали довольные ребяташки.

Воткнув в землю палку, притопывая вокруг неё, приплясывая, Сима Симаков гордо пропел:

Мы не шайка и не банда,
Не ватага удалцов,
Мы весёлая команда
Пионеров-молодцов.
У-ух, ты!

И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь.

1940

1. Ребята из команды Тимура играли и в то же время делали большое и полезное дело. Какое? Что объединяло этих ребят, почему им было интересно вместе?
2. Как вы думаете, почему тимуровцы делали свои дела тайно, скрывали их от взрослых?
3. Расскажите о характерах тимуровцев. Все они очень разные: Гейка, Сима Симаков, Коля, Женья, и в то же время они чем-то похожи. Чем именно?
4. Каким вам представляется Тимур? Обратите внимание, как проявляется его характер в речи, в поступках, в отношении к людям. Как вы думаете, почему именно он стал командиром? Что привлекает к нему ребят?

ПУТЕШЕСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ (самостоятельное)

Смешные книжки. Тайна юмора и сатиры

Ребята, предлагаем вам совершить самостоятельное путешествие по страницам книг весёлых и смешных и подойти к разгадке тайны смешного. А поможет вам Николай Николаевич Носов — «чистокровный детский юморист» (так его называл уже знакомый нам писатель Сергей Сивоконь).

Из письма Н. Носова С. Сивоконю.

«Писателя не станут читать, если он не будет говорить людям правду. Но поскольку не всякую правду приятно слушать, то лучше говорить эту правду, смягчив немножечко шуткой. Получается и смешно, и приятно, и полезно. Это и есть сатира. А сатирики — это люди, которые смягчают жизненные удары, чтоб нам не было так уж больно. В общем, хорошие люди, полезные».

Из статьи Н. Носова «О некоторых вопросах комического».

«Сатира и юмор — разные формы смешного в литературе. Юмор — осмеивание с оттенком сочувствия, а сатира — осмеивание с оттенком негодования, гневный смех. Причём трудно бывает провести границу между сатирой и юмором, то есть ответить на вопрос: та или иная черта характера вредна только для самого человека (героя произведения) или начинает быть опасна для других? Если только для него — автор и осуждает, и сочувствует герою одновременно (ведь в остальном — хороший человек!). А возможен случай, когда сочувствие и вовсе исчезает. За этой гранью начинается сатира».

Ребята, сейчас вы будете читать рассказы Николая Носова, Виктора Драгунского и стихи Агнии Барто. Все они написаны примерно в одно время. Подумайте, сатирические или юмористические произведения включены в этот раздел. Ответить на этот вопрос вам помогут размышления Николая Носова.

Николай Носов (1908—1976)

ФЕДИНА ЗАДАЧА

Раз как-то зимой Федя Рыбкин пришёл с катка. Дома никого не было.

— Вот и хорошо! — сказал Федя. — По крайней мере, никто не будет мешать делать уроки.

Он включил радио, достал из сумки задачник и стал искать заданную на дом задачу.

— Передаём концерт по заявкам, — объявил голос по радио.

— Концерт — это хорошо, — сказал Федя. — Веселей будет делать уроки.

Он отрегулировал репродуктор, чтоб было погромче, и сел за стол.

— Ну-ка, что тут нам на дом задано? Задача номер шестьсот тридцать девять? Так... «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом...»

Из репродуктора слышались звуки рояля, и чей-то голос запел густым рокочущим басом:

Жил-был король когда-то,
При нём блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.

ON/OFF

152

v

t

— Вот какой противный король! — сказал Федя. — Блоха ему, видите ли, милей родного брата!

Он почесал кончик носа и принялся читать задачу сначала:

— «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки...»

Блоха! Ха-ха! —

засмеялся голос и продолжал петь:

Позвал король портного:
— Послушай, ты, чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан.

— Ишь что ещё выдумал! — воскликнул Федя. — Блохе — кафтан! Интересно, как портной его шить будет? Блоха ведь маленькая!

Он прослушал песню до конца, но так и не узнал, как портной справился со своей задачей. В песне ничего про это не говорилось.

— Плохая песня, — решил Федя и опять принялся читать задачу: — «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна...»

Он был титулярный¹ советник,
Она — генеральская дочь, —

запел репродуктор снова.

— Интересно, кто такой титулярный советник? — сказал Федя. — Гм!

Он потёр обеими руками уши, словно они у него замёрзли, и, стараясь не обращать внимания на радио, принялся читать задачу дальше:

¹Титулярный (советник) — в царской России: гражданский чин 9-го класса (по Табели о рангах, введённой Петром I и включающей 14 классов).

ON/OFF

153

v

t

— Так. «...Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки. Сколько понадобилось машин для перевозки всей муки, если на каждой машине помещалось по три тонны муки?»

Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда,
И любят песню деревни и сёла,
И любят песню большие города!

Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт.

— Хорошая песня! — одобрил он, когда пение кончилось. — Так... О чём тут у нас говорится? «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

Однозвучно гремит колокольчик,—
послышался высокий мужской голос из репродуктора.

— Ну гремит и пусть гремит, — сказал Федя. — Нам-то какое дело? Нам надо задачу решать. На чём мы тут остановились? Так... «Для дома отдыха купили двадцать одеял и сто тридцать пять простыней за двести пятьдесят шесть рублей. Сколько денег уплатили за купленные одеяла и простыни в отдельности...» Позвольте! Откуда тут ещё одеяла с простынями взялись? У нас разве про одеяла? Тьфу, чёрт! Да это не та задача! Где же та?.. А, вот она! «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

По дороге зимней, скучной
Тройка бóрзая¹ бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

¹ Бóрзая — быстрая, резвая.

— Опять про колокольчик! — воскликнул Федя. — На колокольчиках помешались! Так... Утомительно гремит... в каждом мешке... рожь смололи, причём из шести килограммов муки вышло пять килограммов зерна... То есть муки вышло, а не зерна! Совсем запутали!

Колокольчики мои, цветики степные!
Что глядите на меня, тёмно-голубые?

— Тьфу! — плюнул Федя. — Прямо деваться от колокольчиков некуда! Хоть из дому беги, с ума можно сойти!.. Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки, и спрашивается, сколько понадобилось машин для перевозки всей муки...

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом...

— Очень нам нужно ещё алмазы считать! Тут мешки с мукой никак не сосчитаешь! Прямо наказание какое-то! Двадцать раз прочитал задачу — и ничего не понял! Пойду лучше к Юре Сорокину, попрошу, чтоб растолковал.

Федя Рыбкин взял под мышку задачник, выключил радио и пошёл к своему другу Сорокину.

1. Расскажите, каким вам представляется Федя Рыбкин, какой у него характер.
2. Можно ли сказать, что Федя — человек с чувством юмора? Почему вы так думаете?
3. Нравится ли вам Федя? Как относится автор к своему герою? Почему вы так думаете?
4. Как вы считаете, рассказ о Феде Рыбкине сатирический или юмористический?
5. Какие ещё книги Николая Носова вы читали? Вспомните или перечитайте его весёлые и смешные рассказы. Подготовьтесь пересказать один из них и подумайте, сатирический это рассказ или юмористический.

Виктор Драгунский
(1913—1972)

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за своим роялем и что-то играл потихоньку. Мы с Мишкой сели на подоконник и не стали ему мешать, да он нас и не заметил вовсе, а продолжал себе играть, и из-под пальцев у него очень быстро выскакивали разные звуки. Они разбрызгивались, и получалось что-то очень приветливое и радостное. Мне очень понравилось, и я бы мог долго так сидеть и слушать, но Борис Сергеевич скоро перестал играть. Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал:

— О! Какие люди! Сидят, как два воробья на веточке! Ну так что скажете?

Я спросил:

— Это вы что играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

— Это Шопе́н. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Конечно, раз вы учитель пения, вот вы и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. Хотя я и песенки люблю, но это не песенка. То, что я играл, называется гораздо бо́льшим словом, чем просто «песенка».

Я сказал:

— Каким же? Словом-то?

Он серьёзно и ясно ответил:

— Му-зы-ка. Шопен — великий композитор. Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете. Тут он посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Ну а ты чего любишь? Больше всего на свете?

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал ему, что я люблю. И про собаку, и про строгание, и про слонёнка, и про красных кавалеристов, и про маленькую лань на розовых копытцах, и про древних воинов, и про прохладные звёзды, и про лошадиные лица, всё, всё...

Он выслушал меня внимательно, у него было задумчивое лицо, когда он слушал, а потом он сказал:

— Ишь! А я и не знал. Честно говоря, ты ведь ещё маленький, ты не обижайся, а смотри-ка — любишь как много! Целый мир.

Тут в разговор вмешался Мишка. Он надулся и сказал:

— А я ещё больше Дениски люблю разных разностей! Подумаешь!

Борис Сергеевич рассмеялся:

— Очень интересно! Ну-ка, поведай тайну своей души. Теперь твоя очередь, принимай эстафету! Итак, начинай! Что же ты любишь?

Мишка поёрзал на подоконнике, потом откашлялся и сказал:

— Я люблю булки, плюшки, батоны и кекс! Я люблю хлеб, и торт, и пирожные, и пряники, хоть тульские, хоть медовые, хоть глазурированные. Сушки люблю тоже и баранки, бублики, пирожки с мясом, повидлом, капустой и с рисом. Я горячо люблю пельмени и особенно ватрушки, если они свежие, но чёрствые тоже ничего.

А ещё я люблю кильки, сайру, судака в маринаде, бычки в томате, частич в собственном соку, икру баклажанную и кабачки ломтиками.

Варёную колбасу люблю прямо безумно, если докторская, — на спор, что съем целое кило! И столовую люблю, и чайную, и зельц, и копчёную, и полукопчёную, и сырокопчёную! Эту вообще я люблю больше всех.

Очень люблю макароны с маслом, вермишель с маслом, рожки с маслом, сыр с дырочками и без дырочек, с красной коркой или с белой — всё равно.

ON/OFF

158

v

t

Люблю вареники с творогом, творог солёный, сладкий, кислый; люблю яблоки тёртые с сахаром, а то яблоки одни самостоятельно, а если яблоки очищенные, то люблю сначала съесть яблочко, а уж потом, на закуску, — кожуру!

Люблю печёнку, котлеты, селёдку, фасолевый суп, зелёный горошек, варёное мясо, ириски, сахар, чай, джем, боржом, газировку с сиропом, яйца всмятку, вкрутую, в мешочке, могу и сырые. Бутерброды люблю прямо с чем попало, особенно если толсто намазать картофельным пюре или пшённой кашей. Так... ну про халву говорить не буду — какой дурак не любит халвы? А ещё я люблю утятину, гусятину и индюшину. Ах, да! Я всей душой люблю мороженое.

Мишка обвёл глазами потолок и перевёл дыхание. Видно, он уже здорово устал. Но Борис Сергеевич пристально смотрел на него, и Мишка поехал дальше.

Он бормотал:

— Крыжовник, морковку, кету, горбушу, репу, борщ, пельмени, хотя пельмени я уже говорил, бульон, бананы, хурму, компот, сосиски, колбасу, хотя колбасу тоже говорил...

Мишка выдохся и замолчал. По его глазам было видно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот смотрел на Мишку немного недовольно и даже как будто строго. Он тоже словно ждал чего-то от Мишки: что, мол, Мишка ещё скажет. Но Мишка молчал. У них получилось, что они оба друг от друга чего-то ждали и молчали.

Первым не выдержал Борис Сергеевич:

— Что ж, Миша, — сказал он, — ты многое любишь, спору нет, но всё, что ты любишь, оно какое-то одинаковое, чересчур съедобное, что ли. Получается, что ты любишь целый продуктовый магазин. И только... А люди? Кого ты любишь? Или из животных?

ON/OFF

159

v

t

Тут Мишка весь встрепенулся и покраснел.
— Ой, — сказал он смущённо, — чуть не забыл! Ещё — котят! И бабушку!

1. Какой фрагмент рассказа показался вам смешным? Почему?
2. Как вы думаете, действительно ли Мишка любит «целый продуктовый магазин» и только? Почему? Объясните.
3. Что вы можете сказать об отношении автора к Мишке? Согласны ли вы, что Мишка в этом рассказе описан с юмором? Объясните.
4. Можно ли сказать, что весь рассказ «Что любит Мишка» — юмористический? Почему?
5. Вспомните рассказы Виктора Драгунского, которые вы читали. В каких рассказах соединяется серьёзное и смешное? Как вы думаете, почему таких рассказов у Виктора Драгунского большинство?

В. Драгунский

ON/OFF

160

v

t

Агния Барто (1906—1982)

ДОКЛАДЧИК

Выступал докладчик юный,
Говорил он о труде.
Он докладывал с трибуны:
— Нужен труд всегда, везде.

Нам велит трудиться школа,
Учит этому отряд.
— Подними бумажки с пола! —
Крикнул кто-то из ребят.

Но тут докладчик морщится:
— На это есть уборщица!

ТРЕБУЕТСЯ ДРУГ

Все живут не тужат,
А со мной не дружат!
Бант у Кати расписной,
Красные колготки
И характер кроткий.
Я шепчу:— Дружи со мной...
Мы же одноклассники,
Как сестрички мы почти,
Мы, как две голубки

Из одной скорлупки.
Я шепчу: — Но ты учти —
Ты во всём должна идти
Другу на уступки.

Предлагаю Ильиной:
— Ты дружи со мной одной!
Есть разряд у Ильиной,
И спортивный свитер,
И девчонок свита.
Подружусь я с Ильиной,
Стану знаменита!
Все пятёрки до одной
У Светловой Нади.
Я прошу: — А ты со мной
Подружись хоть на день!
Мы с тобой поладим:
Будешь ты меня спасать —
Дашь контрольную списать.

А девчонки на дыбы!
Говорят: — Молчала бы!
Не вставать же на колени,
Уговаривать подруг...
Напишу я объявление:
Срочно требуется друг!

1. Какой общий заголовок вы бы дали к этим стихотворениям Агнии Барто — «Юмористические портреты» или «Сатирические портреты»? Почему?
2. Найдите и прочитайте другие стихи Агнии Барто о ребятах, которым необходимо исправить какие-то недостатки в своём характере. Сатирические это стихи или юмористические? Почему?
3. Согласны ли вы, что стихи А. Барто — это «незаметное воспитание»? Объясните вашу точку зрения.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

«Книжкины именины» во Дворце пионеров.
Кто есть кто? Опять знакомые незнакомцы

После того как Игорь и Оля чуть не потеряли Николая Александровича, они боялись даже заикнуться о новом путешествии. Шли дни, вот и весенние каникулы наступили, на улице стало совсем тепло. В один из дней Николай Александрович сам постучался в комнату близнецов и предстал перед ними в парадном костюме.

— Друзья мои, приглашаю вас на именины! Дело в том, что в 60-е годы Лев Кассиль придумал Неделю детской книги, и, пока писатель был жив, она ежегодно проводилась в школьные весенние каникулы. Целую неделю по всей стране шёл праздник детской книги: утренники и литературные концерты, спектакли, викторины и книжные выставки. Дети могли встретиться с писателями и поэтами, поговорить с ними, послушать, как они сами читают свои произведения. На открытии Недели детской книги Лев Кассиль сам представлял ребятам детских писателей и их книжки. Так он «открыл» для многих ребят Н. Носова, Ю. Сотника, В. Драгунского, И. Дика, В. Железникова, В. Медведева, В. Берестова, Б. Заходера, И. Токмакову и других замечательных писателей и поэтов.

В фойе недавно построенного Дворца пионеров было шумно, пёстро и весело. То и дело наши герои останавливались возле стендов с книгами, потому что встречали знакомые имена и названия.

Раздался первый звонок. Николай Александрович просмотрел программу, и наши герои решили сначала пойти на встречу с поэтами.

Усевшись в кресла, Оля с Игорем прочитали, что в поэтическом концерте будут участвовать поэты старшего поколения Е. Благинина, С. Михалков, Б. Заходер, Ю. Коринец, В. Берестов и молодые поэты И. Токмакова, Г. Сапгир, Э. Мошковская, Г. Горбовский, Э. Успенский.

ФОРТОЧКА

Форточку открыл я на минуту
И как зачарованный стою...
Точно в капитанскую каюту,
Рвётся ветер в комнату мою.

Полетев, затрепетали шторы
И надулись, будто паруса.
Вижу океанские просторы,
Яркие, чужие небеса.

Знаю, знаю — за окном не лето,
Стужа там крепчает под луной.
Почему ж квадратики паркета,
Дрогнув, закачались подо мной?

И вода, взревев, забушевала...
И уж не во сне, а наяву
Я стою на вахте у штурвала,
К берегам неведомым плыву.

Вот сирена бережно и низко
Понесла свой голос в высоту.
Где мы будем завтра?

В Сан-Франциско?

Иль в другом каком-нибудь порту?

Или поплывём без передышки
По лазурной этой глубине?...
...Я очнулся. Ноги — как ледышки,
Руки — тоже. Голова — в огне.

Я захлопнул форточку. И стало
Всё на место. Я залез в кровать,
Поплотней зарылся в одеяло
И тихонько начал отплывать.

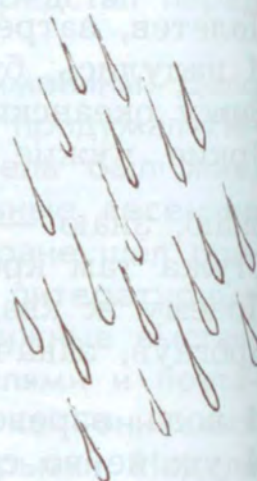

Звук разнёсся важный и протяжный —
Это полночь за стеною бьёт.
Весь наш дом — корабль многоэтажный
Океаном тишины плывёт...

Борис Заходёр (1918—2000)

ДОЖДИК

Дождик песенку поёт:
Кап, кап...
Только кто её поймёт —
Кап, кап?
Не поймём ни я, ни ты,
Да зато поймут цветы,
И весенняя листва,
И зелёная трава...
Лучше всех поймёт зерно:
Прорастать
Начнёт
Оно!

КИСКИНО ГОРЕ

Плачет Киска в коридоре.
У неё
Большое горе:
Злые люди
Бедной Киске
Не дадут
Украсть
Сосиски!

Валентин Бёрестов (1928–1998)

УРОК ЛИСТОПАДА

«А дальше, ребята, урок листопада.
Поэтому в класс возвращаться не надо.
Звонок прозвенит, одевайтесь скорей
И ждите меня возле школьных дверей!»

И парами, парами следом за нею,
За милой учительницей своею
Торжественно мы покидаем село.
А в лужи с лужаек листвы намело!

«Глядите! На ёлочках тёмных в подлеске
Кленовые звёзды горят, как подвески.
Нагнитесь за самым красивым листом
В прожилках малиновых на золотом.

Запомните все, как земля засыпает,
А ветер листвою её засыпает».
А в роще кленовой светлей и светлей.
Всё новые листья слетают с ветвей.

Играем и носимся под листопадом
С печальной, задумчивой женщиной рядом.

Юрий Коринёц (1923–1989)

ПОСЛЕДНЕЕ ЯБЛОКО

Ветрами на́земь сбита
Листва в саду шуршит.
А яблоко забытое
На яблоне висит.
Скрипят деревья чёрные:
«Да падай же, пора!»
Но яблоко упорное
Опять висит с утра.

Висит оно, качается,
И осень не кончается.

Ирина Токмакова (р. 1929)

В ЧУДНОЙ СТРАНЕ

В одной стране,
В чудной стране,
Где не бывать тебе и мне,
Ботинок чёрным язычком
С утра лакает молочко
И целый день в окошко
Глазком глядит картошка.
Бутылка горлышком поёт,
Концерты вечером даёт,
А стул на гнутых ножках
Танцует под гармошку.
В одной стране,
В чудной стране...
Ты почему не веришь мне?

НЕВПОПАД

На помощь! В большой водопад
Упал молодой леопард!

Ах нет! Молодой леопард
Свалился в большой водопад.
Что делать — опять невпопад.
Держись, дорогой леопард,
Верней, дорогой леопард!

Опять не выходит впопад.

ON/OFF

167

v

Генрих Сапгир (1928—1999)

ЛЕСНОЙ РАЗГОВОР

— Синица-певица,
Что видела в нашем лесу?

— Летала, видала
Весну на грачином носу.

— Синица-певица,
Откуда так пахнет весной?

— Лиловый подснежник
Проклюнулся в чаще лесной.

— Синица-певица,
А день-то сегодня каков?

— Высокое небо
И перышки в нём облаков.

— Синица-певица,
Так что же мы в почках сидим?

— Ещё не пора вам,
Листочкам, порхать молодым.

— Синица-певица,
Когда же, когда же, когда?

— Спросите у Солнца.

— У этого тёплого? Да?

ЛЯГУШОНОК И МЫШОНОК

В траве Лягушонок

Увидел Мышонка.

— Какой вы чудесный! —
Заквакал он звонко. —

Ну как вы таким

Удивительным стали?

Немало, наверное,

Вы испытали?

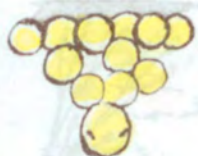

Мышонок сказал:
— Я родился весной
И маленький был,
Как орешек лесной.

За лето подрос,
Нагулял себе шерстку
И на зиму зёрен
Собрал себе горстку.

Вздохнул Лягушонок:
— А в жизни моей
Всё было иначе —
Гораздо сложнее.

Сначала икринкою
Плавал я в ряске.
Но вдруг у меня
Обозначились глазки.

Я стал головастиком.
Долго потом
В воде я резвился,
Виляя хвостом.

Но лапки затем
У меня появились,
Я громко заквакал
И на берег вылез.

Поймал червяка
Средь высокой травы.
И тут на полянке
Мне встретились вы!

ON/OFF

169

v

t

Эмма Мошковская (1926—1981)

Жил на свете один человечек,
И пошёл человечек гулять,
И нашёл он двенадцать дощечек,
И решил себе домик собрать.
И сложил он сначала крылечко,
Чтобы каждый войти к нему мог.
К сожаленью, тому человечку
Не хватило на стены досок.

Небо крышу ему подарило,
И стеной был кудрявый лесок,
Ничего, что ему не хватило...
Не хватило на стены досок!
По утрам к нему солнце входило,
Выпивало росистый квасок,
Хорошо, что ему не хватило,
Не хватило на стены досок!

И пришли к нему птицы и звери,
Майский жук заглянул на часок...
Хорошо, что на крепкие двери
Не хватило на двери досок!..

Снова со всех дорожек
ветер
лето сметает.
Сел на скамейки
дождик
и никого не пускает...

Эдуард Успенский (р. 1937)

МОЙ ЖИВОЙ УГОЛОК

Это аквариум — маленький пруд,
В нём разноцветные рыбки живут.

Здесь попугайчики в клетке,
У них народились детки.

Это лук из огорода.
Вот и вся моя природа.

Она не лесная, не полевая,
Но настоящая и очень живая.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛОН

Жил-был слон,
Не громадный слон,
А маленький, маленький,
Маленький слон,
Чуть-чуть побольше мышонка.
Одуванчик над ним в небесах расцветал,
А комар вертолётom
Громадным жужжал,
А трава для него
Просто лес, просто лес.
Просто сразу пропал,
Если в чащу залез.
Все жалели слона:
— До чего же он мал!
А слонёнок об этом,
Представьте, не знал.
Потому что ночь для него была такая же
Синяя-синяя,
А звёзды такие же далёкие,
Как и для всех больших слонов.

1. С каким настроением вы бы прочитали эти стихи? Почему?
2. Как передают авторы это настроение? Какими мыслями, чувствами, наблюдениями поэты хотят поделиться с читателями?
3. Какие картины они рисуют словами?
4. Чьи стихи вам понравились больше? Почему?
5. Чтобы лучше представить себе, что отличает каждого из поэтов, делает его непохожим на других и узнаваемым (то есть в чём его индивидуальность), вспомните, какие ещё стихи этого поэта вы знаете, перечитайте их и подумайте, какие у поэта есть любимые герои и темы, каким он видит мир и как его рисует.
6. Есть ли у вас любимые поэты? Подготовьте к уроку внеклассного чтения небольшой рассказ о стихах своего любимого поэта.

Мы хотим, ребята, чтобы вы обратили внимание, какой интересной, яркой и многообразной стала поэзия для детей. Вспомните первые детские стихи, например «Песенку на купание» А. Шишкова. Правда, оно чем-то похоже на фотографию? С доброй улыбкой взрослый человек рассказывает о детях, любит ими, но не пытается пока рисовать словами картины, создавать образы. А вот поэты XX века делают это прекрасно.

Посмотрите, какие разные их стихи: здесь и лирические зарисовки, и маленькие рассказы в стихах, и стихи-шутки, построенные на словесной игре, и считалки, и детские песенки. В этих стихах оживает природа, разговаривают звери и птицы, цветы и деревья, разные предметы, в них живут детские фантазии и сны. А это значит, что поэзия для детей — это целый огромный мир, в который каждый из вас может войти.

Саша Чёрный

Детские поэты — особые люди, удивительные. В 1920-е годы XX века о них замечательно написал поэт Саша Чёрный. Вот эти стихи.

Саша Чёрный (1880—1932)

ДЕТЯМ

Может быть, слышали все вы — и не раз,
Что на свете есть поэты?

А какие их приметы,
Расскажу я вам сейчас...

Беззаботный и беспечный, как барбос,
Весел он под каждым кровом,
И играет звонким словом,
И во всё суёт свой нос.

Хоть он взрослый, но совсем такой, как вы:
Любит сказки, солнце, ёлки, —
То прилежнее он пчёлки,
То ленивее совы.

У него есть белоснежный, резвый конь,
Конь Пегас, рысак крылатый,
И на нём поэт лохматый
Мчится в воду и огонь...

Ну так вот — такой поэт примчался к вам:
Это ваш слуга покорный,
Он зовётся «Саша Чёрный»...
Почему? Не знаю сам.

Здесь для вас связал в букет он, как цветы,
Все стихи при свете свечки,
До свиданья, человечки! —
Надо чайник снять с плиты...

«Хоть он взрослый, но совсем такой, как вы...» — написал о детских поэтах Саша Чёрный. Удивительно точно увидел он их главную особенность. Ребята, пока наши герои сидят в зале, мы хотим, чтобы вы прочитали одно стихотворение. Его написала московская поэтесса Вероника Долина. Прочитайте, и вы ещё раз убедитесь, что Саша Чёрный был прав!

Вероника Долина (р. 1956)
ПЕСНЯ ПРО МАННУЮ КАШУ

Ах, какой ты славный!
Лапки, хвостик, уши!
Я сегодня манной
Каши недокушал —
И тогда-то странный
Случай приключился:
Медвежонок манный
Из комков слепился.

Он чуть-чуть непрочен,
Глазки из смородин,
А зато на прочих
Не похож уродин.
А чтоб был замечен
Труд мой ненапрасный, —
Из брусники красной
Язычок прекрасный.

Я сказал верзиле
Дяде в магазине:
— Сколько бы медведей
К вам ни завозили,
Нет у вас такого!

Он же бесподобен!
— Он ещё удобен
Тем, что и съедобен...

Дядя согласился
И спросил покорно:
— Почему твой мишка
Белый, а не чёрный?
Что он — иностранный?
А я ответил гордо:
— Он из каши манной —
И спина, и морда.

Дядя был неглупый —
Это-то и гложет!
Он сказал, что взрослый
Так слепить не может.
А почему не может? —
Никто не угадает.
Просто каждый взрослый
Кашу доедает!

1978

ON/OFF

174

...Между тем закончилось первое отделение поэтического концерта. Николай Александрович предложил детям пойти в другой зал и послушать рассказы.

—...Мой друг никогда сразу не записывает своих сказок и каждый раз рассказывает их по-новому. «Но вчера эта сказка была лучше! — изумляюсь я. — Ты забыл?» — «Нет, — отвечает он. — Ничего я не забыл. Я ищу».

Рассказывая сказки, мой друг каждый раз ищет то, чего нельзя сказать, — неизъяснимое: улыбку ветра, память дождя. Он импровизатор. Импровизаторы — это такие люди, к которым слова приходят мгновенно. И только потом, дойдя до конца, они более тщательно отделяют своё произведение. Итак, ребята, я представляю вам своего друга, писателя Геннадия Михайловича Цыферова!

На сцену вышел человек средних лет в очках, с маленькой бородкой. Он улыбнулся чуть смущённо и сказал:

— Я прочту вам свои миниатюры. Это такие крохотные сказки, похожие на картинки. А вы попробуйте закрыть глаза и увидеть эти картинки.

Близнецы так и сделали. И вот что они услышали и увидели.

Геннадий Цыферов (1930—1972)

из книги

«КАК ЛЯГУШКИ ЧАЙ ПИЛИ»

На лугах спит белый мохнатый туман. Трубку он курит. Дым под кусты он пускает...

— Ши-ши-ши, — шуршит осока. — Тише, тише... ка-мышши. Рыба в омуте уснула. Попрошу вас не шуметь.

Шёл дождь, не разбирая дороги, по лугам, по полям, по цветущим садам. Шёл, шёл, споткнулся, вытянул длинные ноги, упал... и утонул в последней луже. Лишь пузырьки кверху пошли: буль-буль.

Весна уже, а ночами холодно. Мороз стужит. Показала верба почки-пальчики и надела на них меховые варежки.

1. Вспомните произведения Г. Цыферова (сказки про ослика и лягушонка, маленькие сказки о детстве Моцарта). Попробуйте сказать, чем отличаются сказки Г. Цыферова от сказок других писателей, то есть определить, в чём его авторская индивидуальность.
2. Нравятся ли вам книги Геннадия Цыферова? Объясните почему.

Близнецам так понравилось на празднике детской книги, что разговоров хватило на целую неделю, а вопросов было столько, что Николаю Александровичу пришлось их записать, чтобы не забыть. С особым удовольствием профессор отвечал на два из них. Оля очень хотела знать, как это удаётся хорошим поэтам писать по-своему об одном и том же, да ещё так, что стихи каждого из них никогда не спутаешь с другими. А Игорю всё не терпелось узнать, кто был тот человек, что рассказывал о Геннадии Цыферове.

Чтобы ответить на Олин вопрос, Николай Александрович принёс книжку стихов Новеллы Матвеевой «Кроличья деревня» и предложил Оле прочитать её и сравнить стихи Новеллы Матвеевой, например, со стихами Юнны Мориц. Пока Оля читала стихи, Игорь узнал от Николая Александровича, что рассказывал о Геннадии Цыферове его друг Сергей Козлов, детский драматург, автор замечательных пьес-сказок.

ON/OFF

176

v

t

Новелла Матвеева (р. 1934)

ДЕВОЧКА И ПЛАСТИЛИН

Я леплю из пластилина
(Пластилин нежней, чем глина),
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...

Если кукла выйдет плохо,
Назову её — Дурёха.
Если клоун выйдет плохо,
Назову его — Дурак.

Подошли ко мне два брата,
Подошли и говорят:
— Разве кукла виновата?
Разве клоун виноват?

Ты их любишь маловато,
Ты их лепишь грубовато,

ON/OFF

177

v

t

Ты сама же виновата,
А никто не виноват.

Я леплю из пластилина,
А сама вздыхаю тяжко...
Я леплю из пластилина,
Приговариваю так:

— Если кукла выйдет плохо,
Назову её — Бедняжка,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его — Бедняк.

БЫЛО ТИХО...

Было тихо, очень тихо, —
Ночь на всей земле.
Лишь будильник робко тикал
На моём столе.

Было тихо, очень тихо, —
Тихий, тихий час...
Лишь будильник робко тикал,
Мышь в углу скреблась.

Было тихо, очень тихо, —
Дрёма без забот...
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал
Да мурлыкал кот.

Было тихо, очень тихо, —
Тихий час теней...
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал,
Козлик мекал,

Кот мяукал,
Поросёнок дерзко хрюкал,
Бык ревел,
И две собаки
Дружно вторили во мраке
Ржанию коней.

НЕРЕШИТЕЛЬНЫЕ

По речке —
Не лодка, не плот,
А старая бочка плывёт.

Вскочили на бочку лягушки.
Зачем? Для чего?
Для просушки!
И снова попрыгали с бочки.
Зачем? Для чего?
Для промочки!

Не могут лягушки решить:
В воде или в сухости жить?

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Серый мышонок Тарасик
Продав свой белый матрасик,
Продав свой стол и комод
И устремился в поход.

В лодке из корочки дынной
Плыл он по речке пустынной,
Плыл, догоняя паром,
Греб лебединым пером.

ON/OFF

179

v

t

1. Сказочный мир
Вдруг непогода завывала,
Стало не видно залива,
Дынная корка трещит,
Серый мышонок пищит:

«Всё-таки тёплая норка
Лучше, чем дынная корка...
Ох! Ай-ай-ай! Ой-ой-ой!
Я возвращаюсь домой!»

Серый мышонок Тарасик
Выкупил белый матрасик,
Выкупил стол и комод,
Тихо и мирно живёт.

Но вечерами Тарасик
Думает: «Если бы разик,
Если бы раз или два
Мне увидеть Острова!..»

Снова мышонок Тарасик
Продал свой белый матрасик,
Продал и стол, и комод,
Стал догонять пароход...

Вновь непогода завывала!
Снова не видно залива!
Снова наш бедный герой
Стал возвращаться домой.

Снова упрямый Тарасик
Выкупил белый матрасик,
Выкупил стол и комод.
Хлебную корку грызёт...

Ю. Мухомов

Но временами Тарасик
 Думает:
 «Только бы разик,
 Только б разок или два
 Мне
 Увидать
 Острова!..»

ЛЕТО

Между кольями забора серого
 Солнце длинные лучи просунуло.
 На дорогу лопухи повыбрались,
 Пыли зачерпнув краями грубыми.

Подорожник — санитар испытанный,
 Врачеватель ног, в пути пораненных,—
 Подошёл к дороге, приготовился:
 Может, думает, кому понадобится...

Одуванчик облетать нацелился:
 Все его пушинки набок съехали,
 Но остановились нерешительно:
 А куда лететь? В какую сторону?

Жаркий день уже склонился к вечеру:
 Вечер дню шепнул о чём-то на ухо,
 Облака подслушали, задумались
 И, забыв, зачем пришли, растаяли...

1. Сказочные или реальные герои населяют поэтический мир Новеллы Матвеевой? (Вспомните ещё её стихотворение «Пираты», которое вы читали в книге «Маленькая дверь в большой мир».) Какими вы их себе представляете?
2. Какое-то одно настроение преобладает в стихах Новеллы Матвеевой или оно всегда разное?
3. Поэт Валентин Берестов написал, что в стихах Н. Матвеевой есть «чудесная звонкость», в них слышны разные голоса, и стихи этой поэтессы лучше читать вслух и даже разыгрывать, как сценки. Как вы думаете, какие именно стихи В. Берестов имел в виду?
4. Попробуйте сравнить стихи Новеллы Матвеевой и Юнны Мориц. В наших книгах для чтения вы прочли многие стихи Юнны Мориц: «Что над чем», «Ворона», «Резиновый ёжик», «Слониха, слонёнок и слон», «Это — да, это — нет!», «Малиновая кошка», «Пони», «Любимый пони», «Настоящий секрет», «Баллада о фокусах шоколада». Кто их герои? Какие они? Похожи ли на героев Новеллы Матвеевой? Весёлые или грустные стихи у Юнны Мориц? А у Новеллы Матвеевой?
5. Согласны ли вы с утверждением, что поэт в стихах, о чём бы он ни писал, всегда выражает себя и всегда сам как бы присутствует в своих стихах?
6. Как вы думаете, почему многие стихи Н. Матвеевой и Ю. Мориц стали песнями?

Ю. Мориц

ON/OFF

182

v

t

Сергей Козлов (1939—2009)

СНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК

(пьеса-сказка)

В СКАЗКЕ УЧАСТВУЮТ:

Ёжик
Медвежонок
Доктор Дятел
Зайчонок
Первый Заяц

Второй Заяц
Третий Заяц
Осинка
Ясень
Сосна

КАРТИНА ПЕРВАЯ

(Лес. Солнечный морозный день перед Новым годом. Зайцы ведут хоровод вокруг ёлки.)

Зайцы (поют).

Мы снежок притопчем
На большой поляне,
Ёлочку украсим,
Сядем, посидим,
Посидим немножко,
Отдохнём и встанем,
Ёжика с Медведем
В гости пригласим.

(Дружно подхватывают припев.)

Ёлка новогодняя!..

(Вбегает **Зайчонок**.)

Зайчонок (кричит). Ой! Ой! Стойте! Медвежонок заболел! (Тараторит.)— Я к нему прибегаю, приглашаем, говорю, вас, Медвежонок, с нами встречать Новый год, а он... а он... (Плачет.)

Первый Заяц. Что?

Второй Заяц. Что?

Третий Заяц. Что?

Зайчонок. Лежи-и-ит... (И опять реветь.)

Первый Заяц. Зайцы! Наряжайте ёлку! А я — за доктором! Ты, Зайчонок, беги зови Ёжика: Ёжик Медвежонку первый друг.

Зайчонок. Бегу! (Убегает.)

Второй Заяц (третьему). Ай-яй-яй! Надо же! Перед самым Новым годом! Ну пошли за игрушками.

Третий Заяц (горячо). Доктор его вылечит. Обязательно вылечит. Вот, помню, когда я заболел... (Уходят.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Дом **Медвежонка** на лесной опушке. Сугробы, поленница дров, из чурбака торчит топор. **Медвежонок** лежит в доме на кровати и стонет.

Появляются **Зайчонок** с **Ёжиком**.)

Зайчонок (подходя к дому). Вот, дядя Ёжик, я к нему прибегаю, приглашаю, говорю, вас, Медвежонок, встречать с нами Новый год, а он... а он... (Всхлипывает.)

Ёжик (останавливаясь). Что?

Зайчонок (разревелся). Лежи-и-ит...

Ёжик (с досадой). Фу! Ты мне это уже в третий раз рассказываешь! (Входит в дом Медвежонка, зовёт.) Медвежонок! Медвежонок! (Медвежо-

ON/OFF

184

v

t

нок стонет.) (Щупает Медвежонку голову.) Ой! (Отдёргивает лапу.) Какая горячая!

Зайчонок (слюнит лапу, будто пробуя утюг, осторожно прикасается ко лбу Медвежонка: «Шшш!»). Ой! Шипит! (Отскакивает.)

Ёжик. Вот какой жар! Бедный Медвежонок!
(Стук в дверь.)

Доктор Дятел (голос). Можно?

Ёжик. Входите! Входите!

(В сопровождении **Первого Зайца** появляется **Доктор Дятел** — длинный нос, белый халат, серебряное блюдце ларинголога¹ на лбу, чёрный докторский чемоданчик под крылом.)

Доктор Дятел (входя). Кто больной?

Ёжик. Он больной. (Показывает на Медвежонка.)

Доктор Дятел (Ёжику). Что с ним?

Зайчонок. Можно, я скажу?

Доктор Дятел. Говори.

Зайчонок (тараторит). Дядя Дятел, я к нему прибегаю: приглашаем, говорю, вас, Медвежонок, встречать с нами Новый год, а он... а он...

Доктор Дятел. Что?

Зайчонок (рыдая). Лежи-и-ит.

Доктор Дятел. Та-ак.

Ёжик. И — горит. Весь в огне.

Зайчонок (сквозь слёзы). Вон я лапу обжёг...

Доктор Дятел. Покажи.

Зайчонок. Вот.

Доктор Дятел. Надо лечить. (Открывает чемоданчик.)

Зайчонок. Не надо. И так пройдёт. (Прячет лапу.) Лечите его! (Показывает на Медвежонка.)

Доктор Дятел (подходит к Медвежонку). Та-ак. Поставим градусник. (Достаёт из чемоданчика огромный градусник, ставит Медвежонку под мышку.)

¹ Ларинголог — врач, лечащий заболевания гортани, горла.

(Градусник тут же взрывается.
Все разлетаются по углам.)

Медвежонок (садится). Кто здесь?

Ёжик. Это я, Ёжик. Ты меня не узнаёшь, Медвежонок?

Медвежонок. Кто? Кто это говорит? Никого не вижу!

Первый Заяц. От жара потерял зрение.

Доктор Дятел. Да-а... Очень тяжёлый случай... Простым лекарством его не вылечить.

Ёжик (не слушая Доктора Дятла, кричит). Медвежонок, очнись! Это я, я, Ёжик! (Колотит себя в грудь.)

Доктор Дятел (трогает Ёжика за плечо). Снег... ел?

Ёжик. Не знаю.

Первый Заяц. Я посмотрю! (Выбегает из дома. Медвежонок откидывается на постель. Ёжик укрывает его. Заяц носится вокруг дома, возвращается.) Ел!

Доктор Дятел. Много?

Первый Заяц (думает). Рубил дрова, разогрелся, полсугроба съел, не меньше.

Доктор Дятел. Та-ак. (Достаёт из чемоданчика огромную книгу, садится, почёсывая нос, читает.) Бббб...

Ёжик. Что? Что там?

Доктор Дятел. Не мешай! Бббб... Ага! Вот! «При съедении более полсугроба свежего предновогоднего снега температура... как уют!»

Первый Заяц (подскакивает). Что?

Доктор Дятел. Ага! Строчку пропустил. (Читает.) «...Температура подымается так, что больной становится, как уют!»

Зайчонок. Ухх!..

Доктор Дятел (читает дальше). «Необходим волшебный цветок Илютик. Что в переводе с медицинского языка означает — Всем-всем хорошо и всем-всем весело...»

Все (как эхо). Всем-всем хорошо и всем-всем весело.

Доктор Дятел (читает дальше). «Чтобы...» Нет, здесь можно пропустить... Вот! «Стоит больному взять его в руки, как он сразу становится здоровым, но...».

Первый Заяц. Что?

Ёжик. Что?

Доктор Дятел. ...Но... (Встаёт, обводит всех взглядом, торжественно.) Цветка Всем-всем хорошо и всем-всем весело на земле нет! Медицина бессильна. Я умываю руки. (Разводит крыльями.)

Первый Заяц (несёт полотенце). Вот полотенце.

Доктор Дятел. Зачем?

Первый Заяц. Вы руки хотели помыть.

Доктор Дятел. Ах да! (Моем кончики крыльев.)

Зайчонок. Значит, Медвежонок умрёт и не будет с нами встречать Новый год на Большой поляне? (Плачет.)

Ёжик. Я его найду! Я найду этот цветок! Если его даже нет на земле — пусть под землёй, пусть под водой, пусть на небе, — я его найду, Медвежонок, и ты выздоровеешь! (Бежит к двери.)

Доктор Дятел. Стой! Ты не знаешь, как он выглядит.

Ёжик. Как?

Первый Заяц. Как?

Зайчонок. Покажи!

Доктор Дятел (смотрит в книгу, со вздохом). Здесь не написано...

Ёжик. Я всё равно найду! Я обязательно найду! Не может быть, чтобы я не нашёл цветка Всем-всем хорошо и всем-всем весело для моего друга Медвежонок! **(Убегает.)**

Медвежонок (стонет). О-о-о!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(Лес. Ранние зимние сумерки. Появляется **Ёжик**, останавливается возле тонкой **Осинки**.

Осинка дрожит.)

Ёжик. Где же этот цветок? Вот если бы я его нашёл — и вылечился бы сразу Медвежонок, и обрадовались бы зайцы, и все вместе мы бы встретили Новый год. Где найти цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело, Осинка?

Осинка. Не знаю, Ёжик. Но бабушка Осина мне говорила, что посреди поля на бугре растёт старый Ясень. Он высок, и ему далеко видно.

Ёжик. Спасибо, Осинка! Не нужно ли тебе чего? Если я найду цветок, я смогу сделать для тебя всё, что только ты пожелаешь.

Осинка. Я — голая осинка. Мне холодно, Ёжик, и... и... одиноко. Когда ты найдёшь цветок, подгреби к моим корням немного снега, и мне станет теплее.

Ёжик. Это я могу и сейчас!.. (Принялся укутывать Осинку снегом.) Вот! Вот! Так хорошо?

Осинка (перестаёт дрожать). Как хорошо, как тепло, как удивительно! Спасибо тебе, Ёжик!

Ёжик. Это тебе спасибо, Осинка! (И побежал.)

Осинка. Стой! У меня ничего нет... Вот только этот последний листок... Возьми его, и, если заблудишься в темноте, он приведет тебя ко мне, а тут уже рядом твой лес, твоя поляна. (Роняет листок.)

Ёжик. Спасибо, Осинка! (Подбирает листок.)

Осинка. Пусти его по ветру и скажи: «Листок, листок осиновый, води меня домой!» — и он зашуршит по снегу, как золотая мышка.

Ёжик. Спасибо! (Убегает.)

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

(Ёжик взбирается на бугор к старому Ясеню.)

Ёжик. Здравствуй, дедушка Ясень! Ты высокий и в ясные дни видишь так далеко... Скажи, где найти мне цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело?

Ясень (говорит с трудом, будто что-то мешает ему дышать). А зачем тебе этот цветок, Ёжик?

Ёжик. Я принесу его Медвежонку, он возьмёт его в лапы и сразу выздоровеет.

Ясень. Твой друг Медвежонок заболел?

Ёжик. Да. Очень.

Ясень. Я боюсь, ты не найдёшь этот цветок, Ёжик. Я стою на этом месте триста лет и смотрю утром на восток, в полдень — на юг, к вечеру — на запад, а когда дуют холодные ветры, не зажмуриваясь, гляжу на север, но я нигде не видел такого цветка. Я думаю, его и нет на земле...

Ёжик. Я знаю: его нет на земле, дедушка Ясень! Только мне обязательно надо его найти!

Ясень. Тогда беги к тётушке Сосне, Ёжик. Это

недалеко, за рекой. Она мудра, у неё могучие корни. Она знает обо всём, что есть под землёй.

Ёжик. Спасибо, дедушка Ясень! Не нужно ли тебе чего? Ведь если я найду цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело, я для тебя смогу сделать что угодно!

Ясень. У самой земли снегом забило дупло... Мне тяжело дышать... Когда ты найдёшь цветок...

Ёжик. Что ты! Зачем цветок? Это я могу сделать и сейчас! (Выгребаёт из дупла снег.) Вот! Вот!..

Ясень. Ох, как вольно, как глубоко, как сладко дышится полной грудью! Спасибо, Ёжик! (Ёжик было побежал.)

Постой! Возьми на дне дупла кусочек коры. Если ты устанешь в пути и у тебя не будет сил идти дальше, откуси от него немного и скажи: «Ноги, мои ноги, идите сами!» — и ноги сами принесут тебя, куда пожелаешь.

Ёжик (достаёт кусочек коры). Спасибо, дедушка Ясень! (Убегает.)

КАРТИНА ПЯТАЯ (Лес. Бежит Ёжик.)

Ёжик (останавливается). Смеркается. Скоро стемнеет. Я уже устал, а тётушки Сосны нет и нет. Может, я заблудился? Ясень сказал: недалеко, за рекой. Покричу. (Кричит.) Тётушка Сосна! Тётушка Сосна!.. (Слушает.) Никто не отвечает. (Кричит.) Дедушка Ясе-ень!.. (Слушает.) Никого... Ой, что теперь будет с Медвежонком? (И Ёжик, чуть не плача, заметался по лесу, пугаясь старых коряг, бурелома, сугробов, пока не наткнулся на большую тёмную Сосну в тяжёлой, будто меховой, снежной шапке.) Ой! Сосна! (Оглядывается.) А где же река? Нет, наверное, это не та Сосна.

ON/OFF

190

v

t

(И вдруг...)

Сосна (сняла свою белую шапку, поклонилась Ёжику и прогудела). Здравствуй, Ёжик!

Ёжик (неуклюже, растерянно несколько раз поклонился). Здравствуйте! Вы не видели тётушку Сосну? Она должна стоять над рекой.

Сосна. Это я и есть тётушка Сосна.

Ёжик. Вы? А где же река?

Сосна. Вот она. Только её занесло снегом.

Ёжик (радостно). Тётушка Сосна! Здравствуй! Я — Ёжик!

Сосна. Вижу.

Ёжик (буквально кричит от радости). Меня к тебе прислал дедушка Ясень! Он сказал — у тебя могучие корни!

Сосна. Верно.

Ёжик (кричит). Он сказал — ты мудра! Ты знаешь всё, что есть под землёй! (Сосна молча кланяется.) (Ёжик кричит.) Скажи, где растёт цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело?

Сосна. А зачем тебе цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело, Ёжик?

Ёжик (сел; в зал, горестно). Плохо моему другу Медвежонку. Только этот цветок может его спасти...

Сосна (распрямившись). Я знаю, где растёт такой цветок, Ёжик.

Ёжик (вскакивает). Где?

Сосна. Ты умеешь считать, Ёжик?

Ёжик. Умею! Я учился!

Сосна. До скольких?

Ёжик. До десяти! До ста! До тысячи!!!

Сосна. Слушай! Через двести сосен от меня...

Ёжик. Через двести сосен от меня...

Сосна. Не от тебя, а от меня.

Ёжик. Через двести сосен от тебя...

Сосна. За Кривым оврагом...

Ёжик. За Кривым оврагом...

ON/OFF

191

v

t

Сосна. У Обледеневшего пня...

Ёжик. У Обледеневшего пня...

Сосна. Бьёт Незамерзающий ключ...

Ёжик. Бьёт Незамерзающий ключ.

Сосна. Там, на самом дне, стоит твой цветок.

Ёжик (как эхо). Там, на самом дне, стоит мой
цветок.

Сосна. Запомнил?

Ёжик. Запомнил.

Сосна. Повтори.

Ёжик. Через двести сосен от тебя, за Кривым
оврагом, у Обледеневшего пня...

Сосна. Правильно.

Ёжик. ...бьёт Незамерзающий ключ. Там, на са-
мом дне, стоит мой цветок!

Сосна. Верно!

Ёжик. Что мне для тебя сделать, тётушка Сосна? Ведь скоро у меня будет цветок Всем-всем хорошо и всем-всем весело!

Сосна. Не радуйся прежде времени. Его ещё надо достать, Ёжик.

Ёжик. Я достану! (Убегает, но тут же возвращается.) Но что мне всё-таки тогда для тебя сделать?

Сосна. Ничего. Просто ты будешь первым, кто достал этот цветок...

Ёжик. Тогда... Тогда... Тогда я сделаю так, чтобы все, кто помог мне сегодня, пришли на поляну к зайцам встречать с нами Новый год! Спасибо, тётушка Сосна-а-а!..

Сосна. Счастливо тебе, Ёжик! (Снимает снежную шапку, кланяется вслед убегающему Ёжику.)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

(Ночь. Ёжик бежит через лес, считает сосны.)

Ёжик (на бегу). Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять... Семьдесят семь, семьдесят восемь, девяносто пять... Сто сорок один, сто сорок два... Ффу-у!.. Сил нет! Отдохну! (Садится на снег.) Темно уж почти совсем... и звёздочки высыпали... Вон какая звезда! Поем снегу и побегу дальше. (Хочет есть снег, но останавливается.) Нет, снег есть нельзя, а то стану горячий, как утюг... (Вскакивает, бежит дальше.) Сто семьдесят, сто семьдесят один, сто семьдесят два... (Бежит, бежит.) Сто девяносто восемь, сто девяносто девять, двести! А-а-а! (Кричит, проваливается, слышен его голос.) Та-ак, это я в Кривой овраг угодил... Ни-че-го, выберусь... (Появляется.) Вот Обледеневший пенёк. Ой! Что это? (Наклоняется, и тут сквозь открывшееся, прорезанное в ширме окно мы видим

необыкновенный цветок, точь-в-точь похожий на дрожащую звезду в небе.) Цветок!.. А до чего похож на звезду! (Задирает голову, смотрит вверх, на звезду, потом вниз, потом снова вверх и вниз.) Совсем как звезда! (Встаёт на колени, пытается достать цветок лапой.) Нет, лапой не достать... Возьму палку. (Возвращается с палкой.) Нет, палкой нельзя — могу поранить... Что же... (Ходит вокруг.) Что же делать? Может, нырнуть? А вода? (Пробует.) У-у-у! Холодная! (Дрожит.) Но ведь Медвежонок без этого цветка ни за что не поправится! (Разбегается, считает.) Раз... два... три! (Стоит на месте, дрожит.) Раз!.. Два!.. Три!! (Бежит и застывает возле ключа как вкопанный.) Нет, всё, прыгаю! (Еле слышно.) Раз-два-три! (Соскальзывает в воду — «буль-буль-буль!»; сквозь окно в ширме мы видим Ёжика, нашаривающего цветок под водой; выныривает.) Смотрю отсюда — вот он, вот он, цветок! Нырнул. Открыл под водой глаза — нет. Нырну снова! (Нырять, выныривает.) Опять нет! (Снова ныряет, появляется; чуть не плача.) Нету... Ой как холодно,

как холодно, как холодно! (Пытаясь согреться, прыгает, бьёт себя лапами; скороговоркой.) Я не могу уйти, как же я уйду, что будет с Медвежонком? (Нырять, появляется на поверхности, кричит.) Помогите! Помогите мне! Я тону! У меня окоченели лапы! (Идёт ко дну, отталкивается; плача в голос, выбирается на берег.) Надо бегать, надо бегать, надо бегать, чтоб согреться! (Бегает, бегают, останавливается.) Цветок! Цветок! Я не смог тебя достать! Медвежонок! Прости меня! Мне холодно! (Его бьёт озноб.) Простите меня! Все-все! Я видел и не смог достать цветка Всем-всем хорошо и всем-всем весело! Я замерзаю! (Убегает.)

ON/OFF

195

v

t

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

(По тёмному лесу, освещённому луной и звёздами, бежит Ёжик. Только он совсем не похож на нашего Ёжика. Это какой-то снежный цветок или маленькая небесная звёздочка на тоненьких ножках.)

Ёжик (останавливаясь). Всё, не могу больше. Сейчас возьму и усну. (Садится.)

Ясень (голос). Ёжик, если ты устанешь в пути и у тебя не будет сил идти дальше, откуси кусочек моей коры и скажи: «Ноги, мои ноги, идите сами!» — и ноги сами принесут тебя куда пожелаешь.

Ёжик (медленно садится, с трудом выговаривая). У меня уже замёрзли губы, я больше не могу говорить... (Откусывает кусочек коры, тихо-тихо.) Ноги, мои ноги, идите сами!.. (Пускает по ветру осинный листок.) Листок, листок осинный, води меня домой! (И не успел он медленно всё это выговорить, как ноги сами подняли его и понесли вслед за побежавшим по снегу осиновым листком.)

(Возникает **Ясень**.)

Ясень. Что это? Что это мерцает под звёздами на снегу? Я никогда такого не видел. Но отчего мне вдруг стало так весело и хорошо?

(**Ёжик** молча пробегает. Появляется **Осинка**.)

Осинка. Смотрите, смотрите! Что это? Неужели звезда? Звёздочка с неба бежит по земле! Никогда мне не было так хорошо и весело!

(**Ёжик** молча пробегает.)

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

(Домик **Медвежонка**. **Доктор Дятел**, **Зайчонок**, **Первый Заяц** дежурят у постели больного.)

Доктор Дятел (склонившись над **Медвежонком**). Ему хуже.

Первый Заяц. Где же Ёжик? Неужели ему не удалось найти волшебный цветок?

ON/OFF

196

v

t

(Стук в окно. **Дятел** открывает форточку.)

Второй Заяц (появляется в форточке). Лучше?
Доктор Дятел (мотает головой). Нет.

(**Второй Заяц** исчезает. Стук в дверь.)

Третий Заяц (заглядывает). Лучше? (Исчезает.)

Доктор Дятел. Надо сменить компресс. (Снимает с головы **Медвежонок** полотенце.) **Зайчонок**, иди окуни его в снег, пусть станет холодным-холодным, и неси сюда.

Зайчонок. Я быстро! (Берёт полотенце, выходит и замирает. У двери, сияя и переливаясь, как звезда, покачиваясь на одной ножке, — **Ёжик**. **Зайчонок** кричит.) Цветок! Цветок! Илютик! Он его нашёл! (Берёт на руки **Ёжика**, вбегает в дом.) Вот! Смотрите!

Доктор Дятел (важно). Ммм... Это — он!

Первый Заяц. Смотрите! Смотрите! **Медвежонок** поднимается...

Зайчонок (передавая «цветок» **Медвежонку**). Ах, как мне хорошо-хорошо и весело!

Доктор Дятел. Возьми его в лапы, **Медвежонок**. Этот цветок спас тебе жизнь.

Медвежонок (берёт «цветок»). Какой чудесный цветок! (**Медвежонок** прижимает снежный цветок к груди — и снежный цветок на глазах у всех превращается в **Ёжика**.)

Все (в один голос). **Ёжик!!!**

(И — началось веселье.

Все обнимаются, радуются, смеются.)

Первый Заяц (кричит). Скорей на поляну, к нашей ёлке! Сейчас придёт Новый год!

(И вот уже поляна с сияющей ёлкой посередине. И все веселятся, пляшут, ведут вокруг ёлки хоровод...

И тут появляются **Осинка**, дедушка **Ясень**
и тётушка **Сосна**.)

Сосна. Ты приглашал нас на праздник, **Ёжик**. Мы пришли...

(Все трое кланяются.)

Ёжик (всем). Стойте! Стойте! Это... Это — Осинка. (Кланяется Осинке.) Это — дедушка Ясень. (Кланяется Ясеню.) Это — тётушка Сосна. (Кланяется Сосне.) Без них Медвежонок ни за что бы не выздоровел! Давайте их нарядим — ведь их никогда не наряжают, — чтобы они были такими же нарядными и праздничными, как наша новогодняя ёлочка! (И тут же на Осинке, Ясене и Сосне сотнями огней вспыхнули разноцветные лампочки, и будто по волшебству на каждой веточке засверкали золотые и серебряные игрушки. И все принялись так веселиться, как никогда ещё не веселились в лесу, и громче всех пел и громче всех топотал лапами выздоровевший Медвежонок, и всем-всем было особенно хорошо, и всем-всем было особенно весело оттого, что вместе с ними танцевал и пел настоящий живой цветок, а может быть, даже настоящая звёздочка с неба — Ёжик.)

Все (поют).

Мы снежок притопчем
На большой поляне,
Ёлочку нарядим,
Сядем, посидим,

Отдохнём немножко,
Нашу песню грянем,
Всех ребят на праздник
В гости пригласим!

1. Понравилась ли вам эта сказка? Почему?
2. Как вы поняли, удалось ли Ёжику найти снежный цветок? Почему вы так думаете?
3. Почему автор так назвал свою сказку? А подходит ли к ней название «Снежные цветы»?
4. Можно ли сказать, что эта сказка — для маленьких?
5. Чем похожа она на народные сказки и чем отличается от них?
6. Вы, конечно, помните, что у драматического произведения свои законы. Например, судить о характерах героев мы можем по их речи, поведению, а также на основе авторских ремарок (замечаний в скобках). Прочитайте сказку по ролям, стараясь передать характеры героев, точно следуя ремаркам.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Современные детские писатели.

Два интервью

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НАШИ ГЕРОИ:

Николай Александрович Рождественский — профессор.

Оля Сазонова

Игорь Сазонов

} близнецы, ученики 4-го класса

ГОСТИ:

Ксения Драгунская — весёлая детская писательница, рыже-волосая, с короткой стрижкой.

Тимофей Собакин (Тим) — добрый, задумчивый и бородатый. Пишет стихи, рассказы и сказки для детей.

Место действия — квартира на Остоженке, комната Николая Александровича. 2 апреля 2011 года.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

(Входят **Оля** и **Игорь**, здороваются.)

Профессор. Здравствуйте, друзья мои, ну как, вы готовы? Гости совсем скоро будут здесь.

Оля. Мне даже не верится, что мы познакомимся с настоящей дочкой Виктора Драгунского. Интересно, какая она? Мне почему-то представляется, как она спит в ящике от комода — совсем крошечная, помните, в рассказе «Сестра моя Ксения»?

Профессор. Ксюша уже выросла. По профессии она киносценарист, а ещё она драматург и детская писательница. С ней придёт её друг Тим. А знаете, что я хотел вам предложить? Возьмите у наших гостей интервью. Посмотрите в библиотеке их книжки, приготовьте вопросы поинтересней.

КАРТИНА ВТОРАЯ

(Интервью с **Ксенией Драгунской**.)

Игорь. Скажите, пожалуйста, а дети писателей обязательно тоже становятся писателями?

Ксения. Вовсе нет. Они становятся капитанами дальнего плавания, милиционерами, дворниками, клоунами. Вот я, например, мечтала быть клоуном, потому что мой папа, когда был совсем

молодым, ещё до войны, работал клоуном в цирке и носил рыжий парик. Кстати, поэтому у меня волосы рыжие!

Игорь. А почему вы пишете для детей, а не для взрослых?

Ксения. Для взрослых скучно писать. Бывало, напишешь: «Я люблю тебя, Маша! — сказал Иван Иванович» — и так скучно станет!

Игорь. Ещё нам очень интересно: вы учились быть писательницей или это всё само получилось?

Ксения. Нет, не училась. Само. Просто, когда я собиралась чему-нибудь научиться, у меня на голове вырастали цветочки, беленькие такие. А с цветочками на голове кто же меня учиться возьмёт? Я школу дома заканчивала. Мой рассказ «Про меня» — он про меня.

Игорь. А в каком жанре вы работаете? (Сказал — и покраснел даже от гордости: вот как вопрос сформулировал!)

Ксения. Я бы так сказала: смешение жанров (рассказ и сказка как бы вместе) плюс чистая околесица!

Игорь. Что вам больше всего нравится в рассказах вашего папы?

Ксения. То, что папины рассказы — это для меня сам папа. Ведь, когда он умер, я была совсем маленькой девочкой. Читаю рассказы — и как будто разговариваю с ним.

Игорь. А какие книжки вы читали своему сыну?

Ксения. «Мэри Поппинс», «Лёньку Пантелеева», Льюиса Кэрролла. И ещё «Повесть о рыжей девочке» Будогоской. И папины рассказы, конечно.

Игорь. Как бы вы ответили на вопрос: что вы любите и чего не любите?

Ксения. Вот так: я не люблю грубиянов, дураков и молочную лапшу с пенками. Люблю кукурузу, собак, хорошую погоду, приятные сюрпризы и ещё кататься с горки на велосипеде.

Игорь. Спасибо! Вы обещали почитать нам свои...

Ксения. С удовольствием очень большим!

201

Ксения Драгунская (р. 1965)

КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

Жил-был мальчик Дмитрий Игоревич. Это потому что его звали Митя, а его папу — дядя Игорь.

Однажды Митя и его папа пошли на речку смотреть корабли. Идут, а навстречу — собака. Здоровенная! Пятнистая, с длинными ушами и бородой.

— Здорово похожа на пойнтера, — сказал Митя.

— Просто вылитый эрдель, — заметил папа.

Собака остановилась и стала на них смотреть.

— Сейчас кусаться будет, — решил Митя.

— Вот ещё, — сказала собака. — Других дел, что ли, у меня нет?

Митя и папа тоже остановились. От удивления.

— Извините, пожалуйста, — сказал Митя воспитанным голосом. — Разве собаки умеют разговаривать?

— Обязательно, — грустно сказала собака. — Но только в самом крайнем случае.

— А у вас что, уже крайний случай?

— Да, — сказала собака совсем грустно. — Я ищу своего человека. Скажите, пожалуйста, здесь случайно не пробежал мой человек?

— А он какой из себя?

— О! — сказала собака и улыбнулась. — Мой человек — он такой красивый! Кудрявый и с длинным носом. В его доме полно уютных углов, в которых можно подремать. На ужин мой человек ест огромные котлеты. А ещё у него очень удобные колени, куда всегда можно уткнуться мордой. Он играет на гитаре и поёт задумчивым голосом.

— Да это же просто вылитая Дарья Павловна! — воскликнул Митя, и все втроём они побежали к ней.

Уже издалека слышалось, как Дарья Павловна играет на гитаре и поёт задумчивым голосом песню про далёкую звезду.

ON/OFF

203

v

t

— Здравствуйте, Дарья Павловна! — погромче закричал Митя. — Тут пришла одна симпатичная собака и говорит, что вы — её человек.

Дарья Павловна выглянула в окошко.

— Ах, какой прелестный барбосик, — сказала она.

— Ну что? — спросил папа собаку. — Она твой человек?

— Ага! — сказала собака радостно.

Дарья Павловна упала в обморок. Потому что она не знала, что собаки умеют разговаривать в самом крайнем случае. Но Дарья Павловна тут же очнулась и опять высунулась в окошко.

— Мы сразу догадались, что это вы! — обрадовался Митя. — Потому что вы такая красивая, с длинным носом, и на гитаре игра...

— Чтоооооо???!!! — Дарья Павловна схватилась за сердце, а потом за свой нос. — Ах, негодный мальчишка, противный папа, гадкий пёс! Это у меня нос длинный?! Да у меня нос всего сто три миллиметра с половиной!

Она так сердито кричала, что чуть не вывалилась из окна. А Митя, папа и собака убежали.

ON/OFF

204

v

t

— Да, — сказал папа. — Наверное, она не твой человек. Она же котлет совсем не ест.

— Георгий Иванович ест котлеты! — подскочил Митя. — Бежим!

— Нет, — вздохнула собака. — И Георгий Иванович не мой человек. Честно говоря, у меня вообще нет своего человека. И не было никогда. Но одна моя знакомая полусиамская кошка говорит, что у каждой собаки или кошки должен быть хоть один родной человек на земле. К тому же вчера ночью шёл дождь. Он шёл-шёл-шёл-шёл-шёл-шёл-шёл и не заметил, что я на траве сплю. И пошёл прямо по мне. Я ему: «Чего брызгаешься?» А он: «Дома сидеть надо, когда я иду». Я говорю: «Ага, дома... А если у меня и дома-то нету?» А дождь говорит: «Ищи себе дом. Устраивайся в хорошие руки. Каждый барбос — кузнец своего счастья». И вот я пошла искать себе дом и устраиваться в хорошие руки. Да что-то не везёт...

Митя и папа смотрели на собаку.

— Весёлого мало, — сказал папа.

— Мы бы тебя взяли, — сказал Митя. — Да нам никакая мама не разрешит. У нас и так уже целых два морских поросёнка. Сыновья морской свинки.

— Что ж, — вздохнула собака. — Видно, быть мне всю жизнь бродягой...

А дело было в воскресенье. В воскресенье многие мамы любят ходить в гости или куда-нибудь по делам. У них такие особые, мамские дела, которые только по воскресеньям делаются. В общем, мамы по воскресеньям часто куда-то деваются. Поэтому в воскресенья повсюду бродят беспризорные папы с детьми. И мама Мити тоже утром уехала по делам. А теперь вернулась. Митя и папа видят — мама на своём мотоцикле мчится. Затормозила так лихо и говорит:

— А это что ещё за чудовище?

ON/OFF

205

— Это собака, — сказал Митя. — Ей жить нигде. Правда, на пойнера похожа?

— По-моему, её прадедушка — эрдель, — сказал папа.

— Обыкновенная бородатая дворняга крупных размеров, — решила мама.

Собака повернулась и пошла прочь такой несчастной походкой, что было сразу видно — это идёт дворняга, бедняга, бродяга и бедолага.

— Нет! — нахмурилась вдруг мама. — Всё неправильно. Нельзя, чтобы собака уходила такой несчастной походкой. Иди, собака, сюда. Оставайся. Будешь наша.

— У нас в доме полно углов, где можно дремать! — обрадовался Митя.

— А у меня как раз есть отличное старое пальто! — папа тоже обрадовался. — Подходящее пальто, фабрики «Красный молодец».

— Да зачем ей пальто? — удивился Митя.

— А она на нём спать будет.

А собака говорит:

— А руки-то у вас хорошие? Я только в хорошие руки хочу...

Папа, мама и Митя протянули ей свои руки. Она ткнулась носом в их ладони и вдруг стала красивая-красивая. Это она от счастья похорошела. Ведь теперь у неё было целых три своих человека и два морских поросёнка.

Только больше собака никогда не разговаривала. Крайний случай-то кончился!

ЕРУНДА НА ПОСТНОМ МАСЛЕ!

В деревне Толстокошкино (это недалеко от села Большие Барбосы) жила девочка Мотя. Она была очень хорошая. Никогда не ябедничала, не жадничала и не вредничала. И за такую хорошенькость папа повёз её в Москву, в настоящий театр.

Идёт Мотя по Москве, по сторонам глазеет. Вдруг видит — большой забор. А на заборе вот такими огромными толстыми буквами написано: «Все мальчишки — дураки!».

«Вот это да! — подумала Мотя. — Ничего себе! Неужели так вот прямо все до одного — дураки? И Данила? И Вася? Нет, Вася точно не дурак, сам стихи сочиняет. И Данила тоже — слова знает английские. Нет, не может быть, чтобы все — дураки. Но ведь крупными буквами написано. Не будут же в Москве неправду писать. Вот плакат во весь дом висит: «В магазине „Супербазар“ много всякой всячины!». Так в этом магазине и правда всё что душе угодно. Папа мне там разноцветный рюкзачок купил, а маме — гири здоровенные...»

Мотя всё время про надпись на заборе думала. Даже спектакль невнимательно смотрела. А после спектакля Мотя с папой пошли в гости к Мотиной четвероюродной сестре. Этой сестре было уже десять с половиной, и в одном ухе у неё висело сразу две серёжки.

— Я тут у вас на одном заборе такое прочитала, — шёпотом сказала Мотя своей четвероюродной сестре. — Что все мальчишки — дураки.

— А ты что, не знала? — удивилась сестра. — Вот деревня! У нас об этом все девчонки с детского сада знают.

— Как же так? — спросила Мотя. — А если какой-нибудь один мальчишка — не дурак?

— То, значит, он всё равно дурак, — сказала сестра. — Потому что он — мальчишка.

И Мотя решила, что если девочке уже десять с половиной и она носит две серёжки в одном ухе, то она в мальчишках лучше разбирается.

Мотя приехала домой в Толстокошкино, и к ней в гости пришли подруги — Анисья и Феофания. Мотя им про надпись рассказала. Анисья и Феофания засмеялись и поскорее убежали — всем остальным рассказывать.

А тут как раз Вася пришёл. И говорит:

— У меня есть свой собственный меховой ур-
чатель.

Расстёгивает куртку, а там — щенок.

— Между прочим, — говорит Вася, — южно-
европейский боксёр.

Мотя хотела щенка погладить, но вместо этого
сказала гордо:

— Все мальчишки — дураки!

Вася так удивился! Чуть щенка не выронил.
А потом как даст Моте по носу. От удивления.
А Мотя его за щёку — цап.

И поцарапала.

И пошло-поехало! По деревне Толстокошкино
девчонки скачут и кричат: «Все мальчишки ду-
раки! Все мальчишки дураки!» Мальчишки им
подножки подставляют, за волосы дёргают. Дев-
чонки царапаются, кусаются, визжат. Шум, гам.
Настоящая война началась. Тухлыми апельсина-
ми кидаются.

Тут мимо проходила директор школы Анна
Егоровна в большой шляпе. И в неё апельсин
угодил. Хорошо ещё, только по шляпе попало.
Шляпа улетела, а Анна Егоровна собрала собра-
ние школьников. И говорит:

— Я ничего не понимаю. Объясните мне, по-
жалуйста, что случилось.

И Моте пришлось всё рассказать про надпись.

— Хахахахахаха! — засмеялась Анна Его-
ровна. — Да это же чепуха. То есть ерунда по-
научному. Вот что. Уроки отменяются. Берём
тряпки, вёдра и едем в Москву смывать с забо-
ра эту глупую и вредную ерунду.

Приехали, нашли забор, стали стирать и смы-
вать. А буквы не стираются. И не смываются.
Тогда позвали знаменитого профессора Пяткина.
Он посмотрел на буквы, потом потрогал и даже
понюхал. И говорит:

— Это не простая ерунда. Это ерунда на по-
стном масле. А постное масло очень плохо от-

ON/OFF

208

v

t

мывается, надо позвать пожарных, чтобы они смыли эту ерунду своей особенной пеной.

Пожарные приехали и быстро-быстро смыли эту глупую ерунду. Забор стал чистый. А тут мимо как раз проходила художница Женя Чижик со своими красками и кисточками. И на чистом заборе она нарисовала портрет Моти, Васи, Данилы, Анисьи, Феофании, Анны Егоровны и профессора Пяткина. Потому что на заборах вместо ерунды на постном масле должны красоваться портреты всяких хороших людей.

Теперь Мотя совсем не читает, что на заборах написано. И сама не пишет. Ведь то, что написано на заборе, — или просто обыкновенная ерунда, или ерунда на постном масле.

1. Ребята, понравились ли вам рассказы-сказки Ксении Драгунской? Почему? Объясните.
2. Помогло ли вам интервью с Ксенией лучше понять её произведения?
3. Как это получается: Ксения Драгунская пишет о том же, о чём и многие другие детские писатели — о дружбе, например, или о любви к животным, но как-то иначе. Как?

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

(Интервью с **Тимом Собакиным**.)

Игорь. Скажите, кто из современных писателей вам особенно нравится?

Тим. Мне нравится, как пишут Марина Москвина, Сергей Седов, Андрей Усачёв, Марина Бородицкая, Олег Кургузов, Михаил Есеновский. Они стараются не делать в литературе того, что уже делали до них. Это их объединяет.

Игорь. Тим, а почему вы сами пишете для детей?

Тим. Дело-то всё в том, что для детей я писал давно, когда моей дочке было года три-четыре. Писал для неё. А всё остальное время пишу для взрослых, у которых в душе сохранились фантазия, чувство нового и чувство юмора. Но всё это есть у детей, и даже в большей степени, чем у взрослых. Дети меня хорошо понимают.

Игорь. Спасибо! И... наш «традиционный» вопрос: что вы любите и не любите?

Тим. Очень люблю и ценю нежность, верность и тепло. Ещё люблю сметану, особенно на завтрак. Не люблю хамство и всё, что с ним как-то связано. Не люблю зубную боль. И очень боюсь несвободы.

Оля. Тим, вы обещали, что почитаете нам стихи.

Тим. Спасибо вам за вопросы. Стихи можно, конечно. Но сначала — отрывок из повести. Это очень грустная повесть о том, что нужно беречь и ценить то, что у тебя есть сейчас, сегодня. Волк Матёрый знает, что Волчонок любит его и в нём нуждается, а всё-таки уходит. А потом будет жалеть...

ON/OFF

210

v

t

Тим Собакин (р. 1958)

из повести

«ЦВЕТ ВЕТРА»

Когда последние птицы улетали на юг, Волчонок, стоя на балконе, провожал их грустным взглядом. Впрочем, балкона у него не было. Зато были огромные серые глаза, в которых отражались небо, облака и птицы.

Матёрый Волк неслышно подкрадывался к Волчонку сзади.

— Улетают птицы в дальние края, — декламировал он. — Вот наступит время — полечу и я...

Матёрый Волк любил выражаться стихами. А Волчонок всегда вздрагивал от неожиданности. Он был пуглив и боялся всего на свете. Только Матёрого Волка не боялся.

Они медленно брели, шурша опавшими листьями. Вечерний город засыпал. В воздухе пахло чем-то жареным, но холодным.

— Ты что такой грустный? — задавал свой обычный вопрос Волчонок.

— Овечку загрыз, — нехотя признавался Матёрый Волк.

— Вкусная была?

— Нет, костлявая. Жалко её.

ON/OFF

211

— Питаться чем-то надо... — утешал его Волчонок.

Они присаживались на берегу пруда. В чёрной воде плескались утки — глупые такие.

— Эх, вода холодная, — облизывался Матёрый Волк, — а то бы нырнул.

— А я плавать не умею, — говорил Волчонок, думая о своём.

Минуту спустя Матёрый Волк начинал выть:

— У-у-у!.. Хууудо мне тууут! И овечки худыые. Убегу я отсюда, убегу-у-у...

— Куда убежишь?

— В Северные Края. Там овцы — знаешь какие? Как чемоданы! Дико упитанные.

Волчонок растерянно моргал серыми глазами:

— А как же я?

— Убежим вместе!

— Не могу. У меня тут мама, папа, дом...

— Дом... — кивал Матёрый Волк. — А я вот бездомный.

— А там ты с тоски взвоешь.

Так они беседовали. Тем временем в печати сообщали о наступлении зимы. Поверхность пруда затянулась тонким льдом. Большие снежинки опускались на мягкую шёрстку Волчонка. И не таяли.

— Вот и снег на тебе не тает, — вздыхал Матёрый Волк. — Окоченеешь скоро совсем.

— Не убегай! — просил Волчонок сероглазый. — Мне будет грустно без тебя.

— Да на что я тебе, матёрый такой?

— Ты мудрый.

— У меня вон шерсть выпадает. От недостатка витаминов.

— Ты милый...

— Зубы часто ломаются.

— Овечек надо меньше грызть, — чуть не всхлипывал Волчонок.

Он доверчиво прижимался к Матёрому Волку пушистой головою, усыпанной снежинками, и его

ON/OFF

212

шейка казалась ещё тоньше. Матёрый Волк неуклюже гладил её. «Загрызть, что ли?» — угрюмо думал он.

В конце зимы Матёрый Волк убежал-таки в Северные Края. Убежал незаметно — Волчонок даже не успел подарить ему свой любимый медный чайник, в который нельзя налить ни капли воды — в чайнике не было отверстий. А по весне от Матёрого Волка пришла короткая весточка: «Дорогой Волчонок! Тут полно овец — толстых, жирных, тупых и глупых. Даже питаться ими не хочется. В свободное от еды время слушаю музыку. Одна песня дико нравится, начинается так: YOUR EYES ARE COLORED LIKE WIND... Это на английском. По-моему, про тебя. В общем, у меня всё о'кей! Только тоскливо бывает. Выть иногда хочется. Но тут выть не принято — овец можно распугать.

С приветом, Волк Матёрый».

Волчонок целый вечер просидел над англо-русским словарём. Наконец ему удалось перевести строчку из песни: «Цвет тво-их глаз по-добен цве-ту вет-ра...»

И в самом деле подул ветер. Прилетели птицы. Волчонок, стоя на балконе, встречал их грустным взглядом. Хотя балкона у него по-прежнему не было.

«Интересно, какого цвета ветер?» — шептал Волчонок, осторожно пробираясь к пруду. Ему было жаль Матёрого Волка. И жаль себя...

Вокруг сновали машины, спешили прохожие. Никто не замечал Волчонка. Никто не видел, как из его глаз — цвета северного ветра — стекали светлые слёзы. А может, это были капли дождя, который Волчонок так любил. Когда последние птицы улетали на юг...

ON/OFF

213

v

t

Тим Собакин (р. 1958)

У животных нет одежды
Ни для ног и ни для рук.
Ходят звери, как и прежде,
Без ботинок и без брюк...

Вот одеть бы их по моде,
Нарядить и так и сяк,
Чтоб, гуляя на природе,
Люди видели бы, как

Щеголяют бегемоты
В разноцветных пиджаках,
А коровы носят боты
На высоких каблуках.

Впрочем, это лишь надежды,
Вызывающие смех.

У животных нет одежды —
Только шкура, только мех.

Только мех и только шкура
От копыт и до горба:
Уж такая их натура.
Уж такая их судьба.

1. Как вы думаете, это шуточное или серьёзное стихотворение?
2. Как бы вы его озаглавили?
3. Предложите тему для устного рассказа, связанного с содержанием стихотворения.

ON/OFF

214

v

t

ДО БУДУЩЕГО ЛЕТА

Уходит тихо Лето,
одетое в листву.

И остаются где-то
во сне иль наяву:
серебряная мушка
в сетях у паука,
невыпитая кружка
парного молока.

И ручеёк стеклянный.
И тёплая земля.

И над лесной поляной
жужжание шмеля...

Приходит тихо Осень,
одетая в туман.

Она дожди приносит
из зарубежных стран.

И листьев жёлтый ворох,
и аромат лесной,

и сырость в тёмных норах.

А где-то за стеной
будильник до рассвета
стрекочет на столе:

«До бу-ду-ще-го ле-та,
до бу-ду-ще-го ле-...»

эпилог

Итак, нам осталось... Да, ребята, а вы знаете, что такое **эпилог**? Уже догадались, наверное? Правильно, **это заключительная часть художественного произведения**. А наша книга, хоть это и учебник, имеет героев и сюжет, а значит, может иметь и эпилог.

Как вы уже поняли, наши герои, путешествуя по страницам истории русской детской литературы, добрались до самых-самых современных детских книг — даже до тех, которым только предстоит найти своих читателей. И что же, значит, нам пора расставаться с Николаем Александровичем, Игорем и Олей? Увы, нам придётся это сделать, но сначала мы отправимся в последнее путешествие. На этот раз — в будущее. На дисплее машины времени — год 2050-й. Игорь, Оля и Николай Александрович заняли свои места в креслах. «Приготовились!» И... ..комната в большой квартире. В комнате компьютер, рядом небольшой стеллаж, куча игрушек, в которые даже непонятно, как играть, стена — телевизионный экран. За компьютером мальчик. С ним сейчас познакомятся наши герои.

— Меня зовут Дима, мне девять лет. Вы сказали, что вы из прошлого? В это я могу поверить... почему у меня так мало книг? О нет, очень много! Компьютер через несколько секунд может выдать текст любой книги. Конечно, для этого мне не нужно выходить из комнаты... Посмотрите, а вот на этой полке есть несколько настоящих книг, их я люблю держать в руках, когда читаю. Эти книги стоят очень дорого, я их берегу. Вот, взгляните!

Дима достал с полки стеллажа несколько книг.

— Вот. Мои самые любимые! «Сказки» Пушкина, девятнадцатый век, «Денискины рассказы», написал в двадцатом веке Виктор Драгунский. Ещё вот... Борис Заходер. Сказки и стихи Маршака. Паустовский, Юнна Мориц, — перечислял мальчик.

ON/OFF

216

v

t

А знаете, ребята, когда наши близнецы услышали названия любимых Диминых книг, они почему-то даже не удивились. А вы?

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие четвероклассники!

Вы перевернули последние страницы учебника. Закончилось путешествие в историю русской детской литературы. Вы научились не просто хорошо читать, вы умеете теперь вчитываться в текст и вести диалог с автором, чувствовать силу и красоту слова, серьёзно размышлять над прочитанным. Вы можете теперь не просто сказать: «Мне нравится эта книга (этот рассказ, этот писатель...)», но и объяснить, чем именно, почему. И наверняка у каждого из вас появились любимые книги.

Вы знаете теперь, что история русской детской литературы — это долгий путь, знакомиться с которым интересно и увлекательно. Сколько же умных, добрых, весёлых и талантливых людей писали и пишут для детей! Жалко, конечно, что не со всеми мы смогли познакомить вас на страницах учебника «В океане света» и других наших учебников по литературному чтению. Но это не беда! Нам хотелось, чтобы у вас был «компас в книжном море», а плавать в нём вы теперь можете вполне самостоятельно.

Успехов вам и счастья!

До встречи в 5-м классе в нашем учебнике по литературе «Шаг за горизонт».

Рустэм Николаевич
и Екатерина Валерьевна Бунеевы,
художники, издатели
и все-все, кто делал
этот учебник

217

ЭТИ КНИГИ СТОИТ ПРОЧИТАТЬ

- Аксаков С.** ДЕТСКИЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА.
Барто А. ТВОИ СТИХИ.
Берестов В. СТИХИ.
Благинина Е. ГОРИ-ГОРИ ЯСНО!
Булычёв К. ДЕВОЧКА С ЗЕМЛИ.
Введенский А. КОГДА Я ВЫРАСТУ БОЛЬШОЙ.
Велтистов Е. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКА.
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКА.
Владимиров Ю. НИНОЧКИНЫ ПОКУПКИ.
Волков А. СЕМЬ ПОДЗЕМНЫХ КОРОЛЕЙ.
ЖЁЛТЫЙ ТУМАН. ОГНЕННЫЙ БОГ МАРРАНОВ.
Гайдар А. ТИМУР И ЕГО КОМАНДА.
ГОЛУБАЯ ЧАШКА.
Галанов Б. КНИЖКА ПРО КНИЖКИ.
Горбовский Г. ЧУДЕСА ПОД НОГАМИ. СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ.
Даль В. СТАРИК-ГODOVIK.
Драгунский В. ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ.
Железников В. ПРО КАТЮ.
Житков Б. МОРСКИЕ ИСТОРИИ.
Жуковский В. СКАЗКИ.
Заходер Б. СТИХИ И СКАЗКИ.
Ишимова А. ИСТОРИЯ РОССИИ В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ.
Кассиль Л. ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ.
КОНДУИТ И ШВАМБРАНИЯ.
Коваль Ю. ЧИСТЫЙ ДОР.
Козлов С. ПОЮЩИЙ ПОРОСЁНОК (Сборник пьес).
Коринец Ю. ЧЕРЫРЕ СЕСТРЫ. ТУЕСОК.
Крылов И. БАСНИ.
Куприн А. РАССКАЗЫ.
Мамин-Сибиряк Д. РАССКАЗЫ И СКАЗКИ.
Маршак С. СКАЗКИ. СТИХИ. ЗАГАДКИ.
Матвеева Н. КРОЛИЧЬЯ ДЕРЕВНЯ.
Мориц Ю. БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ ДЛЯ МАЛЕНЬКОЙ КОМПАНИИ.
Некрасов Н. СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОСВЯЩЁННЫЕ РУССКИМ ДЕТАМ.
Носов Н. ВИТЯ МАЛЕЕВ В ШКОЛЕ И ДОМА.
РАССКАЗЫ.
Одоевский А. ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ.
Олеша Ю. ТРИ ТОЛСТЯКА.
Остер Г. ЗАРЯДКА ДЛЯ ХВОСТА. ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ.

ON/OFF

218

v

t

Погорельский А. ЧЁРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ.

Пришвин М. ГОВОРЯЩИЙ ГРАЧ.

Пушкин А. СКАЗКИ.

Рассказы начальной русской летописи.

Рассказы русских летописей XII – XIV веков.

Сапгир Г. ПТИЦЫ В ТЕТРАДИ. ЧЕТЫРЕ КОНВЕРТА.

Сотник Ю. АРХИМЕД ВОВКИ ГРУШИНА. РАССКАЗЫ.

Толстой А.К. КУРГАН: БАЛЛАДЫ И БЫЛИНЫ.

Толстой А.Н. СКАЗКИ И РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Толстой Л.Н. ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Успенский Э. 25 ПРОФЕССИЙ МАШИ ФИЛИПЕНКО.

Ушинский К. РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Хармс Д. СТИХИ.

Цыферов Г. ОБЫКНОВЕННАЯ КАПЛЯ. В МЕДВЕЖАЧИЙ ЧАС.

Чарская Л. ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.

СМЕЛАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.

Чёрный С. СТИХИ.

Чехов А. РАССКАЗЫ.

Чуковский К. СЕРЕБРЯНЫЙ ГЕРБ.

Шварц Е. СКАЗКИ, ПОВЕСТИ, ПЬЕСЫ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КОТОРЫХ ВКЛЮЧЕНЫ В УЧЕБНИКИ
«ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ» СЕРИИ «СВОБОДНЫЙ УМ»

Аким Я. — 1	Есенин С. — 3
Аксаков С. — 4	Житков Б. — 4
Андерсен Г.-Х. — 3	Жуковский В. — 4
Ахматова А. — 3	Заходер Б. — 1, 2, 3, 4
Бажов П. — 2	Золотухина Т. — 1
Балтвилкс Я. — 2	Истомин Карион — 4
Бальмонт К. — 3	Ишимова А. — 4
Барто А. — 1, 3, 4	Квитко Л. — 2
Башлачёв А. — 3	Ким Ю. — 3
Берестов В. — 1, 2, 3, 4	Коваль Ю. — 1, 3
Бианки В. — 3	Козлов С. — 4
Бирюков В. — 1	Кончаловская Н. — 4
Благинина Е. — 1, 4	Коринец Ю. — 3, 4
Блок А. — 3	Коршунов М. — 1
Болотов А. — 4	Крылов И. — 4
Бородинская М. — 2	Куликов Г. — 3
Бродский И. — 3	Куприн А. — 4
Брюсов В. — 2	Курляндский А. — 2
Бунин И. — 3	Лапин В. — 1
Введенский А. — 4	Левин В. — 2
Велтистов Е. — 4	Лермонтов М. — 2
Вересаев В. — 1	Линдгрэн А. — 2
Витка В. — 2	Майков А. — 2, 4
Владимиров Ю. — 2, 3, 4	Макаревич А. — 3
Волков А. — 3	Мамин-Сибиряк Д. — 3
Высоцкий В. — 3	Мандельштам О. — 3
Гайдар А. — 4	Маршак С. — 1, 2, 3, 4
Герасимов Д. — 4	Матвеева Н. — 2, 4
Гераскина Л. — 3	Маяковский В. — 3, 4
Голицын С. — 3	Милн А. — 2
Горбовский Г. — 2	Михалков С. — 1
Граубин Г. — 1	Мориц Ю. — 1, 2, 3, 4
Григорьев О. — 1, 2, 3	Мошкова Э. — 1, 4
Даль В. — 4	Некрасов Н. — 4
Демьянов И. — 1, 2	Новиков Н. — 4
Дик И. — 3	Новицкая Г. — 1
Долина В. — 4	Носов Н. — 1, 4
Драгунская К. — 4	Одоевский А. — 2
Драгунский В. — 1, 3, 4	Окуджава Б. — 3
Ершов П. — 2	Олеша Ю. — 4
Емельянов Б. — 3	Орлов В. — 2

ON/OFF

220

v

t

Остер Г. — 1, 2
 Пастернак Б. — 3
 Паустовский К. — 1, 3
 Перро Ш. — 3
 Песков В. — 1
 Плещеев А. — 4
 Погорельский А. — 4
 Полоцкий Симеон — 4
 Пришвин М. — 1, 3, 4
 Прокофьев А. — 2
 Пушкин А. — 2, 3, 4
 Родари Дж. — 2
 Савватий — 4
 Самойлов Д. — 3
 Сапгир Г. — 2, 3, 4
 Сент-Экзюпери А. — 2
 Сергуненков Б. — 2
 Скребицкий Г. — 1
 Сладков Н. — 1
 Собакин Т. — 4
 Твардовский А. — 3
 Твен М. — 3
 Токмакова И. — 1, 4
 Толкин Дж.-Р.-Р. — 2, 3

Толстой А.К. — 4
 Толстой А.Н. — 2, 3, 4
 Толстой Л.Н. — 4
 Тютчев Ф. — 3, 4
 Тургенев И. — 3
 Успенский Э. — 1, 3
 Ушинский К. — 4
 Фраерман Р. — 4
 Франко И. — 2
 Хармс Д. — 1, 4
 Хмельницкий В. — 2
 Цветаева М. — 3
 Цыферов Г. — 1, 2, 3, 4
 Чарская Л. — 4
 Чарушин Е. — 1
 Чехов А. — 3
 Чёрный С. — 1, 3, 4
 Чуковский К. — 4
 Чутковская А. — 1
 Шварц Е. — 4
 Шibaев А. — 1, 2
 Шишков А. — 4
 Эрадзе Л. — 2
 Янссон Т. — 2

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 4

ВЕК XX. НОВЫЕ ВСТРЕЧИ СО СТАРЫМИ ДРУЗЬЯМИ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМОЕ (в... библиотеку). Письмо бабушки. Актриса Лидия Алексеевна Чурилова, или Загадка Лидии Чарской	4
Л. Чарская. ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ (главы)	6
ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВЯТОЕ. Петроград. 1923 год. Редакция «Воробья». Житков и Маршак. Увлекательные рассказы. Чуковский и Житков: мы знакомы ещё с гимназических лет. Кто такие обэриуты?	31
Б. Житков. НИКОЛАЙ ИСАИЧ ПУШКИН	36
К. Чуковский. СЕРЕБРЯНЫЙ ГЕРБ (глава 1) ТЕЛЕФОН	44
Д. Хармс. «УЖ Я БЕГАЛ, БЕГАЛ, БЕГАЛ...»	51
Ю. Владимиров. ЧУДАКИ	53
А. Введенский. О РЫБАКЕ И СУДАКЕ.	55
ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕСЯТОЕ. Вокруг Маршака	58
С. Сивоконь. «ВЕЗИТЕ ВСЁ КАК ЕСТЬ, ПОЧИТАЕМ»	59
Е. Шварц. ДВА БРАТА (сказка)	62
Б. Галанов. «ПИШУ НА ТУ ЖЕ ТЕМУ ПО-СВОЕМУ...»	82
А.Н. Толстой. ФОФКА	86
КОТ СМЕТАННЫЙ РОТ	91
М. Пришвин. «ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»	93
С. Маршак. СИЛА ЖИЗНИ (о М. Пришвине)	97
Р. Бёрнс. В ГОРАХ МОЁ СЕРДЦЕ (Перевод С. Маршака)	99
Р. Киплинг. НА ДАЛЁКОЙ АМАЗОНКЕ (Перевод С. Маршака)	99
ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИННАДЦАТОЕ. 1928 год. Литературный утренник в Сокольниках. Балерина или поэтесса? Путешествие вдвоём. Юрий Олеша и... профессор Н.А. Рождественский	102

В. Маяковский. ИСТОРИЯ ВЛАСА – ЛЕНТЯЯ	
И ЛОБОТРЯСА	103
А. Барто. СНЕГИРЬ	109
Ю. Олеша. ТРИ ТОЛСТЯКА (отрывок)	114
Б. Галанов. КАК НАЙТИ ГОРОД ТРЁХ ТОЛСТЯКОВ? (отрывок)	126
ПУТЕШЕСТВИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ. «Дорогие мои мальчишки»	129
Р. Фраерман. ГАЙДАР И ДЕТИ	130
А. Гайдар. ТИМУР И ЕГО КОМАНДА (отрывки)	134
ПУТЕШЕСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ (самостоятельное).	
Смешные книжки. Тайна юмора и сатиры	150
Н. Носов. ФЕДИНА ЗАДАЧА	151
В. Драгунский. ЧТО ЛЮБИТ МИШКА	155
А. Барто. ДОКЛАДЧИК	160
ТРЕБУЕТСЯ ДРУГ	160
ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. «Книжкины именины» во Дворце пионеров. Кто есть кто? Опять знакомые незнакомцы	162
Е. Благинина. ФОРТОЧКА	163
Б. Заходер. ДОЖДИК	164
КИСКИНО ГОРЕ	164
В. Берестов. УРОК ЛИСТОПАДА	165
Ю. Коринец. ПОСЛЕДНЕЕ ЯБЛОКО	165
И. Токмакова. В ЧУДНОЙ СТРАНЕ	166
НЕВПОПАД	166
Г. Сапгир. ЛЕСНОЙ РАЗГОВОР	167
ЛЯГУШОНОК И МЫШОНОК	167
Э. Мошковская. «ЖИЛ НА СВЕТЕ ОДИН ЧЕЛОВЕЧЕК...»	169
«СНОВА СО ВСЕХ ДОРОЖЕК...»	169
Э. Успенский. МОЙ ЖИВОЙ УГОЛОК	170
НЕОБЫЧАЙНЫЙ СЛОН	170
С. Чёрный. ДЕТАМ	172
В. Долина. ПЕСНЯ ПРО МАННУЮ КАШУ	173
Г. Цыферов. Из книги «КАК ЛЯГУШКИ ЧАЙ ПИЛИ»	174
Н. Матвеева. ДЕВОЧКА И ПЛАСТИЛИН	176
БЫЛО ТИХО...	177
НЕРЕШИТЕЛЬНЫЕ	178
ПУТЕШЕСТВЕННИК	178
ЛЕТО	180
С. Козлов. СНЕЖНЫЙ ЦВЕТОК (пьеса-сказка)	182

ПУТЕШЕСТВИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ. Современные детские писатели.

Два интервью	199
Интервью с Ксенией Драгунской	199
К. Драгунская. КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ	201
ЕРУНДА НА ПОСТНОМ МАСЛЕ!	205
Интервью с Тимом Собакиным	209
Т. Собакин. Из повести «ЦВЕТ ВЕТРА»	210
«У ЖИВОТНЫХ НЕТ ОДЕЖДЫ...»	213
ДО БУДУЩЕГО ЛЕТА	214
Эпилог	215
Письмо к читателям	216
Эти книги стоит прочитать	217
Алфавитный указатель авторов, произведения которых включены в учебники «Литературное чтение» серии «Свободный ум»	219

В. Матвеев: ПУТЕШЕСТВИЕ ТРИНАДЦАТОЕ
И ЛОБОТРСА

В. Барто: СНЕГИРН

В. Олешева: ТРИ ТОЛСТО

В. Таланда: КАК НАЙТИ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ПЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ШЕСТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ СЕДЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДВАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ТРИДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ПЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ШЕСТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ СЕДЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДВАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ТРИДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ПЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ШЕСТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ СЕДЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДВАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ТРИДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ПЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ШЕСТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ СЕДЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ВОСЬМОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕВЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДЕСЯТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ОДИНАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ДВАДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ТРИДЦАТОЕ

В. Олешева: ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Серия «Свободный ум»

БУНЕЕВ Рустэм Николаевич, БУНЕЕВА Екатерина Валерьевна

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ

4 класс. Часть 2

«В океане света»

Художественный редактор — Е. Ковалевская

Подписано в печать 14.02.12. Формат 70х108/16. Гарнитура Журнальная.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 14 п.л. Тираж 70 000 экз. Заказ № 30815 (К-88).

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953005 — литература учебная

Издательство «Баласс».

109147 Москва, Марксистская ул., д. 5, стр. 1

Почтовый адрес: 111123 Москва, а/я 2, «Баласс»

Телефоны для справок: (495) 672-23-34, 672-23-12

<http://www.school2100.ru>

E-mail: balass.izd@mtu-net.ru

«Издательство Школьный дом».

129344 Москва, ул. Летчика Бабушкина, д. 1, корп. 3, офис 7

Почтовый адрес: 127254 Москва, Огородный пр., д. 5, стр. 1

Тел./факс: (495) 632-00-54 <http://www.school-izd.ru> E-mail: info@school-izd.ru

Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат»

214020 Смоленск, ул. Смольянинова, 1

УМК Образовательной
системы «Школа 2100»
для начальных классов

ЕДИНСТВО ЦЕЛЕЙ, СОДЕРЖАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЙ

УМК обеспечивают новый образовательный результат
в соответствии с ФГОС через личностное развитие ребёнка
и современную диагностику образовательного результата

Проверочные и контрольные работы:
диагностика предметных результатов по уровням

Диагностика
метапредметных
и личностных
результатов

Пособия для внеклассной работы

Учебники по риторике, пособия «Театр», тетради по проектной деятельности,
тетради для летних занятий направлены на развитие личности ребёнка

Дневник школьника

Наши дневники помогают научиться самостоятельно
планировать и оценивать свои достижения

Заявки принимаются по адресу: 111123 Москва, а/я 2, «Баласс»

Телефоны для справок: (495) 672-23-12, 672-23-34, 368-70-54; www.school2100.ru

Заявки на отправку по почте: (495) 735-53-98, bal.post@mtu-net.ru

Запись на курсы повышения квалификации по телефону: (495) 368-42-86; www.school2100.ru

Ежемесячный журнал «Начальная школа плюс До и После»

В журнале – материалы о работе по учебникам «Школы 2100»

Почтовый индекс для подписчиков РФ – 48990

